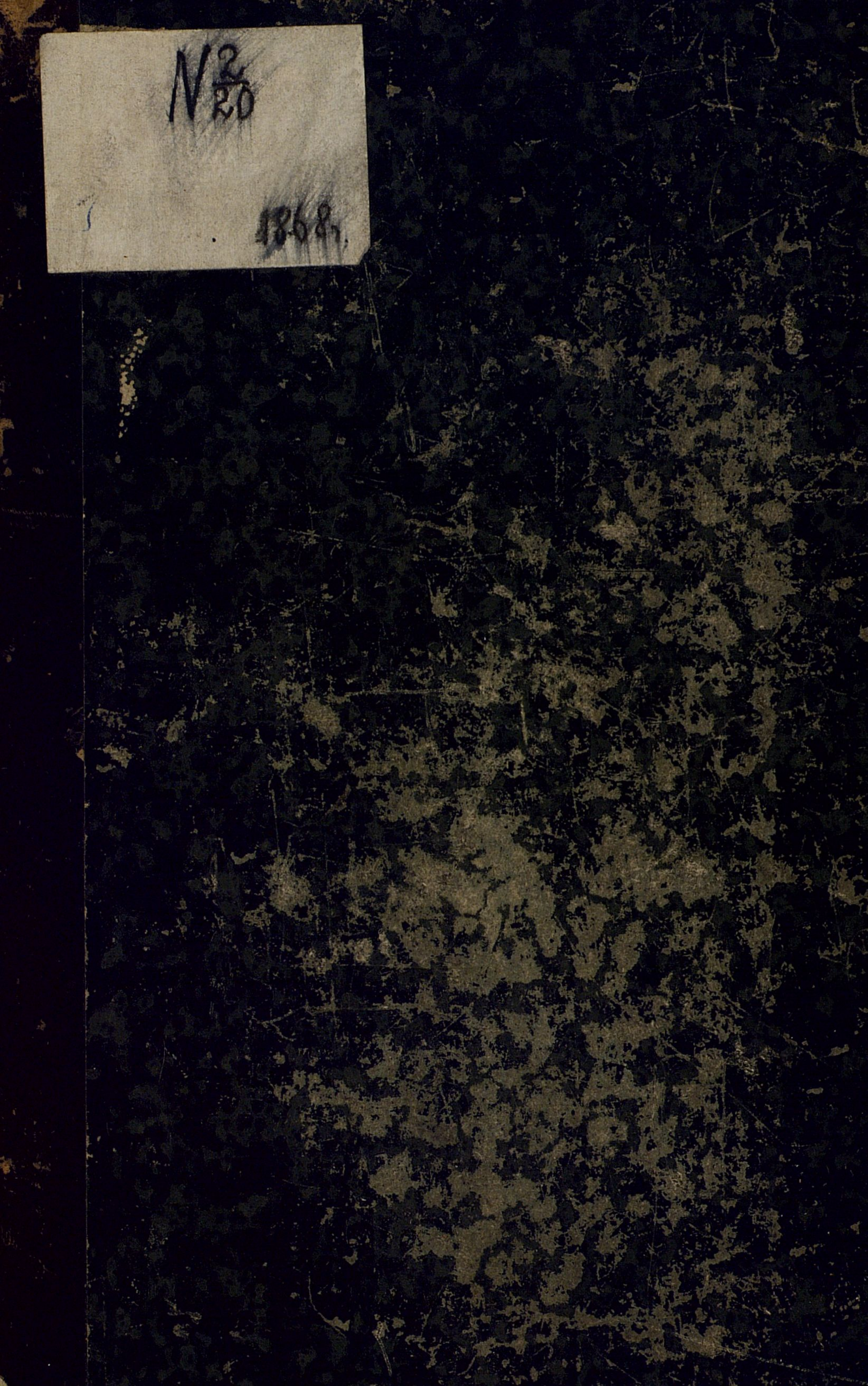
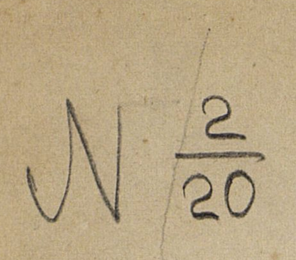
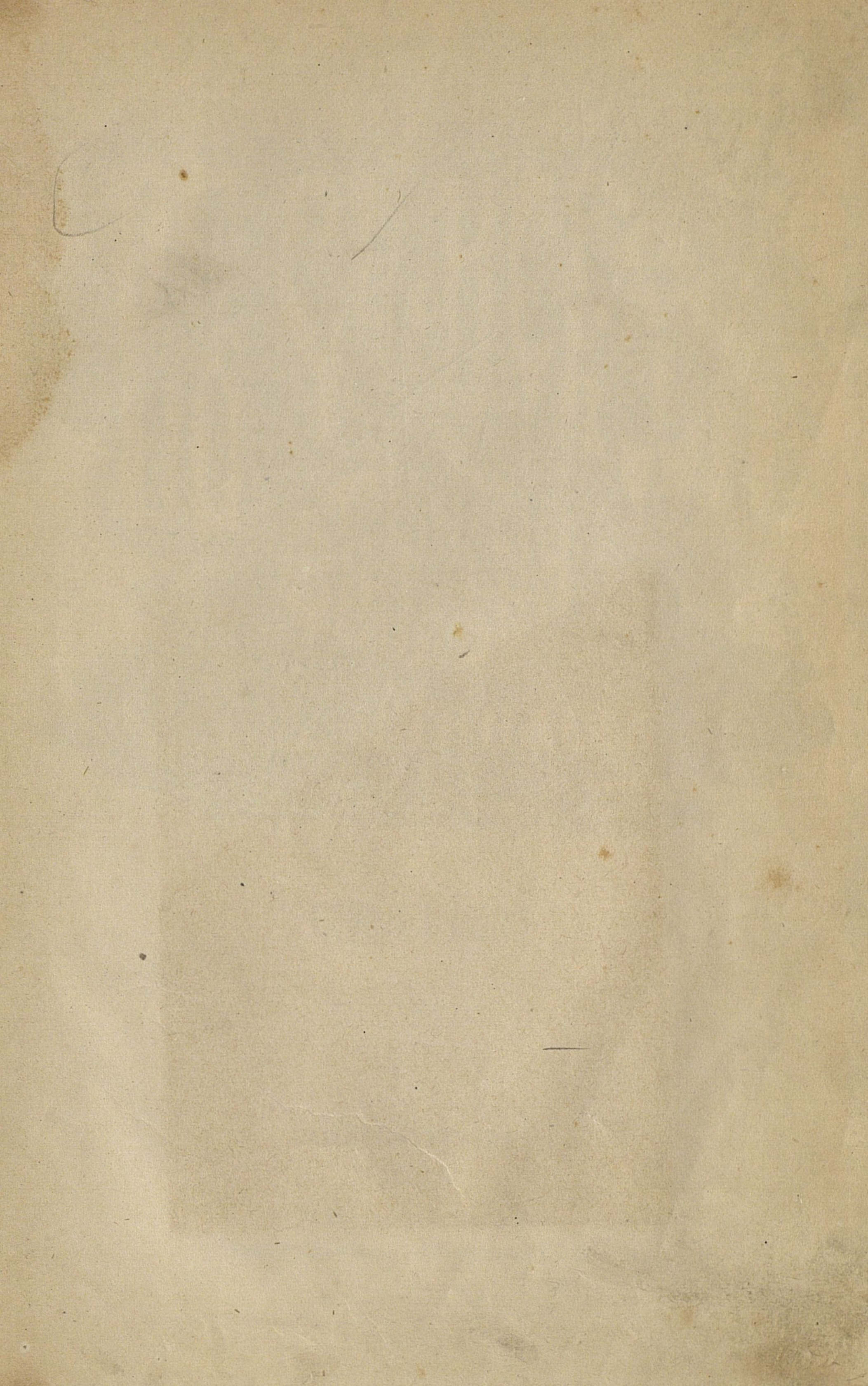

№ 2/20
1868.

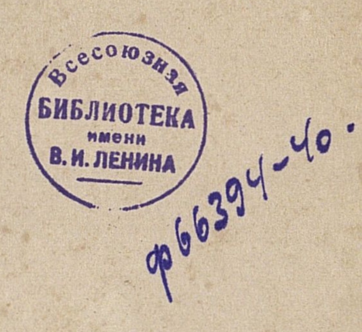

N 2/20

ИЗДАНІЕ В. И. АРИСТОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1868.
Въ Типографіи А. Траншеля.
НА УГЛУ НЕВСКАГО И ВЛАДИМІРСКАГО ПРОСПЕКТОВЪ Д. № 45—1.

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА
ф 66394-40.

2007054861

Отъ автора.

Большая часть стихотвореній, составляющихъ эту книгу, появляется въ особомъ изданіи въ первый разъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ пьэсъ, взятыхъ изъ собранія моихъ „ДУМЪ И ПѢСЕНЪ", изданныхъ въ 1863 году. Кромѣ того въ эту книгу вошли двѣ большія пьэсы и нѣсколько мелкихъ стихотвореній, еще нигдѣ прежде не напечатанныхъ.

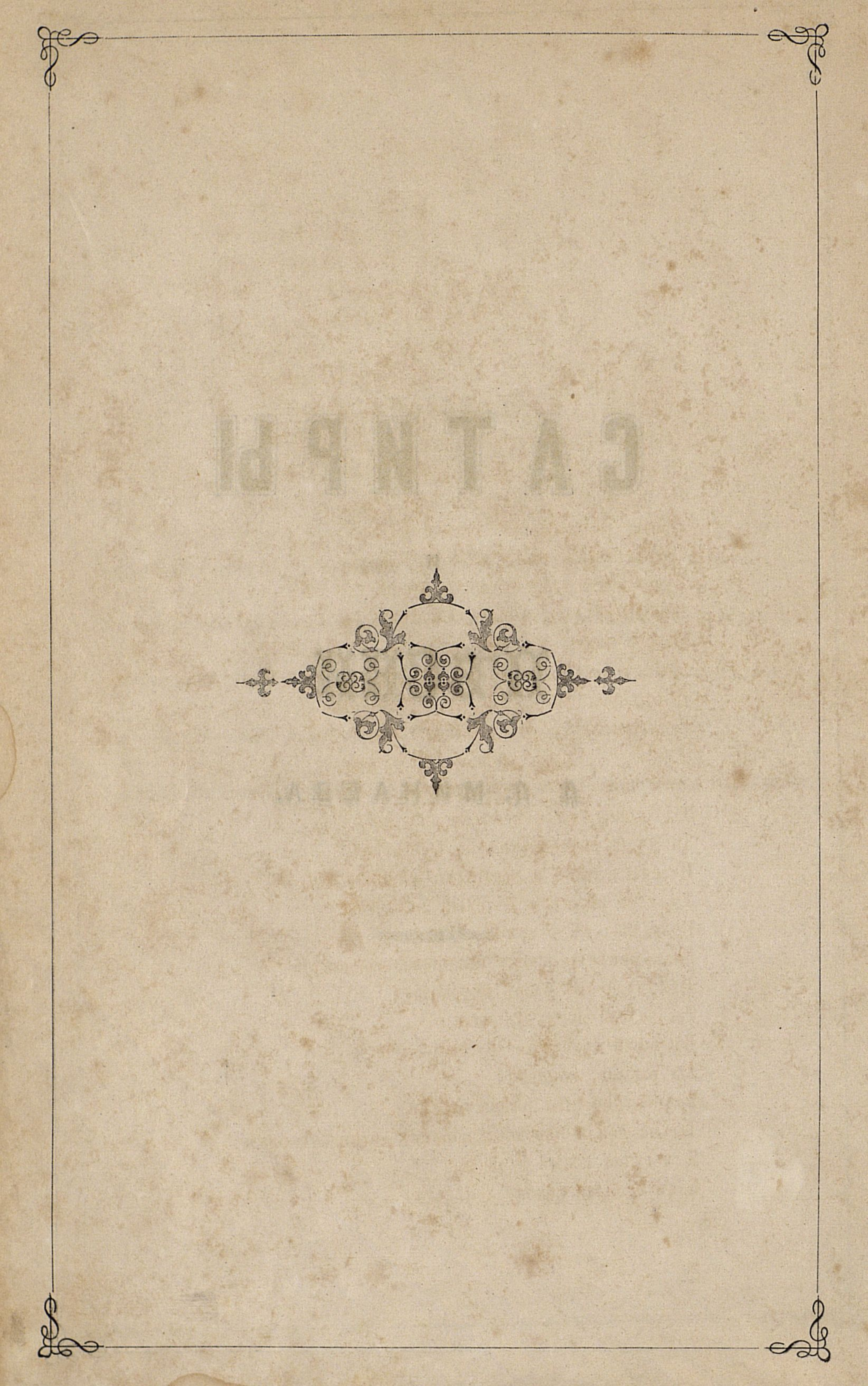
САТИРЫ

и

ПѢСНИ

А. А. МИНАЕВА.

Муза.

Муза, прочь отъ меня!
Я съ тобой разрываю всѣ узы...
Право честнаго слова цѣня,
Въ міръ хочу я явиться безъ музы.
Прочь, развратница! Твой Геликонъ
Шарлатанамъ сталъ мѣстомъ базара,
Лучезарный твой богъ Аполлонъ
Нарядился въ ливрею швейцара;
Опозоренный, дряхлый старикъ
Мелкой лестью смѣнилъ вдохновенье
И въ прихожихъ, въ грязи униженья,
Отъ рѣчей неподкупныхъ отвыкъ.
Муза, прочь!.. не нужна
Мнѣ опора твоя ненавистная.
Ты, порой, какъ весталка скромна,
То нагла, какъ блудница корыстная.
Передъ юнымъ и честнымъ пѣвцомъ
Ты свой умыселъ гнусный скрывала,
Подходила съ невиннымъ лицомъ,
Какъ невѣста, предъ брачнымъ вѣнцомъ,
Цѣломудренно взоръ опускала.
Ты водила поэта въ поля,
Въ наши грустныя, русскія степи;
Ты рыдала, кляня
Крѣпостничества ржавыя цѣпи,
Ты на вопли народныя воплемъ своимъ отвѣчала,
И могучая пѣсня стонала,
Какъ стонала родная земля.

Время шло... На мотивы гражданскіе мода
Обратилась въ плохое фиглярство;
Спали цѣпи съ народа
На глазахъ изумленнаго барства;
На вчерашнія тэмы напѣвъ
Что ни шагъ представлялъ неудобства
И свободная муза свой гнѣвъ
Промѣняла на лиру холопства.
А ты, поэтъ, спокойнѣй путь избравъ,
Не постыдился жалкаго юродства:
За чечевичную похлебку, какъ Исавъ,
Ты продалъ на обѣдахъ первородство.

Нѣтъ, муза,—прочь!...

Прогрессъ.

Никакаго не дѣлая дѣла,
Я считаю себя мудрецомъ,
Мнѣ не надо инаго удѣла —
Всѣ удѣлы съ печальнымъ концомъ.
Міръ безумцы учить приходили
И встрѣчали бичи и позоръ,
Палачи ихъ на плаху влачили,
Обливали ихъ кровью топоръ.
Мнѣ смѣшно отрицанье Вольтера.
Если вы отрицаете тьму,
Значитъ въ свѣтъ сохраняется вѣра,
Я жъ не вѣрю теперь ничему.
Отрицая, мы вѣримъ надмѣнно,
Что есть въ жизни къ прогрессу тропа,
Что, очнувшись отъ сна, непремѣнно
Старыхъ идоловъ сброситъ толпа;
Отрицая, мы вѣруемъ въ чудо,
Что вернуться нельзя намъ назадъ,
Что предать не рѣшится Іуда,
Что распять не посмѣетъ Пилатъ.
Люди трудятся вѣчно въ просонкахъ;
Жизнь проходитъ — и чтожъ подъ конецъ?
Дѣло самое — въ тѣхъ же пеленкахъ,
И подъ саваномъ гордый мудрецъ.
Какъ Евреи блуждали въ пустынѣ,
Мы блуждаемъ и нынче, какъ встарь;
На развалинахъ древней святыни
Воздвигается новый алтарь.

Безполезны рабочія руки;
Гибнутъ: молодость, сила, талантъ,
И на сторожѣ противъ науки
Сталъ невѣжества грозный гигантъ.
Тамъ къ труду пропадаетъ охота,
Гдѣ, какъ дѣти, капризенъ народъ:
Онъ сегодня караетъ деспота
И — да здравствуетъ новый деспотъ!..
Докажите публично народу,
Что оковы позорны ему
И народъ, проклиная свободу,
На рукахъ понесетъ васъ... въ тюрьму...
И надъ глыбой холоднаго трупа
Осмѣетъ благородный вашъ бредъ...
На себя намъ надѣяться глупо,
Если вѣры въ грядущее нѣтъ.
Потому то воскликну я смѣло,
Съ неподвижнымъ, холоднымъ лицомъ:
Нникакого не дѣлая дѣла,
Я считаю себя мудрецомъ.

Нищіе.

I.

Въ тьмѣ городскихъ чердаковъ,
Гдѣ-то подъ крышею самой,
Съ музой своею упрямой
Ищетъ поэтъ бѣдняковъ;
Имъ этотъ міръ разработанъ,
Но никогда не пойметъ онъ,
Чудакъ, —
Кто настоящій бѣднякъ.

II.

Такъ какъ «о бѣдныхъ» сюжетъ
Нынче сюжетомъ сталъ моднымъ,
То, съ увлеченьемъ мнѣ сроднымъ,
Выберу тотъ же предметъ,
Выясню въ сценѣ за сценой,
Хоть мнѣ не будетъ ареной
Чердакъ —
Кто настоящій бѣднякъ.

III.

Истинный чуткій пѣвецъ
Драму замѣтитъ повсюду.
Лазить въ подвалъ я не буду,

Гдѣ петербургскій жилецъ
Такъ драматически бѣденъ...
Нѣтъ, не оборванъ, не блѣденъ,
Не нагъ —
Нашъ настоящій бѣднякъ.

IV.

Рыщетъ парадный болванъ
Въ свѣтѣ безъ знанья и дѣла.
Это — живая новелла,
Пошлостей мелкихъ романъ.
Всюду таскаясь отъ скуки,
Шьетъ себѣ модныя брюки
И фракъ...
Вотъ настоящій бѣднякъ!

V.

Въ креслахъ, глазѣя въ лорнетъ,
Левъ изъ балетнаго міра
Дремлетъ за драмой Шекспира,
Золъ, что танцовщицъ въ ней нѣтъ.
Въ черепъ такого нахала
Здравая мысль не запала
Сквозь мракъ...
Вотъ настоящій бѣднякъ!

VI.

Шествуетъ въ мірѣ впередъ,
Путь пролагая, идея,
Но ни о чемъ не радѣя,
Старый, безграмотный мотъ
Только панели шлифуетъ,

Все молодое трактуетъ,
    Какъ врагъ...
Вотъ настоящій бѣднякъ.

VII.

Бабочекъ пестрыхъ полетъ,
Краски весны благотворной
Съ музою тупорожденной
Лирикъ до гроба поетъ;
Ставши парнасскимъ лакеемъ,
Вирши плететъ къ юбилеямъ
    На шагъ —
Близкій къ позору бѣднякъ.

VIII.

Гаеръ въ искусствѣ и гномъ,
Шутъ возмутительно плоскій
Передъ Венерой Милоской
Таетъ въ жару напускномъ
И—по заказу—вакханокъ
Пишетъ съ курносыхъ служанокъ
    Кой-какъ...
Вотъ настоящій бѣднякъ!...

IX.

Любитъ истасканный фатъ
Грубость цинической прозы,
Въ статуяхъ—наглыя позы,
Въ женщинѣ—наглый развратъ,
Въ пѣсняхъ—цыганскіе звуки,
Только не терпитъ науки
    Никакъ...
Вотъ настоящій бѣднякъ!

X.

Въ блескѣ роскошныхъ палатъ
Съ громкой извѣстностью въ свѣтѣ
Пышные нищіе эти
Праздную жизнь волочатъ.
Праздность и тупость!... Поэты!
Вотъ вамъ разгадки примѣты,
Вотъ знакъ —
Кто настоящій бѣднякъ.

XI.

Бросьте жъ подвальную дверь.
Въ свѣтлыхъ богатыхъ жилищахъ
Этихъ блистательныхъ нищихъ
Можете встрѣтить теперь,
Будете знать, что причесанъ,
Что не оборванъ, не босъ онъ,
Не нагъ—
Нашъ настоящій бѣднякъ.

Старыя сказки.

(изъ Г. Надо).

Съ вами за общимъ столомъ,
У камелька, въ полу-свѣтѣ,
Дайте подумать мнѣ, дѣти,
Дайте вздохнуть о быломъ.
Полная нѣги и ласки,
Свѣтлая, вѣчно-поющая,
Гдѣ моя юность цвѣтущая?..
—Старыя бабушка сказки!..

*
* *

Если бъ вы видѣли насъ:
Были прекрасны тогда мы.
Пышно рядились всѣ дамы
Въ кружева, ленты, атласъ,
Весело дѣлали глазки,
Жили, любили мы весело,—
Рѣзвая юность чудесила..
—Старыя бабушка сказки!..

*
* *

Въ пышныхъ салонахъ тѣхъ лѣтъ
Не было лишнихъ стѣсненій,
Дипломатическихъ преній,
Чопорныхъ скучныхъ бесѣдъ.
Музыка, говоръ и пляски,
Лица гостей не серьезныя...
И—остроты граціозныя...
—Старыя, бабушка, сказки!

*
* *

Дѣти! въ былыя лѣта,—
Вспомнить могу-ль безъ тоски я?—
Были пѣвцы,—да какіе!—
Новымъ пѣвцамъ не чета.
Смѣлаго творчества краски
Насъ чаровали и нѣжили,
Больше, повѣрьте мнѣ, нежели...
—Старыя, бабушка, сказки!

* * *

Если-бъ вы знали... Весь свѣтъ
Несъ намъ залогомъ привѣта
Славные лавры поэта,
Гордые лавры побѣдъ.
Сбросивъ суровости маски,
Люди предъ нами все падали...
—Бабушка, спать вамъ не надо ли?
Все это, бабушка, сказки!

Раутъ.

(поэма).

I.

Вторникъ... Въ пышномъ домѣ петербургской львицы
Вторники проводитъ высшій кругъ столицы.

Яркимъ свѣтомъ блещутъ окна въ бель-этажѣ,
Къ свѣтлому подъѣзду мчатся экипажи,

И вступаютъ чинно гости въ залъ парадный
Межъ цвѣтовъ и статуй лѣстницы нарядной...

Открывалась взорамъ комнатъ анфилада...
Бѣдняки прочли бы только надпись ада,

Надпись роковую на кругу плафонномъ:
«Дверь сюда закрыта всѣмъ не посвященнымъ.»

Самъ я (здѣсь замѣчу въ родѣ nota bene)
Не попалъ бы въ храмъ тотъ роскоши, мигрени,

Чванства, скуки праздной моднаго салона,
Если-бъ не узналъ я, что съ аукціона,

Только въ прошломъ мартѣ, съ молотка... Но, право,
Забѣгать впередъ я не имѣю права

И займуся снова прерваннымъ обзоромъ...
Анфилада комнатъ открывалась взорамъ.

Штофъ, атласъ и бархатъ, Нимфы и Венеры,
Съ золотыхъ карнизовъ падаютъ портьеры;

Аполлоны, Марсы, въ родѣ Леотара,
Колоссальный флигель фабрики Эрара,

И въ огромной рамѣ, прислонясь къ колоннѣ,
Итальянскій нищій молится Мадоннѣ,

Купленной хозяйкой за границей гдѣ-то...
Къ пышной обстановкѣ шла картина эта...

Лучше нѣтъ насмѣшки!... Римскій пролетарій
Былъ тутъ диссонансомъ средь пѣвучихъ арій.

Впрочемъ, не позволю смѣха музѣ робкой...
Съ давнихъ поръ ужь въ свѣтѣ ярой филантропкой

Называли львицу громко и открыто.
Вкругъ ея толпилась приживалокъ свита,

Награждала щедро нищихъ въ день причастья,
Даже,—здѣсь рискую въ умиленье впасть я,—

Въ фондъ литературный слала ежегодно
Пятьдесятъ цѣлковыхъ, гдѣ потомъ свободно

Два—три иностранца, лишь при словѣ: «выдай!»
Получали помощь подъ ея эгидой.

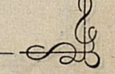
Участь ихъ завидна... Я вздыхаю въ тайнѣ,
Думая невольно: есть село въ Украйнѣ,

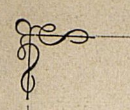
Есть въ селѣ могила, а въ могилѣ тѣсной
Кончилъ жизнь недавно дѣятель нашъ честный.

Чистымъ человѣкомъ онъ сошелъ съ дороги,
Модныхъ филантропокъ не топталъ пороги,

Таялъ, словно свѣчка, жизнію изломанъ...
Бѣднякомъ родился, умеръ бѣднякомъ онъ,

Міру неизвѣстенъ;—хоть писалъ онъ много
Всѣ о немъ узнали лишь изъ некролога

И немногихъ только память сохранила:
Есть село въ Украйнѣ, есть въ селѣ могила.

Умеръ!.. Другъ писатель! Случай тотъ—не новый;
Чтобъ избѣгнуть доли горькой и суровой,

Все равно, не первый ты и не послѣдній,
У ханжей столичныхъ кланяйся въ передней,

Заслужи вниманье даже ихъ холоповъ,
Да кади по больше въ славу филантроповъ,

Если нѣтъ въ запасѣ ни стыда, ни злости,
А не то...

II.

Въ гостинной собрались ужь гости.
Раутъ въ полномъ блескѣ, раутъ высшей пробы.
Мефистофель! гдѣ тутъ пища есть для злобы?

Въ этой атмосферѣ таютъ эпиграммы ..
На мѣстахъ почетныхъ засѣдаютъ дамы,

Строги, какъ гекзаметръ... Городской новеллой
Старая графиня съ внучкой перезрѣлой

Дремлетъ за кипсекомъ... Граціозно-дивныхъ
Нѣсколько элегій, въ видѣ дѣвъ наивныхъ,

Слушаютъ, какъ мило шепчетъ небылицы
Мадригалъ въ мундирѣ... Двѣ княжны—сестрицы

Сумрачны, какъ тучи, тонки, сухи, прямы.
Смотрятъ пятымъ актомъ мрачной мелодрамы.

Какъ живая ода, съ смѣлостью павлина,
Тучный консерваторъ споритъ у камина

Съ членомъ «комитета жалости къ животнымъ».
Былъ тамъ фарсъ, полвѣка, съ видомъ беззаботнымъ,

Сыпавшій остроты все одни и тѣже,
Каламбуромъ древнимъ слухъ старушекъ нѣжа.

Рядъ безличныхъ фатовъ, старыхъ селадоновъ,
Проникавшихъ всюду въ модный блескъ салоновъ,

Точно мухи лѣтомъ, дополнялъ картину.
Былъ тамъ и писатель, часто на чужбину

Ѣздившій, чтобъ черпать силу въ новой расѣ...
Онъ имѣлъ пристрастье къ Брюллевской террасѣ,

А теперь вернулся (чтожь! мы будемъ хлопать!..)
Авторомъ романа, подъ названьемъ «*Копоть*».

III.

Шелъ довольно вяло раутъ монотонный
Спѣлъ два—три романса въ залѣ освѣщенной

Устарѣвшій теноръ труппы итальянской,
Даже спѣлъ куплеты онъ по просьбѣ дамской,

Какъ «съ ея душою пламенно сливался...»
Шумъ аплодисментовъ долго раздавался.

Дальше — дилетантка, бѣлая, какъ пѣна
Финскаго залива, музыкой Шопена

Слухъ очаровала... Комикъ театральный,
Сценой изъ Гамлета, вызвалъ гулъ похвальный.

Онъ осипъ немножко, могъ замѣтить я бы.
Но весной бываетъ это и отъ жабы.

Вслѣдъ за монологомъ шелъ десертъ пріятный,
Въ голубомъ камзолѣ камердинеръ статный

Разносилъ подносъ свой съ фруктами и чаемъ
(Былъ тотъ парижанинъ Жоржемъ величаемъ).

Снова воцарилось общее молчанье.
Зоркая хозяйка обвела собранье

Безпокойнымъ взглядомъ... Мысль въ лицѣ мелькнула:
Чѣмъ бы вновь развлечь ихъ?.. Вдругъ она взглянула

Въ темный уголъ залы, занятый цвѣтами,
Съ купою банановъ, гдѣ, какъ въ темной рамѣ,

Статуей недвижной. всѣми позабытый,
Молча укрывался романистъ маститый.

Два любезныхъ слова (авторъ зналъ имъ цѣну)
Вызвали изъ мрака автора на сцену.

Рукопись, съ поклономъ, вынувъ изъ кармана
Сталъ читать онъ главы новаго романа.

Дамы всѣ рѣшили: «голосъ — симпатичный...»
И къ тому жъ онъ выбралъ эпизодъ отличный:

Ночь. Герой романа бредитъ до разсвѣта,
Раздраживши нервы запахомъ букета,

Скрыть подъ одѣяломъ лобъ пылавшій хочетъ —
Запахъ, чудный запахъ, дразнитъ и щекочетъ.

З-а-п-а-хъ!... Это слово, отъ волненья красный,
Произноситъ авторъ съ дрожью сладострастной.

Ароматъ цвѣточный, съ запахомъ букетовъ,
Были постоянно темой русскихъ Фетовъ.

Но въ романѣ новомъ есть глава такая,
Гдѣ сердитый авторъ, юность распекая,

Оргію рисуетъ съ буйной молодежью
И съ цинизмомъ мысли и съ реальной ложью.

Дрогнулъ отъ восторга залъ... рукоплесканья...
Муміи-старухи бросили молчанье.

Автору романа, мигъ удобный выбравъ,
Пожимали руки старцы всѣхъ калибровъ;

Ожилъ сонный раутъ въ оживленныхъ спорахъ,
Точно авторъ бросилъ искру въ самый порохъ,

Но среди привѣтствій общаго садома,
Вызвала молчанье рѣчь хозяйки дома:

IV.

«Слушать вашъ отрывокъ было намъ пріятно:
Молодежь — мы знаемъ — нынче такъ развратна,

Что молчать — нѣтъ силы, что терпѣть — нѣтъ мочи.
Нынче невозможно — я скажу короче —

Нанимать безъ страха русскихъ гувернеровъ,
Русскую прислугу: самый дикій норовъ.

А въ кругу мѣщанскомъ — женщины... О, Боже!
Ихъ я наблюдала въ оперѣ изъ ложи,

Или изъ коляски, видѣть ихъ — ужасно:
Точно какъ мальчишки спорятъ громогласно;

Руки безъ перчатокъ, стриженыя косы. .
Въ обществѣ, въ театрѣ курятъ папиросы!...

Ѣздила я въ Павловскъ прошлогоднимъ лѣтомъ,
Сидя близь оркестра вмѣстѣ съ княземъ *Зетомъ*,

Сзади услыхала споръ, въ бурнусѣ смятомъ,
Стриженой дѣвчонки съ мальчикомъ косматымъ, —

О какомъ-то Фогтѣ спорятъ — вотъ чудесно!
Фогтъ — виноторговецъ, это всѣмъ извѣстно.

А потомъ вдругъ слышу, молча негодуя:
«Завтра по дорогѣ къ вамъ сама зайду я...»

Говоритъ болтунья... Кровь застыла въ жилахъ,
Къ ней я обратилась, выдержать не въ силахъ:

«Милая, потише говорить нельзя-ли!..»
Помню я, какъ губы у меня дрожали...

Чтожъ? Представьте наглость! Съ позой скромной самой
Мнѣ она присѣла, какъ предъ классной дамой,

И сказало громко, при блестящей свитѣ:
«Я впередъ не буду... Ма grand'mère, простите!..»

И—захохотала. Въ новомъ поколѣньѣ
Вотъ одинъ обращикъ общаго растлѣнья,

Вотъ одинъ примѣръ вамъ, какъ упали нравы...
Юноши всѣ грубы, наглы, какъ зуавы;

Наши педагоги, нравственности стражи,
Ходятъ съ бородами въ институтахъ даже.

Дѣвушки... намъ съ ними сѣсть неловко рядомъ...
Къ школьникамъ открыто ходятъ въ гости на-домъ,

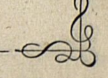
Въ насъ клеймятъ отсталость, видятъ фарисеекъ;
Изъ какихъ-то книжекъ набрались идеекъ.

Что ни шагъ—повсюду фактъ невѣроятный...
Въ этотъ мигъ явился парижаникъ статный

Въ голубомъ камзолѣ,—вслухъ, для всѣхъ господъ онъ
Доложилъ, что ужинъ въ главной залѣ поданъ.

V.

Полночь. Конченъ раутъ. Въ пышномъ будуарѣ
Лампы чуть мерцаютъ. . Въ бѣломъ пеньюарѣ

Свѣтская минерва на пушистомъ ложѣ
Съ позой утомленной дремлетъ, полу-лежа...

Вдругъ—какой-то шорохъ,—поднялась портьера...
Въ голубомъ камзолѣ... Но всему есть мѣра,

Скромности предѣлъ есть и—для эпилога
Этихъ трехъ куплетовъ даже слишкомъ много.

Сказка о восточныхъ послахъ.

Шлетъ вамъ гостинцы востокъ
Вмѣстѣ съ посольствомъ особымъ.
— Ну-ка, веди, мужичекъ,
Ихъ по родимымъ трущобамъ.
Ходятъ. Все степи, да лѣсъ,
Все, какъ дремотой одѣто...
— Это-ли русскій прогрессъ?
— Это, родимые, это!...

* *
*

Въ села заходятъ. Вросли
Въ землю, согнувшись, избенки;
Чахлое стадо пасли
Дѣти въ одной рубашенкѣ;
Крытый соломой навѣсъ...
Голосъ рыдающій гдѣ-то...
— Это-ли русскій прогрессъ?
— Это, родимые, это!...

* *
*

Городъ предъ ними. Въ умахъ
Мысль, какъ и въ селахъ, дремала,
Шепчутъ о чемъ-то въ потьмахъ
Два-три усталыхъ журнала.
Ласки продажныхъ метрессъ...
Грозныя цифры бюджета...
— Это-ли русскій прогрессъ?
— Это, родимые, это!

* *
*

Трудъ отъ зари до зари,
Бѣдность — что дальше, то хуже...
Голодъ, лохмотья — внутри,
Блескъ и довольство — снаружи...
Шалости старыхъ повѣсъ,
Тающихъ въ креслахъ балета...
— Это-ли русскій прогрессъ?
— Это, родимые, это!

* *
*

— Гдѣ-жъ мы, скажи намъ, вожакъ?
Эти зеленыя зимы,
Голыя степи и мракъ...
Полно, туда-ли зашли мы?
Ты намъ скажи на отрѣзъ,
Ждемъ мы прямаго отвѣта:
Это-ли русскій прогрессъ?
— Это, родимые, это!

Лунная ночь.

I.

Полночный мракъ!.. Лишь луннымъ свѣтомъ
Въ моей тюрьмѣ озарена
Съ ночнаго неба, теплымъ лѣтомъ,
Рѣшетка узкаго окна.
О, сколько разъ, съ ночнаго крова,
Въ иные дни, съ закатомъ дня,
Вотъ также съ неба голубаго
Луна смотрѣла на меня.

II.

Я былъ дитя. Вскочивъ съ кроватки,
Прижавшись къ нянѣ въ поздній часъ,
Я слушалъ, словно въ лихорадкѣ,
О змѣй-горынычѣ разсказъ.
Все въ страшной сказкѣ было ново,
А въ дѣтской темно, нѣтъ огня...
И также съ неба голубаго
Луна смотрѣла на меня.

III.

Я помню ночь. Всѣ въ домѣ спали,
Лишь мы въ аллеѣ, милый другъ,
Какъ дѣти, въ трепетѣ дрожали
За каждый шелестъ, каждый звукъ..

Руки пожатье... полу-слово...
И, мягкимъ свѣтомъ осѣня,
Вотъ также съ неба голубаго
Луна смотрѣла на меня.

IV.

Осенній вечеръ. Тускло зала
Освѣщена, а впереди,
Въ гробу, въ цвѣтахъ она лежала,
Сложивши руки на груди.
Въ углу, отъ горя роковаго
Рыдалъ я, жизнь свою кляня,
И также съ неба голубаго
Луна смотрѣла на меня.

V.

Мятель, сугробы... Съ дикимъ воемъ
Кругомъ меня стонала степь.
Я шелъ закованный, съ конвоемъ,
Въ ногахъ звучала мѣрно цѣпь.
Повсюду снѣгъ блестѣлъ и снова,
Какъ будто путника виня,
Сквозь иней, съ неба голубаго
Луна смотрѣла на меня.

VI.

Свидѣтель жизни неудачной,
Мнѣ ненавистна ты, луна!..
Такъ не смотри въ мой уголъ мрачный
Сквозь раму тусклаго окна,
И не буди того не скромно,
Что улеглось во мнѣ давно...
Пусть лучше въ небѣ будетъ темно,
Какъ на душѣ моей темно.

Безполезные вопли.

(изъ Мюссе.)

Какъ жалко ремесло твое, поэтъ!...
Ни годы битвъ, когда безсильно слово,
Ни дни труда, когда твой дѣтскій бредъ
Съ презрѣньемъ осмѣять толпа готова,
Ничто смирить не можетъ твой языкъ...
По первому призыву, какъ блудница,
Ты откликаться звуками привыкъ
И—за страницей въ міръ идетъ страница.
Пусть будетъ такъ! Страдая и любя
И не скрывая внутренняго жара,
Не унижай лишь только ты себя
Безчестной маской наглаго фигляра!...
Пусть въ трепетномъ безсильи старики
Изъ паутины вьютъ себѣ вѣнки,—
Мы разбиваемъ старые кумиры...
Брось далеко осколокъ льстивой лиры
И босикомъ, какъ Истина, впередъ
Съ свободной пѣсней выступи въ народъ.

* *
*

Маккіавель!.. Я будто вижу снова
Пустынный садъ, гдѣ прежде ты бродилъ...
Тамъ, послѣ дня безплодно-трудоваго,
Незная сна, ты ночи проводилъ,—
Тамъ, всѣмъ чужой, безъ дружескаго крова

Ты въ ужасѣ слѣдить нерѣдко могъ,
Какъ праздность сторожила твой порогъ,
Запасы силъ и кровь твою сосала
И, словно тѣнь, тебя не оставляла...
Тогда ты написалъ: «кто жъ я таковъ?
«Пусть мнѣ велятъ ворочать въ мірѣ камни —
«И эта ноша будетъ не тяжка мнѣ:
«Я горы подниму до облаковъ.
«Бездѣйствіе меня лишаетъ силы—
«Нѣтъ темноты ужаснѣй—тьмы могилы».

* *
*

Маккіавель! Я, какъ и ты, боюсь
Посредственности жалкаго покоя,
Съ ничтожествомъ, какъ ты не помирюсь:
Хочу «всего иль ничего» я.

* *
*

Я юнъ еще, но ужь успѣлъ устать
И шагъ за шагомъ молодость теряю,
А все жъ людей не въ силахъ презирать,
Лишь самаго себя я презираю.
Что сдѣлалъ я? Съ чѣмъ выступилъ впередъ?
А между тѣмъ летѣлъ за годомъ годъ...
Такъ мы дѣтьми глядимъ на жизнь безпечно
И все вдали, безъ темныхъ, грозныхъ тучь,
Намъ кажется свѣтло и безконечно, —
Но встрѣтивъ на пути прозрачный ключь,
Къ нему нагнувшись, съ видомъ отвращенья
Мы видимъ въ немъ свое изображенье —
Полуживой и старческій скелетъ...
Все кончено!.. Назадъ возврата нѣтъ.
Кровь, въ жилахъ закипавшая когда-то
Негодованьемъ въ прошлые года,
Могильнымъ холодомъ объята,
Въ насъ застываетъ навсегда.

Къ чему жъ твой опытъ, старость? Для чего же
Ты насъ гнетешь, даешь намъ чахлый видъ?
Вѣдь смерть нѣма; мертвецъ въ могильномъ ложѣ
Загадки смерти намъ не разрѣшитъ...
О, еслибъ тотъ, кто съ жизнью кончилъ счеты,
Въ тѣ дни, когда я въ жизнь еще вступалъ,
Сказалъ бы мнѣ: «хлопочешь изъ чего ты?
Остановись—я проигралъ!»

* *
*

О, Грецiя! Къ твоимъ святымъ руинамъ
Въ безумствѣ грезъ не разъ я улеталъ,
Хотѣлъ я быть тѣмъ гордымъ гражданиномъ,
Когда твой мiръ языческiй сiялъ
И красота, въ которой ты являлась,
Въ прозрачномъ Гелеспонтѣ отражалась.
Гдѣ жъ твой языкъ? Онъ сталъ нѣмымъ для насъ...
Лишь въ мраморѣ своихъ безсмертныхъ статуй
Предъ нами оживаетъ Фидiасъ...
А ты, искуства памятникъ богатый,
Ты, славный Римъ,—гдѣ вѣкъ тотъ золотой,
Когда твои художники, какъ боги,
Сходили въ мiръ въ лучахъ иной зари
И строили роскошные чертоги,
Гробницы и дворцы и алтари?...
Мнѣ чудится: больной и изнуренный
Микель-Анжело бросилъ свой рѣзецъ
И завистью и злобой раздраженный,
Глядитъ на Римъ онъ, блѣденъ, какъ мертвецъ.
А тамъ, вдали, улыбкой вдохновенной
Соперниковъ встрѣчаетъ Рафаэль...
Тамъ для труда Корреджiо смиренный
Забылъ покой и пищу и постель;
Тамъ о прекрасномъ, южномъ небосклонѣ
Толкуетъ съ Тицiаномъ молодымъ
Восторженный гордецъ Джiорджiоне;
Тамъ у подножья храма, недвижимъ,
Стоитъ Барталомео съ Рафаэлемъ...

А мы теперь... какимъ мы служимъ цѣлямъ?
Гдѣ нашъ пророкъ, борьбу ведущій съ зломъ?
Кто насъ ведетъ? Кто честно негодуетъ?
Искуство стало общимъ ремесломъ
И имъ художникъ съ наглостью торгуетъ...
Непроченъ трудъ и, какъ минутный бредъ.
Предъ нами исчезаетъ наша слава.
Все кончено! Съѣдаетъ жизнь отрава
Любви—и той на свѣтѣ больше нѣтъ.

* *
*

Несчастные и жалкіе поэты!...
Не выдавайте людямъ тайныхъ грезъ,—
Чтобъ вашихъ слезъ, кровавыхъ, жаркихъ слезъ
Никто не зналъ... и съ думой на челѣ ты
Молчи, пѣвецъ, не жалуйся, не плачь,
Не ожидай вниманья и участья:
Людское равнодушье, какъ палачь,
Въ тебѣ убьетъ послѣдній проблескъ счастья.

* *
*

Умолкни Веберъ... Ждетъ тебя давно
Старикъ Моцартъ... И ты, поэтъ — довольно—
Остановись! Намъ пѣть теперь смѣшно,
Смѣшно за тѣнью бѣгать добровольно.
Какой матросъ въ часъ бури запоетъ?
Нѣтъ мѣста пѣснямъ звучнымъ и прекраснымъ.
Иди, пѣвецъ, какъ труженикъ, въ народъ,
Опорой будь всѣмъ слабымъ и несчастнымъ.
Ты самъ страдалъ,—людскую скорбь и плачь
Скорѣй смиришь ты лаской и привѣтомъ,
Чѣмъ праздный и безчуственный богачь
        Съ его участьемъ подогрѣтымъ.
Счастливцевъ-ли холодная рука
Поддержитъ и утѣшитъ бѣдняка?...

* *
*

Смотрите: вонъ несутъ полуживаго
И съ язвами кровавыми больнаго ..
Едва ли онъ очнется къ жизни вновь.
Недвижный трупъ, запекшаяся кровь—
Всѣ видимые признаки мученья
Въ прохожихъ возбуждаютъ сожалѣнье.
Но вотъ другой: нѣтъ явственныхъ примѣтъ,
Что онъ страдалъ, но сердце въ немъ разбито,
Онъ дряхлъ и старъ и раньше срока сѣдъ.
Въ немъ, какъ въ гробу, его страданье скрыто!
Онъ всѣми позабытъ и одинокъ...
Такъ нашихъ слезъ весь ужасъ жгучей муки.
Безсильныхъ жалобъ сдержанные звуки
И близкій другъ понять подъ часъ не могъ.

* *
*

Пишу и разрывается на части
Больное сердце... Слезъ сдержать нѣтъ власти...
Что жъ медлю я? Что мнѣ мѣшать могло
Покончить съ жизнью счетъ въ одно мгновенье?
Нѣтъ, буду жить, насильно жить, на зло:
Пускай судьба пойметъ мое презрѣнье,
Пойметъ и устыдится, наконецъ,
Что для людей рукой своей суровой
Иль цѣпь куетъ, иль вьетъ вѣнокъ терновый.
Да, буду жить... Воскресни же мертвецъ!...

Обманутая муза.

От робкой музы прошлыхъ лѣтъ
При звукахъ пѣсни, прежде милой,
Какъ отъ любовницы постылой,
Порой, спасается поэтъ.
Такихъ примѣровъ въ жизни много,
Ужь издавна ведется такъ:
Пускаютъ музу на чердакъ
И прогоняютъ изъ чертога.

Пѣвецъ! Съ тобою я несла
Все иго бѣдности суровой,
Тебѣ сплела вѣнокъ лавровый
И лиру гордую дала.
Теперь въ цвѣтахъ твоя дорога.
Вельможей сдѣлался бѣднякъ...
Пускаютъ музу на чердакъ
И прогоняютъ изъ чертога.

Въ тебѣ я волновала кровь...
Въ своей коморкѣ безъизвѣстной
Пылалъ ты ненавистью честной,
Узналъ ты честную любовь.
Но спала маска съ демагога,
Меня смѣнилъ ему рысакъ...
Пускаютъ музу на чердакъ
И прогоняютъ изъ чертога.

Мнѣ близь тебя ужь мѣста нѣтъ,
Какъ въ старину, въ углу убогомъ...
Козырный тузъ твоимъ сталъ богомъ,
Твоей трибуной сталъ — обѣдъ,
Гдѣ рукоплещутъ старцы много,
Когда рукой подашь ты знакъ...
Да, я любила твой чердакъ
И ненавижу дверь чертога.

Мнѣ мѣста нѣтъ вблизи тебя...
Негодованьемъ подогрѣтымъ
Людей тревожить разлюбя,
Ты сталъ теперь инымъ поэтомъ:
Повсюда рвется съ языка
Оффиціальная эклога —
И честной пѣсни чердака
Краснѣетъ баловень чертога.

Однажды я вошла въ твой залъ —
Мнѣ стало дико въ пышной залѣ—
И «музы мести и печали»
Ты устыдился и — молчалъ.
Одѣта просто я и строго —
Теперь всѣ рядятся не такъ —
И чѣмъ гордиться могъ чердакъ,
То неприлично для чертога.

Съ подъѣзда пышнаго крыльца
Рыдая, кинулась бѣжать я
И только гнѣвное проклятье
Могла оставить для пѣвца.
Съ чела ~~былаго демагога~~ развѣнчаннаго смѣло
Вѣнокъ лавровый сорвала...
На чердакѣ я пѣть могла
~~И — убѣжала изъ чертога~~.
Но для чертога — онѣмѣла.

Каратель маленькаго зла,
Микроскопическихъ пороковъ
И безотвѣтныхъ лежебоковъ —
Бичуй ихъ всѣхъ изъ за угла,
Но даръ обѣденнаго слога
Мнѣ не приписывай никакъ:
Я посѣщала твой чердакъ,
Но презираю дверь чертога

Я за прошедшее стыжусь,
Какъ опозоренная муза,
И отъ постыднаго союза
Съ пѣвцомъ десертнымъ откажусь.
Твои заботы и тревоги:
Парадный спичь, парадный фракъ...
Пѣвецъ! Мнѣ милъ былъ твой чердакъ,
Но мѣста нѣтъ въ твоемъ чертогѣ.

Безумцы.

Безпокойной, тревожной толпой
Мы твердимъ постоянно о дѣлѣ
И плетемся житейской тропой,
Какъ хромые, которыхъ слѣпой
Велъ къ какой-то невѣдомой цѣли.

Мы, волы трудоваго ярма,
За работу хватаемся смѣло,
Но когда окружаетъ насъ тьма,
То сойти мы готовы съ ума:
Отчего не подвинулось дѣло?

Отчего человѣка судьба
Такъ несчастлива многіе годы?
Отчего безполезна борьба?
Отчего только въ грезахъ раба
Появляется образъ свободы?

Мы — безумцы. Ничтоженъ нашъ трудъ,
Потому что въ насъ мысль не созрѣла,
Потому что страстишки насъ мнутъ
И, когда насъ на дѣло зовутъ,
За чужое беремся мы дѣло:

Такъ во время пожара, въ дыму,
Мы ребенка въ огнѣ забываемъ
И въ смятеньи бѣжимъ не къ нему,
Но спасаемъ подушки въ дому
И не нужную рухлядь спасаемъ.

Назади, какъ въ грядущемъ, темно...
Промелькнетъ въ человѣчествѣ геній
И опять спитъ во мракѣ оно,
И великаго дѣла зерно
Тонетъ въ массѣ людскихъ преступленій.

Посмотрите: предъ нами встаютъ
Мертво-блѣдныя, жесткія лица.
Имъ на мудрость патенты даютъ,
Имъ при жизни ужъ лавры плетутъ,
Имъ роскошныя ставятъ гробницы.

Я смотрю на тебя, филантропъ!
Ты гуманность довелъ до разврата,
Такъ изящно ты хмуришь свой лобъ
И, пожалуй, полезешь и въ гробъ
Чтобъ обнять истомленнаго брата,

Но въ аптекахъ тотъ ядъ не лежалъ,
Тайный ядъ нескончаемой злости,
Филантропъ имъ жену отравлялъ
И кощунство слезами скрывалъ
И въ истерикѣ вылъ на погостѣ.

Изощряетъ свой умъ дипломатъ
Для полемики тонкой и жаркой,
У него проницательный взглядъ
Провести всю Европу онъ радъ
И — обмануть послѣдней кухаркой.

Вотъ каратель общественныхъ ранъ!
Для толпы онъ теоріи строитъ,
Для себя же — домовъ караванъ;
Онъ за словомъ не лезетъ въ карманъ
И карманъ для долговъ не раскроетъ.

— ,,Я тружусь, говоритъ бюрократъ,
Для развитья торговли народной —

И, закутанъ въ роскошный халатъ,
Порицаетъ за блюдомъ цыплятъ
Развращенье дѣвченки голодной.

Стихотворецъ привыкъ воспѣвать
Гражданина, земнаго страдальца,
И на дѣло бойцовъ призывать,
Но готовъ онъ всѣхъ музъ промѣнять
На пожатье сановнаго пальца.

Мѣднолобаго царства шуты,
Фаты мысли, холопы поклоновъ,
Свой языкъ обратили въ кнуты
И въ развратѣ блестящихъ салоновъ
Имъ бичуютъ развратъ нищеты.

Слишкомъ дешево наше проклятье,
Дешева наша битва со зломъ,
Какъ послѣдней блудницы объятья;
Мы за брата нейдемъ на распятье,
А скорѣе его мы распнемъ.

Оттого-то и дѣла нѣтъ въ мірѣ,
Оттого безразсвѣтна въ немъ мгла...
Всѣ оборваны струны на лирѣ
И не нашей беззубой сатирѣ
Свергнуть иго всеобщаго зла.

Гражданинъ Невскаго проспекта.

I.

На Невскомъ проспектѣ въ четыре часа
Пышнѣй и нараднѣй столицы краса;

Счесть всѣхъ экипажей блестящихъ нельзя
И зимнее солнце, по окнамъ скользя,

Дробится лучами въ зеркальномъ стеклѣ.
Огромные шлейфы влача на землѣ

И шляпкой прикрывши затылокъ едва,
(Подобная мода у насъ не нова)

Мелькаютъ обычныя группы изъ львицъ,
Румяныхъ старушекъ и чахлыхъ дѣвицъ —

И вьются вблизи ихъ — то вычурный франтъ,
То сбруей гремящій лихой адьютантъ,

То модный художникъ съ кудрями до плечь,
Но, чу! раздается знакомая рѣчь...

Въ обѣденный часъ цѣлый Невскій проспектъ
Судьбой осужденъ на привычный эфектъ —

Смотрѣть, какъ гуляетъ чиновный пріапъ,
Разгуловъ вакхическихъ менторъ и рабъ,

Которому память такая дана,
Что знаетъ камелій онъ всѣхъ имена,

Ихъ адресъ послѣдній и номеръ квартиръ,
И, если заглянемъ въ ихъ замкнутый міръ,

У каждой подъ рамкой знакомый портретъ
На стѣнкѣ красуется, какъ амулетъ...

Смотрите, бѣжитъ онъ! Смѣясь, на бѣгу
Жметъ женскія ручки на каждомъ шагу;

Съ одной перекинется парою словъ,
Съ другою къ Борелю поѣхать готовъ,

Забывъ свое дѣло, служебную цѣль
И съ срочной работой изящный портфель.

Юнѣйшій изъ старцевъ!.. Бездѣлью ты радъ, —
Пропустишь ли ты хоть одинъ маскарадъ?

Забудешь-ли новый скандальный балетъ,
Гдѣ съ каждой статисткой знакомъ много лѣтъ?

Кто лучше научитъ богатыхъ повѣсъ
Скоромнымъ куплетамъ французскихъ піесъ?

Кто лучше устроитъ секретный пикникъ,
Гдѣ жрицы веселья, разгульный старикъ,

Откинувъ назадъ соблазнительный станъ,
Тебя увлекаютъ въ безумный канканъ

И пѣсни смѣняются крикомъ — ура!..
И оргія длится всю ночь до утра...

II.

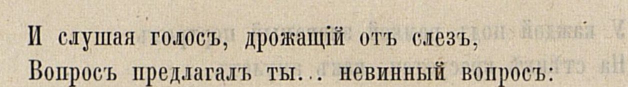
А утромъ... А утромъ въ пріемной твоей,
Подъ скромной вуалью, у самыхъ дверей

Видали просительницъ... Гнетъ нищеты
Не съ каждой стираетъ слѣды красоты,

Не каждую женщину бѣдность хранитъ
Отъ пошлыхъ намёковъ и горькихъ обидъ.

Красавицы прелесть, какъ ловкій знатокъ,
Подъ бѣдной одеждой замѣтить ты могъ

И слушая голосъ, дрожащій отъ слезъ,
Вопросъ предлагалъ ты... невинный вопросъ:

«Хотите любить меня, милочка?» Чтожъ,
Ну чѣмъ же подобный вопросъ не хорошъ?

И чѣмъ онъ обидѣнъ? Съ чего же она
Вдругъ вся задрожала и вышла блѣдна,

Какъ будто бы грубо была принята?..
Рѣшительно портитъ людей нищета!

О юный изъ старцевъ! Не трать своихъ словъ
Для бѣдныхъ чиновницъ и плачущихъ вдовъ.

Зачѣмъ переходятъ онѣ твой порогъ?
Оставь ты въ покоѣ такихъ недотрогъ

И крови напрасно своей не тревожь:
Ихъ ласки — печальны, ихъ гнѣвъ — не хорошъ;

Онѣ огрубѣли отъ вѣчныхъ заботъ
И съ честною женщиной много хлопотъ.

Ласкай ты цыганокъ, танцовщицъ, актрисъ...
За шляпу, за шляпу скорѣе берись —

Тебя ожидаютъ побѣдъ чудеса
На Невскомъ проспектѣ въ четыре часа.

Вампиръ.

I.

Въ Большомъ театрѣ шумный маскарадъ.
Бѣснуются наемные танцоры,
Одѣтые въ истасканный нарядъ,
Которымъ ихъ снабжаютъ куаферы.
Изъ свѣтлыхъ ложъ завистливо глядятъ,
Съ злословьемъ разсыпая приговоры,
Ряды надменныхъ сплетницъ и ханжей,
Грѣшить готовыхъ въ тайнѣ отъ мужей.

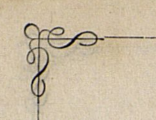
II.

Толпа усталой скучной молодежи
Межъ розовыхъ и черныхъ домино,
Межъ масокъ поизящнѣй и моложе
Обычный вздоръ болтаетъ — и давно
Въ таинственныя, литерныя ложи,
Гдѣ такъ всегда расчитанно — темно,
Попрятались отъ общаго движенья
Охотники искать уединенья.

III.

Картина маскарадная блѣдна;
Тамъ пѣсню всѣ поютъ одну и туже.
Тамъ интригуетъ ловкая жена
Начальника прокравшагося мужа,
Здѣсь за бакаломъ пѣннаго вина,
Подъ маской рядъ жемчужинъ обнаружа,
Француженка безъ всякаго труда
Плѣняетъ плотояднаго жида.

IV.

Съ Ефремовской камеліей продажной
Опрысканный духами жалкій фатъ
Мелькаетъ въ залѣ съ миной очень важной
И каждому потомъ дать клятву радъ,
Чтобъ щегольнуть побѣдою отважной,
Что онъ пріѣхалъ нынче въ маскарадъ
Съ княгинею, извѣстной въ высшемъ свѣтѣ,
Въ ея гербовой, княжеской каретѣ.

V.

Тамъ, какъ сатиръ между лѣсныхъ дріадъ,
Межъ содержанокъ, спутникъ ихъ завзятый
Хохочетъ сладострастный бюрократъ;
Здѣсь отъ безпутства блѣдный и измятый
Нашъ отставной, столичный меценатъ,
Наслѣдствами нежданными богатый,
Собравъ льстецовъ и женщинъ въ бенуаръ,
Ломается предъ ними, какъ фигляръ.

VI.

Идемъ теперь, гдѣ больше шляпъ и касокъ,
Гдѣ гуще нашъ чухонскій карнавалъ
Волнуется въ смѣшеньи разныхъ красокъ,
Гдѣ разодѣты, словно какъ на балъ,
Красавицы, безъ черныхъ полу-масокъ,
При грохотѣ оркестра, цѣлый залъ
Къ себѣ влекутъ, какъ праздничныя феи
И раздаютъ билеты лотереи.

VIII.

Но привлекаетъ больше всѣхъ одна
Къ своей, въ цвѣты увѣнчанной, эстрадѣ
Прекрасна, граціозна и стройна,
Какъ статуя въ классической Элладѣ.
Съ лукавою насмѣшкою во взглядѣ,
Умѣла помирить въ себѣ она
И прелесть формъ Венеры для приманки
И грацію вертлявой Парижанки.

VIII.

Не польза Кандіотовъ къ ней влечетъ
Бездѣльниковъ довольныхъ и счастливыхъ
И искрившихъ старческій свой ротъ
Отцвѣтшихъ львовъ и старцевъ похотливыхъ,
Но каждый скряга, каждый пошлый мотъ
Ей сторублевую бумажку подаетъ,
Чтобъ хоть за эту щедрую ошибку
Въ ея лицѣ поймать одну улыбку.

IX.

О, Гурія!.. Видали мы не разъ
Тебя — то въ соблазнительной тюникѣ,
То куртизанткой бѣшеныхъ проказъ
И вкругъ неслись неистовые крики,
Когда облечена въ прозрачный газъ,
Прекраснѣе султанской одалыки
И какъ вакханка вся обнажена,
На блюдѣ ты была принесена —

X.

На оргію мальчишекъ исступленныхъ
И, разбивая въ дребезги бокалъ,
Дремала на подушкахъ благовонныхъ...
Вотъ нашъ кумиръ, вотъ лучшій идеалъ
Баши-бузуковъ нашихъ современныхъ!..
Имъ милъ одинъ цинизмъ безъ покрывалъ,
Имъ дорога, какъ римлянамъ когда-то,
Искуственная грація разврата.

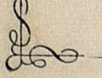
XI.

Грызи же ихъ, плѣнительный Вампиръ,
Грабь, розоряй, пока въ тебѣ есть силы,
Ихъ золотомъ диви тщеславный міръ
И нищими пускай ихъ до могилы,
Чтобы червямъ скорѣй доставить пиръ.
Пускай въ когтяхъ чарующей сивиллы,
Утративъ стыдъ, здоровье и кредитъ,
За паразитомъ гибнетъ паразитъ.

XII.

Вотъ почему честна твоя арена...
Ихъ не убьютъ сатирами пѣвцы:
Для мертвецовъ страшна одна гіена,
А всѣ они — живые мертвецы.
Ты ихъ одна задушишь, какъ сирена
И гнусные, моральные скопцы,
Попавъ въ твои губительныя сѣти,
Дадутъ другимъ дорогу въ этомъ свѣтѣ.

Тостъ.

I.

Дряхлый міръ нашъ, прожившій вѣка,
Не питаетъ пристрастья къ обновамъ;
Только съ виду нарядъ старика
Поражаетъ насъ чѣмъ нибудь новымъ.
Все по старому въ мірѣ идетъ,
Но не вѣря грядущимъ невзгодамъ,
Каждый годъ восклицаетъ народъ —
Съ новымъ годомъ!..

II.

Что жъ! — И въ насъ лучь надежды запалъ, —
Отрицанью вѣдь тоже есть мѣра. —
Такъ наполнимъ граненый бокалъ
Ароматной струей редерера
И теперь, какъ въ былые года,
Встрѣтимъ праздникъ мы вмѣстѣ съ народомъ...
Предлагаю свой тостъ. Господа! —
Съ новымъ годомъ!..

III.

Ты, владѣлецъ роскошныхъ палатъ,
Весь заплывшій отъ праздности жиромъ,
Ты червей пожиралъ, говорятъ,
Каждый день вмѣстѣ съ лимбургскимъ сыромъ.
Можетъ быть, въ этотъ годъ червяки
Доберутся подземнымъ проходомъ
До тебя у могильной доски...
Съ новымъ годомъ!

IV.

Ты, развратникъ и ловкій дѣлецъ,
На француженокъ тратившій взятки!..
Есть надежда: подъ судъ, наконецъ,
Попадешь ты за всѣ безпорядки,
Потеряешь блестящій свой постъ
И отправишся въ Вятку походомъ...
За тебя поднимаю свой тостъ:
Съ новымъ годомъ!..

V.

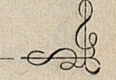
Сладострастный и хилый старикъ,
Взявшій въ жоны почти что ребенка!..
Къ этой мысли давно я привыкъ—
Проведетъ тебя эта дѣвчонка
И на лбу твоемъ выростутъ вдругъ,
Вслѣдъ за грустнымъ однимъ эпизодомъ,
Два рожка... Пей, счастливый супругъ!—
Съ новымъ годомъ!..

VI.

Честный юноша! Лгать не могу:
Онъ тяжелъ—долгій трудъ гражданина
И навѣрно на каждомъ шагу
Путь тебѣ загородитъ рутина,
Встрѣтитъ пошлость и мелкій развратъ,
Міръ, гдѣ цѣнятъ людей по доходамъ...
Знай все это и—юный собратъ—
Съ новымъ годомъ!..

VII.

Толковать о судьбѣ бѣдняка
Со слезами въ глазахъ—намъ пріятно,
А у двери его чердака
Голодъ будетъ стоять, вѣроятно.
Пусть!... При блескѣ сверкающихъ свѣчь,
Прокричавъ о сближеньи съ народомъ,
Въ честь его заключимъ свою рѣчь—
Съ новымъ годомъ!..

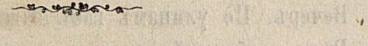

VIII.

Всѣ чего-то надѣются, ждутъ —
Встрѣтить праздникъ желаніемъ добрымъ,
Даже кляча, которую кнутъ
И подъ праздникъ стегаетъ по ребрамъ.
По чертогамъ, по темнымъ угламъ,
По зловоннымъ и мрачнымъ проходамъ
Слышенъ возгласъ одинъ — здѣсь и тамъ —
Съ новымъ годомъ!..

IX.

Всѣхъ, кому въ этотъ годъ суждено
Раздавить подъ колесами нищихъ,
Проиграться въ лото-домино
И отъ дѣлъ опочить на кладбищахъ,
Всѣхъ, глотающихъ невскій туманъ
Подъ гноящимся сѣвернымъ сводомъ,
Поздравляемъ, поднявши стаканъ—
Съ новымъ годомъ!..

На улицѣ.

(Четыре мгновенія.)

I.

Утро. Весь городъ отъ сна просыпается...
Люди рабочіе всюду бѣгутъ.
Гулъ и движеніе... Кто-то ругается
И... непремѣнно кого нибудь бьютъ.

II.

Полдень. Столица какъ будто нарятнѣе,
Взадъ и впередъ этипажи снуютъ...
Трескъ: на переднихъ наѣхали задніе
И... непремѣнно кого нибудь бьютъ.

III.

Вечеръ. По улицамъ газъ зажигается,
Рѣчи свободнѣй слетаютъ и кнутъ
Какъ-то живѣе въ рукѣ поднимается
И... непремѣнно кого нибудь бьютъ.

IV.

Ночь. Люди спятъ уже. Время приспѣло имъ
Кончить поденный свой трудъ,
Если же шагъ мы по улицѣ сдѣлаемъ —
Тамъ непремѣнно кого нибудь бьютъ.

Мефистофель.

Сцена изъ трагедіи.

Фаустъ.

Кто ты? Зачѣмъ ты здѣсь?

Мефистофель.

Вопросъ
Довольно странный, безъ сомнѣнья,
И если-бъ не въ аду я взросъ,
То ротъ открылъ отъ удивленья.
Вѣдь смыслъ такихъ пугливыхъ фразъ
Иному мальчику пригоднѣй ..
Я тотъ, котораго сейчасъ
Ты вызывалъ изъ преисподней
И испугался, какъ школяръ,
Передъ собой увидя чорта...
Я бѣсъ, но не такого сорта,
Чтобы бросать въ ознобъ и жаръ.

Фаустъ.

Ты...мефистофель?..

Мефистофель.

Заклинанья
Твои безсильны для меня.
Я бъ и не вышелъ изъ огня,
Но признаюсь, твои желанья,
Упорство, искренній задоръ
Вступить со мною въ договоръ

Мнѣ любопытны очень стали,
А въ любопытствѣ я упрямъ,
И вотъ по доброй волѣ, самъ
Я здѣсь стою, чтобы въ печали
Тебя разсѣять...

Фаустъ.

Ты—духъ злобы!
Вредить всѣмъ людямъ ты привыкъ...

Мефистофель.

Тебѣ, поистинѣ, смѣшно-бы
Вздоръ повторять изъ дѣтскихъ книгъ.
Свою исторію провѣрьте,
Чтобъ оцѣнить, гдѣ больше зла?
Кто лучше? люди или черти?
Кому хула иль похвала?
Отъ человѣка зло явилось
Въ сплетеньи множества сѣтей,
А отъ него ужъ возродилась
И раса адская чертей.
Бѣсъ—это зло людскаго свѣта,
Экстрактъ его пороковъ, лжи...
Но, мудрый Фаустъ мнѣ скажи
Какого хочешь ты совѣта?

Фаустъ.

Когда ты въ силахъ, укажи
Мнѣ путь достойный человѣка.

Мефистофель. *(съ улыбкой)*

Трудись и будь свѣтиломъ вѣка
И съ строгой важностью тверди
О томъ, что «дважды два четыре».
Какъ въ прошломъ, такъ и впереди
Еще людей не мало въ мірѣ,
Готовыхъ за ново кричать

Что дважды два—совсѣмъ не пять.

Фаустъ.

Такіе шутки просто грубы...
Есть много истинъ мудрыхъ..

Мефистофель.

Да,
Но только, другъ любезный, шубы
Изъ нихъ не сшить вамъ никогда.
Тѣхъ истинъ знаю я не мало,
Они въ почетѣ и большемъ,
Изъ вѣка въ вѣкъ земля ихъ знала,
А человѣчество блуждало
И босикомъ и нагишомъ.
Въ своихъ блужданіяхъ печальныхъ
Толпа сыта отъ тѣхъ идей
Филантропическихъ, похвальныхъ
И замѣняетъ пищу ей
Собранье истинъ геніальныхъ.
Вы всѣ не смотрите впередъ:
Цивилизаціи обновы
Безпечно радуютъ народъ,
Какъ будто прочныя основы
Она для зданія кладетъ,
Какъ будто міръ не разъ дрожавшій
Не можетъ снова задрожать.
Какой нибудь Китай возставшій
И дикарей шальная рать
Свою орду на васъ направитъ
И племя варваровъ раздавитъ
Миніатюрный вашъ прогрессъ
И снова — дичь кругомъ и лѣсъ.
При ихъ наплывѣ раздробится
Науки вашей жалкой ходъ
И развиваться и учиться
Міръ снова съ азбуки начнетъ.

Фаустъ.

Давать исторіи уроки
Намѣренъ кажется ты мнѣ;
Я педагога въ сатанѣ
Не думалъ встрѣтить... Не глубоки,
Однако, знанія въ аду...
Въ тебѣ едва-ли я найду
Помощника. Болтаешь смѣло,
А дѣла нѣтъ,... Ты просто — лжецъ!

Мефистофель.

Припомни, Фаустъ, что конецъ
Всегда во всемъ вѣнчаетъ дѣло.

Фаустъ.

Я жить хочу, а между тѣмъ
Я жизнью сталъ отягощаться...

Мефистофель.

Жизнь хороша лишь только тѣмъ,
Кто ей умѣетъ наслаждаться—
Безъ заднихъ мыслей. Слава—бредъ,
Непрочны—почести и геній
И въ вашей жизни смысла нѣтъ,
Когда лишенъ въ ней наслажденій.

Фаустъ.

Ты даромъ носишь адскій чинъ.
Припомни адское творенье:
За наслажденья часъ одинъ
Насъ годы давитъ пресыщенье.

Мефистофель.

Тому виною сами вы:
Вы называете любовью
Созданье вашей головы,

А ваше сердце вмѣстѣ съ кровью
Въ то время спитъ .. Какой-тутъ прокъ
Любить мечты своей химеру?..
Глядишь и ждетъ въ короткій срокъ
Васъ пресыщенье черезъ мѣру.
Кто жъ виноватъ въ подобномъ злѣ?

Фаустъ.

А развѣ можно на землѣ
Найти столь чистое созданье,
Чтобъ имъ пополнить пустоту
Безплоднаго существованья?
Возможно-ль встрѣтить красоту,
То воплощенье идеала,
Передъ которымъ бы любовь
Росла и оживала вновь
И нашу жизнь бы обновляла?
Я много жилъ; не разъ слыхалъ
Я соблазнительныя рѣчи,
Но ни одной подобной встрѣчи
Въ прошедшемъ я не испыталъ.

Мефистофель.

Ого!.. однако, коротка-же
И память, Фаустъ, у тебя...
Ужель и ту забылъ ты даже,
Которая, тебя любя,
Рѣшилась сдѣлать преступленье?

Фаустъ. *(въ волненіи).*

Что хочешь, злобное творенье,
Припомнить мнѣ ты?

Мефистофель.

Эпизодъ
Изъ жизни очень интересный,

И мнѣ, какъ дьяволу, извѣстный.
Смотри, какъ я всезнающъ... Вотъ

(срываетъ флеръ съ женскаго портрета въ кабинетъ Фауста)

Портретъ одной жены прекрасной...
Ужъ двадцать лѣтъ, какъ этотъ флеръ
Задернулъ ты рукой безстрастной,
Чтобъ съ полотна молящій взоръ
Не могъ смутить тебя укоромъ.

Фаустъ. *(въ бѣшенствѣ)*

Ты кажется пришелъ сюда
Дразнить меня моимъ позоромъ..
Изчезни, дьяволъ, на всегда...
Прочь отъ меня!..

Мефистофель. *(не обращая на него вниманія)*

Смотри сюда:
Какъ хороша и молода...
Какая гордая осанка!
Какъ много правды, чистоты
Въ твоихъ глазахъ, венеціанка!
Своей любовью дѣтской, ты,
Небесной силою владѣя,
Пересоздать могла бъ злодѣя,
Поднявъ его до высоты.

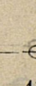
(Фаустъ въ иступленіи бросается на Мефистофеля. Мефистофель отстраняетъ его тихо рукою.)

Я все тебѣ припомню нынче:
Припомни — двадцать лѣтъ назадъ —
Припомни, какъ Лаура Винчи
Въ питье вливала мужу ядъ,
Однимъ тобой руководима...
Припомни, какъ неутомимо
Ты ей нашептывалъ потомъ
Обѣты сладкіе въ гондолѣ,
И лодку съ брошеннымъ весломъ
Волна баюкала по волѣ.

Еще припомни ночь... Одна,
Тобою брошена, въ печали,
Была ужъ мертвой найдена
Лаура подъ мостомъ въ каналѣ.
Все знаю я... Но не въ упрекъ
О томъ сказалъ я, какъ свидѣтель,
Но для того, чтобъ меньше могъ
Ты говорить про добродѣтель
Прошедшей юности. Повѣрь,
И самый лучшій въ вашей сферѣ
Безжалостнѣй, чѣмъ лютый звѣрь...
Но ты теперь, по крайней мѣрѣ,
Не станешь съ дьяволомъ ханжить,
А я въ отплату за обиду
Могу, чѣмъ хочешь, услужить,
Хотя услужливымъ по виду,
Я, можетъ быть, и не гляжу...
Ну, хочешь, Фаустъ, докажу
Свое могущество на дѣлѣ?...

Фаустъ.

Когда бы, бѣсы, вы имѣли
Могущество, я бъ попросилъ
Лишъ одного, чтобъ вы съумѣли
Мнѣ возратить жаръ юныхъ силъ.
Дай снова юность, сатана, мнѣ
И я потомъ съ тобой пойду
Хоть въ самый адъ ворочать камни
И быть рабомъ твоимъ въ аду.
Но, бѣдный, жалкій бѣсъ, тебѣ-ли
Доступна въ мірѣ эта власть,
Чтобъ старики въ немъ молодѣли
И первой молодости страсть
Вновъ заиграла въ старыхъ жилахъ?
Ты дать мнѣ этаго не въ силахъ;
Не созидать, а разрушать, —
Вотъ право ваше и задача...

Мефистофель.

Но все же можно испытать:
Подъ часъ бываетъ и удача,
Когда начнемъ мы созидать.
Забвенья дать того, что было
Ты не проси, — забвенья нѣтъ;
Сокроетъ лишь одна могила
Воспоминаній вашихъ слѣдъ.
Вашъ адъ и казнь — воспоминанья;
Они какъ демоны стоятъ
И шепчутъ прошлыя сказанья
И вашу память шевелятъ,
И возстаетъ предъ вами повѣсть
Злодѣйствъ, невѣдомыхъ для всѣхъ,
И человѣческая совѣсть
Себя казнитъ за прошлый грѣхъ.
Но если старости морщины
Желаетъ Фаустъ разогнать,
То этой просьбѣ нѣтъ причины
На первый разъ мнѣ отказать —
И человѣка, какъ картину,
Я реставрировать могу.

Фаустъ.

Ты, лжешь, хвастунъ.

Мефистофель.

Нѣтъ, я не лгу.
Ложь лишь прилична гражданину
Планеты вашей...

Фаустъ.

Но взгляни
На этотъ остовъ обветшалый!..
Старикъ разбитый и усталый
Я тягощусь, что эти дни

Идутъ такъ медленно. Сомнѣньемъ
Душа, какъ ядомъ, облита.
Искуства, знанья, красота —
Все для меня покрыто тлѣньемъ;
Я какъ могильная плита
Между живущимъ поколѣньемъ
Стою теперь и мнѣ-ли, бѣсъ,
Дашь то, что взято уже адомъ?...

Мефистофель.

Бываетъ такъ: людской прогрессъ
Идти, порою, можетъ задомъ...
И ты, какъ юноша, опять,
Смѣясь надъ старостью увялой,
Начнешь, какъ нѣкогда, пожалуй,
Предъ красотою трепетать;
Порывистый и страстный шопотъ
Припомнитъ старый твой языкъ...
Чтобъ доказать тебѣ, старикъ,
Могу сейчасъ я сдѣлать опытъ.

(дѣлаетъ знакъ. Показывается призракъ молодой дѣвушки)

Смотри!..

Фаустъ *(порывается къ призраку).*

О, дивное созданье!
Что это сонъ, обманъ, мечта?
Ужель такая красота
Возможна въ мірѣ? Обожанье
Опять охватываетъ грудь.
Не улетай же призракъ милый,
Скажи, промолви что нибудь!

(призракъ исчезаетъ)

О, дьяволъ! стоя надъ могилой,
Я жить хочу, позволь мнѣ жить, —
Я больше ада смерти трушу...
Дай наслажденье мнѣ испить,

А послѣ можешь эту душу
Нести въ свой тартаръ, взять во власть...

Мефистофель.

Ты можешь скоро въ крайность впасть!
Но въ договоръ такого рода
Вступать опасно съ горяча.

Фаустъ.

Мнѣ въ жизни нѣтъ еще исхода...
Предъ божествомъ моя свѣча
Давно сгорѣла; связь съ природой
Потеряна и въ этотъ свѣтъ
Съ его поруганной свободой
Во мнѣ ужъ вѣры больше нѣтъ.
Повсюду на морѣ, на сушѣ
Всѣ связи съ міромъ порвались.
О, мефистофель! если души
Людей для васъ хорошій призъ,
Бери мою ты душу, дьяволъ, —
Не жаль душонки этой мнѣ,
Хотя бъ потомъ въ аду я плавалъ...
Я отдаюся сатанѣ.

Мефистофель.

Душа, какъ вексель безнадежный,
Не дастъ мнѣ гроша барыша,
Но я — я бѣсъ отчасти нѣжный.
Пусть будетъ такъ: твоя душа
Въ наслѣдство мнѣ передается...
Покуда я теперь твой рабъ...
Иная жизнь теперь начнется:
Какая прихоть ни взбрела-бъ
Тебѣ на умъ, — скажи мнѣ смѣло
И я тотчасъ примусь за дѣло,
И для тебя въ единый мигъ
Исполню старческую прихоть...

Покамѣсть въ зеркало взгляни хоть,
Помолодѣвшій мой старикъ..

(Фаустъ смотритъ и съ удивленіемъ видитъ свое молодое лицо)

Фаустъ.

Я молодъ?!.. Бѣсъ, тебѣ я вѣрю!—
Пересоздать меня ты могъ.

Мефистофель.

Ты видишь, я не лицемѣрю,
Какъ вашъ надутый теологъ,
Всегда готовый къ пустословью.

Фаустъ.

Здѣсь есть пергаментъ, тотчасъ кровью
Я напишу нашъ договоръ.

(производитъ операцію, выпускаетъ изъ руки кровъ и хочетъ писатъ)

Мефистофель. *(съ ироніей)*

На сколько лѣтъ?

Фаустъ.

Какъ хочешь.

Мефистофель.

Десять.

Фаустъ. *(пишетъ)*

Мнѣ все равно. Вѣдь, если взвѣсить —
Пять или десять лѣтъ — все вздоръ.

(подаетъ подписанный пергаментъ Мефистофелю)

Мефистофель.

Педантъ! Какъ всѣ вы, люди, мелки,
Когда вблизи на васъ взглянуть!
Ужели маклерскія сдѣлки
Для бѣса значатъ что нибудь?

Ужель мы вѣримъ договорамъ?
А эта кровь... что въ ней, скажи?
Ее считаемъ мы растворомъ
Разврата, хитрости и лжи,
Предательства или коварства...
Къ чему жъ подобное фиглярство?..

(разрываетъ пергаментъ и бросаетъ къ ногамъ Фауста)

Есть власть сильнѣе актовъ всѣхъ...
Росписокъ кровью ей не надо;
Есть власть, — она идетъ изъ ада,
Ей нѣтъ препятствій и помѣхъ. —
Та власть — во мнѣ. Мой Фаустъ, такъ-то,
Иди теперь за сатаной...
Безъ клятвъ напрасныхъ и контракта
Ты не разстанешся со мной.
Тебя введу я въ омутъ свѣта,
Гдѣ ты загадку разрѣшишь,
Кто лучше — бѣсъ иль та планета,
Къ которой ты принадлежишь.
Идемъ...

Фаустъ.

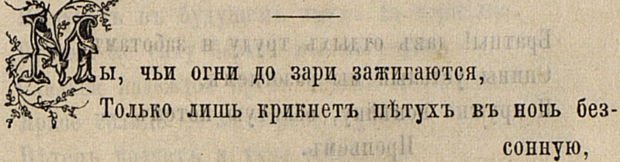
А этотъ образъ дивный,
Что предъ мною здѣсь мелькнулъ
Съ своей улыбкою призывной,
Скажи мнѣ, гдѣ онъ, вельзевулъ?
Гдѣ этотъ чистый, дѣтскій профиль?..

Мефистофель.

Терпи, надежду затая:
Иль я совсѣмъ не мефистофель,
Иль это женщина — твоя!..

Пѣсня работниковъ.

(Изъ Дюпона.)

Мы, чьи огни до зари зажигаются,
Только лишь крикнетъ пѣтухъ въ ночь безсонную,
Чьи истомленныя спины сгибаются
Предъ наковальней, въ огнѣ раскаленною;
Мы, у которыхъ работа гнетущая
Съ дѣтства замучила живость природную,
А впереди посулило грядущее
Холодъ, недуги, да старость голодную —

Братцы! давъ отдыхъ труду и заботамъ,
Спины усталыя мы разогнемъ,
И дружно копѣйку, облитую пóтомъ —
Пропьемъ.

Доля работника — чѣмъ не счастливая!
Въ грубыхъ рукахъ его — перлы да золото...
Онъ снаряжаетъ все барство спѣсивое
Силою мышцъ да желѣзнаго молота.
Выхолитъ въ полѣ онъ рожь золотистую,
Пóтомъ его вся земля обливается...
Добрыя овцы! Ихъ шкурой волнистою
Сытая праздность вездѣ одѣвается.

Братцы! давъ отдыхъ труду и заботамъ,
Спины усталыя мы разогнемъ,
И дружно копѣйку, облитую пóтомъ —
Пропьемъ.

Трудъ завѣщалъ намъ тоску безъисходную,
Чахлыя груди, да слезы горючія;
Словно какъ машину, въ дѣлѣ негодную,
Терпятъ всѣхъ насъ лишь до перваго случая.
Нашей рукой чудеса совершаются,
Словно у пчелъ—наша участь суровая:
Пчелы снесутъ только дани медовыя
И, безпріютныя, вновь разлетаются.

Братцы! давъ отдыхъ труду и заботамъ,
Спины усталыя мы разогнемъ,
И дружно копѣйку, облитую потомъ —
Пропьемъ.

Дѣти банкировъ, больныя и блѣдныя
Женъ нашихъ грудью здоровой питаются,
Если-же выростутъ лбы эти мѣдные
Съ краской стыда съ ними послѣ встрѣчаются.
Насъ стерегутъ всюду—наглость безчестная,
Брань да пинки отъ любаго привратника;
У дочерей нашихъ—доля извѣстная —
Доля наложницъ—въ хоромахъ развратника.

Братцы! давъ отдыхъ труду и заботамъ,
Спины усталыя мы разогнемъ,
И дружно копѣйку, облитую потомъ —
Пропьемъ.

Въ темныхъ подвалахъ, полуобнаженные,
Гдѣ лишь лохмотья намъ служатъ обновами,
Тянемъ мы жизнь даже солнца лишенные,
Словно родились ворами иль совами,
Словно въ насъ кровь не играетъ кипучая,
Словно туда наше сердце не просится,
Гдѣ разростаются рощи дремучія,
Гдѣ благовонное лѣто проносится.

Братцы! давъ отдыхъ труду и заботамъ,
Спины усталыя мы разогнемъ,
И дружно копѣйку, облитую пóтомъ —
Пропьемъ.

Братцы! Терпѣнье!.. Насъ съ дѣтства не нѣжили,
Жизнь завѣщала намъ мракъ и забвеніе...
Если въ прошедшемъ въ довольствѣ мы не жили —
Выручатъ въ будущемъ трудъ да терпѣніе.
Будемъ-же силу беречь мы могучую,
Сладкой надеждой пусть сердце согрѣется:
Яркое солнце — за черною тучею,
Вѣтеръ подуетъ и туча разсѣется.

Братцы! давъ отдыхъ труду и заботамъ,
Спины усталыя мы разогнемъ,
И дружно, копѣйку, облитую пóтомъ —
Пропьемъ.

Пріапъ.

I.

Въ бѣлыхъ перчаткахъ съ утра,
Фракъ — красоты обаятельной,
Въ запонкахъ — солнца игра —
Выѣхалъ онъ со двора —
Свѣжій, довольный, блистательный.
Статные кони храпятъ,
Бьютъ у подъѣзда копытами...
Милъ отъ затылка до пятъ,
Цѣлое утро нашъ фатъ
Занятъ, какъ дѣломъ, визитами.

II.

Словно картинка безъ рамъ,
Съ самой довольною миною
Рыщетъ герой по дворамъ,
Смѣло скользитъ по коврамъ,
Смѣло влетаетъ въ гостинную,
И — началась болтовня...
Слушаютъ дамы крахмальныя,
На бокъ головки склоня,
Сплетни вчерашняго дня,
Сплетни вполнѣ геніальныя.

III.

Умъ для подобныхъ господъ
Есть достоянье плебейское,
Нищихъ голодныхъ доходъ;

Пышнаго фата спасетъ —
Тактъ — это сила житейская.
Съ тактомъ болтаетъ онъ вздоръ,
Скрывъ въ себѣ ненависть тайную,
Кончитъ уступкою споръ,
Съ тактомъ прерветъ разговоръ,
Броситъ интригу случайную.

IV.

Пошлость — обиленъ ей свѣтъ —
Въ немъ не родитъ озлобленія;
Честнаго гнѣва въ немъ нѣтъ,
Но старомодный жилетъ
Есть для него — преступленіе.
Смѣлаго юноши взглядъ,
Вспышку его благородную,
Встрѣтитъ съ презрѣніемъ фатъ.
Нравственный этотъ кастратъ
Сдѣлался вѣшалкой модною.

V.

Знаетъ весь Невскій проспектъ
Баловня шумнаго Питера.
Вотъ онъ, — о, что за эффектъ! —
Съ полной корзинкой конфектъ
Вышелъ изъ лавки кондитера,
Бросилъ поклонъ для иныхъ
Съ граціей франта привычнаго
Бичь кредиторовъ шальныхъ,
Гордость столичныхъ портныхъ,
Левъ полусвѣта столичнаго.

VI.

Стали въ тупикъ бѣдняки:
Тянетъ онъ вина прекрасныя,
Деньги ему — пустяки,
Кровны его рысаки,
Пышны — халаты атласные.
Счастливъ, безъ дѣла всегда,
Бродитъ онъ праздно-гуляющій...

Чѣмъ же живетъ безъ труда
Многіе дни и года
Этотъ счастливецъ сіяющій?...

VII.

Чѣмъ же?... Въ Коломнѣ есть домъ...
Съ гнусной и грязною драмою
Связана память о немъ.
Тамъ мы не рѣдко найдемъ
Льва вмѣстѣ съ старою дамою.
Это — одна изъ сивиллъ,
Страсти смирить не успѣвшая,
Стоя у двери могилъ.
Слоемъ румянъ и бѣлилъ
Скрыто лицо опошлѣвшее.

VIII.

Брать не рѣшались гроба
Трупа ея безобразнаго;
Въ ней-то послала судьба
Счастье для крѣпкаго лба,
Кладъ для развратника грязнаго.
Фату свобода дана,
Блескъ и комфортъ ослѣпительный...
Опыту жизни вѣрна,
Золотомъ платитъ она
За поцалуй отвратительный.

IX.

Нагло и шумно живетъ,
Силенъ однимъ убѣжденіемъ
Этотъ безнравственный мотъ:
Свѣтъ имъ въ лицо не плюетъ
И не казнитъ ихъ презрѣніемъ.
Даже мы можемъ найти, —
Въ это глубоко я вѣрую, —
Много людей на пути
Къ счастью готовыхъ идти
Той же презрѣнной карьерою.

Вѣжливые люди.

I.

Какъ нынче вѣжливы люди!...
Въ грубости кто насъ винитъ?
Есть вѣдь и совѣсть и стыдъ
Даже въ продажномъ Іудѣ.
Я клеветать не могу;
Умъ къ наблюденью принудя,
Вижу на каждомъ шагу —
Какъ нынче вѣжливы люди...

II.

Мчится рысакъ впереди,
Кучеръ такъ вѣжливо правитъ:
Крикнетъ сначала — ,,поди!''
И уже послѣ задавитъ.
Если ты встанешь живой
И безъ раздавленой груди,
Смѣло кричи съ мостовой:
Какъ нынче вѣжливы люди!

III.

Былъ я въ соборѣ. Пока
Духъ свой я нѣжилъ пріятно,
Слышу вдругъ — чья-то рука
Вѣжливо такъ, деликатно
Тянетъ часы у меня...
Я не мѣшалъ той причудѣ,
Скромность и въ ворѣ цѣня...
Какъ нынче вѣжливы люди!

IV.

Я наступилъ на мозоль
Франту на лѣстницѣ клуба.
Чувствуя сильную боль,
Онъ, очень мягко, не грубо,
Крикнулъ мнѣ въ слѣдъ — дурака,
А при мучительномъ зудѣ
Могъ и ударить слегка...
Какъ нынче вѣжливы люди!

V.

Въ нынѣшній зимній сезонъ
Отдалъ въ театръ водевиль я.
Шикали съ разныхъ сторонъ,
Но, приложивши усилья,
Партеръ осилилъ свистки,
И — накидали мнѣ въ грудѣ
Разныхъ размѣровъ вѣнки...
Какъ нынче вѣжливы люди!..

VI.

Входишь въ любой ресторанъ.
Тамъ только деньги плати ты:
Кушанья, вины всѣхъ странъ,
Штофомъ диваны обиты.
Будь генералъ, мелюзга,
Но на серебрянномъ блюдѣ
Сдачу приноситъ слуга...
Какъ нынче вѣжливы люди!..

VII.

Въ Банкъ я недавно ходилъ
За лотерейнымъ билетомъ,
Каждый чиновникъ при этомъ
Былъ такъ любезенъ и милъ;
При государственной ссудѣ
Не нагрубилъ мнѣ никто,
Сторожъ мнѣ подалъ пальто...
Какъ нынче вѣжливы люди!

VIII.

Пьяный въ дверяхъ кабака
Грохнется. Добрый хожалый
Въ часть отвезетъ бѣдняка,
Чтобъ не замерзъ этотъ малый,
Въ санки подъ полость забьетъ,
Чтобъ не подвергнуть простудѣ,
До крови уши натретъ....
Какъ нынче вѣжливы люди!..

IX.

Многіе грабятъ, дерутъ
Съ мертваго саванъ предъ свѣтомъ,
Но ,,на общественный судъ''
Только подъ *иксомъ* и *зетомъ*
Пресса выводитъ воровъ,
На слово вѣря причудѣ
Мягкихъ своихъ цензоровъ...
Какъ нынче вѣжливы люди!

X.

Съ почты письмо получилъ,
Но ужъ конвертъ распечатанъ...
Этотъ поступокъ.... на взглядъ онъ
Только невѣжливымъ былъ.
Значитъ, васъ любятъ: ,,хочу-де
Знать его вдоль-поперегъ''...
А вѣдь любовь — не порокъ...
Какъ нынче вѣжливы люди!..

XI.

Голоденъ ты, — въ свой чередъ
Много духовной есть пищи,
А повезутъ на кладбище —
Шапки снимаетъ народъ.
Слушаю, словно о чудѣ,
Я про тяжелый нашъ нравъ...
Господи! я-ли не правъ:
Какъ нынче вѣжливы люди!

Учись, мой другъ!

I.

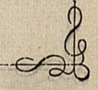
Всегда, какъ куколка, одѣтъ,
Какъ дѣвочка, завитъ,
Смышленный Ѳедя въ восемь лѣтъ
Семью дивитъ.
Но больше всѣхъ дивится онъ,
Что весь семейный кругъ
Твердитъ ему со всѣхъ сторонъ:
Учись, мой другъ!..

II.

Разбогатѣлъ въ короткій срокъ
Отецъ его, старикъ,
Но никогда прочесть не могъ
Двухъ дѣльныхъ книгъ.
Онъ въ клубахъ время убивалъ,
Забывъ про свой недугъ,
Но сыну строго завѣщалъ:
Учись, мой другъ!..

III.

Въ атласъ и шелкъ облечена,
Внимая похваламъ,
Его maman вся предана
Однимъ баламъ,—
Но сына гладя иногда
Перстами нѣжныхъ рукъ,
Мат шепчетъ сыну безъ стыда:
Учись, мой другъ!.

IV.

Его красивая сестра,
Въ толпѣ другихъ наядъ,
Бѣжитъ ужъ съ самаго утра
Въ Юсуповъ садъ,
Скользитъ съ мальчишками по льду,
Злословитъ межъ подругъ,
А брату крикнетъ на ходу:
Учись, мой другъ!..

V.

У Ѳеди братъ есть; онъ живетъ
Спустивши рукава.
Игрокъ онъ, пьяница и мотъ,
Гласитъ молва.
Но даже онъ свой разговоръ
Умѣлъ окончить вдругъ,
Схвативши Ѳедю за вихоръ:
Учись, мой другъ!...

VI.

Французъ наставникъ сохранялъ
Огонь въ своей крови:
Служанокъ въ домѣ соблазнялъ,
Пилъ l'eau-de-vie;
Пропѣть двусмысленный куплетъ
Любилъ друзьямъ въ примѣръ,
Но даже онъ давалъ совѣтъ:
Учись, mon cher!..

VII.

Учись, мой другъ!.. Какъ твой отецъ,
Умѣй пріобрѣтать;
Какъ братъ, жуируй; подъ конецъ,
Будь строгъ, какъ мать.
Какъ твой наставникъ, безъ заботъ
Смотри на жизнь вокругъ...
Тебѣ ученье въ прокъ пойдетъ —
Учись, мой другъ!..

1-е Января.

Новаго года лишь вспыхнетъ денница,
Съ ранняго часа проснется столица.

Въ праздничный день никого не смутитъ,
Стонетъ-ли вѣтеръ, иль вьюга крутитъ,

Хлещетъ-ли снѣгомъ въ лицо непогода —
Всюду на улицахъ волны народа;

Мчатся кареты то взадъ, то впередъ,
Смѣло шагаетъ вездѣ пѣшеходъ,

Словно съ плеча его спала забота,
Словно свершилось великое что-то,

Словно сегодня — не то, что вчера...
Городъ проснулся и ожилъ съ утра.

Хмурыя лица — свѣжѣй и пригожѣй:
Баринъ въ медвѣдяхъ, въ тулупѣ прохожій,

Женщинъ головки вѣ земерзшемъ окнѣ...
Только не весело что-то все мнѣ...

Право, не знаю, — отъ зависти что-ли —
Только смотрѣть не могу я безъ боли

И безъ досады на праздный народъ:
Что же васъ тѣшитъ? что жизнь вамъ даетъ?

Что веселитесь, бѣснуетесь что вы?
Дай-ка взгляну я на ваши обновы,

И, замѣшавшись въ толпѣ безъ труда,
Ближе на васъ погляжу, господа!

Вотъ вы скользите по гладкой панели:
Сколько-жь обновокъ на васъ, въ самомъ дѣлѣ!...

Золотомъ шитый швейцаръ у дверей,
Яркіе канты потертыхъ ливрей,

Кружева модницъ, рубины булавокъ,
Вотъ и герои милютиныхъ лавокъ,

Баловни счастья и щедрой судьбы...
Какъ металлически блещутъ ихъ лбы!

Въ лицахъ читаешь всю важность ихъ цѣлей:
«Устрицъ бы свѣжихъ, да свѣжихъ камелій!...»

Блескомъ нарядовъ смущается глазъ —
Бархатъ и соболь и мягкій атласъ,

Только ходи, да записывай цѣны..
Моды столичной гуляютъ манкены,

И усмиряетъ капризный мой сплинъ
Выставка женщинъ, дѣтей и мужчинъ.

Долго портные, модистки, торговки
Шили имъ къ празднику эти обновки;

Жаль, что не шьютъ они новыхъ идей —
Вотъ бы примѣрить на этихъ людей.

Въ мысли здоровой дать лучшую моду, —
Какъ-бы пристало-то къ новому году!

Право, пристало бы... но, говорятъ:
Намъ не къ лицу незнакомый нарядъ. .

Дальше смотрю я... фельдъегерь несется,
Въ ветхой шинелькѣ чиновникъ плетется,

Тащитъ подъ мышкой старуха салопъ,
Ванька, качаясь, заѣхалъ въ сугробъ,

И предъ толпой разодѣтой, богатой,
Тянетъ шарманка мотивъ Травіаты,

Плачетъ въ сказаньѣ какихъ-то потерь...
Вотъ и питейнаго зданія дверь.

Дровни подъѣхали, словно украдкой,
Паръ отъ мороза стоитъ надъ лошадкой,

Входитъ въ питейный, съ оглядкой, бѣднякъ,
Чтобъ, заложивъ свой послѣдній армякъ,

Выпить подъ праздникъ, забыться немного:
Завтра опять трудовая дорога,

Сѣрыя будни и ночи безъ сна.
Какъ не хватить зеленóва вина!..

Тутъ, одержимъ публицистики бѣсомъ,
Думалъ смутить бѣдняка я прогрессомъ,

Думалъ блестящій прочесть монологъ:
«Пьянство-де страшный, великій порокъ,

«Новаго дѣла приспѣла минута...»
Но посмотрѣлъ — и замолкъ почему-то,

И, какъ пристыженный школьникъ иной,
Съ новой досадой побрелъ я домой

Обличи ихъ во лжи!..

Поэтъ! не для пѣсенъ «къ природѣ»
Тебя человѣчество ждетъ.
Иди ты смиренно въ народъ,
Когда-жь попадутся въ народѣ
Льстецы, шарлатаны, ханжи —
Обличи ихъ во лжи!...

Иди, укажи ты вельможѣ,
Какъ ползаетъ нищій въ пыли;
Скажи филантропамъ земли,
Что рѣчи ихъ — съ дѣломъ не схожи,
А крикнутъ тебѣ: докажи!
Обличи ихъ во лжи!...

Тиранамъ скажи безъ боязни:
Величіе ваше — миражъ,
Единственный памятникъ вашъ
Однѣ лишь кровавыя казни.
Когда-жъ возразятъ палачи —
Ихъ во лжи обличи!

Скажи трудолюбью — ты хило,
Любви — ты давно растлѣна,
Всѣмъ людямъ скажи, что дана
Имъ въ будущемъ только могила,
А крикнутъ тебѣ: докажи!
Обличи ихъ во лжи!

Скажи красотѣ: ты увянешь;
Ты, честность, покинувъ сердца,
У ногъ золотаго тельца,
Обманывать, ползая, станешь, —
А крикнутъ тебѣ: докажи!
Обличи ихъ во лжи!

Скажи всѣмъ изношеннымъ фразамъ,
Что близокъ ихъ скорый конецъ;
Скажи мудрецамъ наконецъ;
Что умъ ихъ заходитъ за разумъ, —
А крикнутъ тебѣ: докажи!
Обличи ихъ во лжи!

Наукѣ скажи: ты старуха,
Которая бредитъ сквозь сонъ;
Скажи: ты безсиленъ, законъ,
И ты, правосудіе, глухо, —
А крикнутъ тебѣ: докажи!
Обличи ихъ во лжи!

Скажи, что безсмысленно счастье,
Природа скупа и нѣма,
Что дружба продажна сама,
И нѣтъ въ милосердьи — участья, —
А крикнутъ тебѣ: докажи!
Обличи ихъ во лжи!

Скажи горожанамъ: вы пали
Въ глубокій, постыдный развратъ,
И что добродѣтели кладъ
Напрасно бы въ мірѣ искали, —
А крикнутъ тебѣ: докажи!
Обличи ихъ во лжи!

Но если, блуждая по міру,
Ты самъ измельчалъ наконецъ,
То сбрось свой мишурный вѣнецъ,
Разбей опошлѣвшую лиру,
Себя самого накажи,
Обличая во лжи.

Осеннiй день.

Осень быстрымъ полетомъ къ намъ снова пришла,
Остывая, кончалося лѣто...
Надъ землей всталъ туманъ и недвижная мгла
Ледянаго, свинцоваго цвѣта,
И не смѣлъ проглянуть, пробиваясь сквозь тучъ,
Солнца лѣтняго теплый, живительный лучъ.

Только дождикъ идетъ, да пронзительный плачъ
Слышенъ вѣтра, какъ стоны изъ груди...
Вотъ плетутся съ возами послѣдними съ дачъ
Невеселые, блѣдные люди,
Да шарманка вдали, надрываясь, визжитъ,
Да толпа занятая куда-то бѣжитъ...

Я на улицѣ. Воздухъ и влаженъ и сыръ.
Озабоченъ, ищу я квартиры...
Много видѣлъ я пышныхъ, роскошныхъ квартиръ
Въ шумныхъ улицахъ нашей Пальмиры,
Да не тѣхъ было нужно, и я отыскалъ
Отдаленный, глухой, позабытый кварталъ.

Много видѣлъ прiютовъ я тёмныхъ, сырыхъ:
Стѣны въ плѣсени, сгнившiя рамы, —
Гдѣ не разъ, средь нужды и заботъ трудовыхъ,
Совершались незримыя драмы,
Не одна надломилась разбитая грудь,
Не одинъ трупъ въ могилу сошелъ отдохнуть.

Я оставить спѣшилъ этотъ темный кварталъ
Угнетеннаго, нищаго міра.
Вижу домъ; надъ воротами я прочиталъ
На доскѣ: «отдается квартира».
Отъ чего-жъ не взглянуть? Домъ, какъ слѣдуетъ, домъ,
И пустился на-верхъ я параднымъ крыльцомъ.

Вотъ шестнадцатый нумеръ... Мнѣ встрѣчу, въ дверяхъ,
Появилась старуха сѣдая
Въ сѣромъ, тепломъ капотѣ, въ огромныхъ очкахъ,
Да собачка мохнатая, лая;
Запахъ жжёнаго кофе въ лицо мнѣ пахнулъ...
Я пошелъ за старухой, квартиру взглянулъ:

Мебель старая; въ мутныя стекла окна
Свѣтъ едва проходилъ; мрачно, пусто
Въ темной комнатѣ; въ нищѣ овальной видна
Полка книгъ, а надъ нею два бюста,
Да въ тѣни, гдѣ стояла въ простѣнкѣ рояль,
Два портрета висѣли — Жоржъ-Занда и Сталь.

«Мебель эта чужая, и скоро свезутъ
Все отсюда», — сказала старуха.
— «Здѣсь съѣзжаютъ еще»? я спросилъ. «Нѣтъ, ужъ тутъ
На кладбище отъѣхали»!.. глухо
Отвѣчала она, «нынче ровно семъ дёнъ,
Какъ на Волково гробъ постоялки свезенъ».

Какъ извѣстно — развязенъ языкъ у старухъ,
И мои любопытныхъ два слова
На печальный разсказъ ее вызвали вдругъ.
Все въ той повѣсти были не ново,
Все знакомо, и каждому, вѣрно, не разъ
Приводилось услышать подобный разсказъ.

«Здѣсь дѣвица одна проживала, — вотъ годъ
Скоро минетъ, — болтала старушка, —
Институткой звалась, говорятъ — ея родъ
Былъ дворянскій; собой не вертушка,
Съ нравомъ тихимъ такимъ, — я жила съ ней въ ладу,
Да попуталъ вотъ грѣхъ, и попала въ бѣду.

«Къ ней все ѣздилъ одинъ, — баринъ, видно; носилъ
Только бороду, значитъ, по модѣ;
Онъ сюда на квартиру ее и сманилъ
Отъ родныхъ; ну и жили въ свободѣ,
Жили мирно и тихо на первыхъ порахъ,
День-деньской цѣловались, да съ книжкой въ рукахъ

«До разсвѣта сидѣли... въ театры возилъ
Онъ ее, — словно, счасливы были,
И всегда мнѣ, какъ мѣсяцъ къ концу подходилъ,
За квартиру исправно платили.
Такъ полъ-года прошло безъ бѣды, а потомъ
Вѣтеръ новый подулъ, и пошло все вверхъ дномъ.

«Пересталъ онъ къ ней ѣздить, — любовь-то прошла, —
Видно новыя встрѣтилъ приманки,
Надоѣла!.. Извѣстно: на то вѣдь пошла!
Незавидная жизнь содержанки!
Стала таять, бѣдняжка, дни, ночи безъ сна,
Да какъ разъ письмецо получила она, —

«Такъ и грохнулась объ полъ; чуть-чуть я ее
Не свезла въ это время въ больницу.
Къ ней сожитель писалъ, что иное житье
Долженъ выбрать и бросить столицу,
Противъ, будто бы, воли; а ей высылать
Будетъ деньги по почтѣ и письма писать.

«Ну, мнѣ было хлопотъ! Тутъ въ постелю слегла,
Чуть живая моя постоялка;
Стала бредить, метаться, горячка пришла, —

На больную взглянуть было жалко.
Какъ свѣча вдругъ сгорѣла. при мнѣ умерла...
Такъ угодно квартиру? Я съ васъ бы взяла

И дешевле»... Но быстро я выбѣжалъ вонъ,
А на улицѣ тёмно и глухо,
И все мнился мнѣ женскій, болѣзненный стонъ,
Бѣлый гробъ и сѣдая старуха,
И разбитая жизнь, и разбитая грудь,
Этотъ — многихъ несчастныхъ — безрадостный путь,

Тѣхъ, чьей жизни любовью никто не согрѣлъ,
Но смутилъ и стыдомъ и боязнью,
И чье имя презрительно каждый умѣлъ
Забросать оскорбленія грязью,
Надъ чьимъ гробомъ шептать съ дерзкой злостью спѣшатъ
Безпощадное, страшное слово «развратъ».

Я бѣжалъ, чтобъ тоскливую боль превозмочь...
Вѣтеръ также все стонетъ да плачетъ,
День туманный смѣняетъ туманная ночь,
Да всё дождь въ брызгахъ улицей скачетъ,
Да шарманка вдали, надрываясь, визжитъ,
Да толпа занятая куда-то бѣжитъ.

Лѣвой-Правой!

Свѣжъ, завитъ, причесанъ гладко,
Въ парикѣ съ двойнымъ проборомъ,
Улыбается такъ сладко,
Мало занятъ разговоромъ.
Въ чистыхъ, дѣвственныхъ перчаткахъ
И въ услугахъ безконеченъ,
Онъ начальствомъ въ безпорядкахъ
Не былъ съ юнкерства замѣченъ.
Съ нимъ молчанье неразлучно,
Но за то, какъ воинъ бравый,
Онъ, гдѣ нужно, крикнетъ звучно:
— Лѣвой-правой, лѣвой-правой!..

Кавалеромъ бывши дамскимъ,
Чуждъ онъ моднаго трезвона,
И обѣдаетъ съ шампанскимъ
Очень часто у Донона;
Свѣта высшаго скиталецъ
Знаетъ точно онъ науку,
Что подать кому — гдѣ палецъ,
Гдѣ два — три, а гдѣ всю руку.
На бильярдѣ, кію вѣрный,
Подвизается со славой,
Ходитъ съ выправкой примѣрной
— Лѣвой-правой, лѣвой-правой!..

Трудъ считая лишней ношей,
Изо всей литературы,
Объ одной онъ Ригольбоши

Перечитывалъ брошюры;
Аплодировалъ Ристори,
Увлекался Марковецкимъ,
И сидѣлъ при шумномъ спорѣ
Онъ съ молчаніемъ мертвецкимъ;
И въ прогрессѣ и въ наукѣ,
Передъ гласностью лукавой,
Умывалъ всегда онъ руки
— Лѣвой-правой, лѣвой-правой!..

Былъ вездѣ онъ скромно веселъ,
И, поклонникъ всѣхъ балетовъ,
Въ бенефисъ бралъ пару креселъ
Для себя и для букетовъ.
Надъ ковромъ его кровати,
Съ увлеченіемъ поэта,
Муравьевой и Розатти
Два повѣшено портрета.
Онъ гордился безконечно
Межъ актрисъ почетной славой,
Но принципъ его сердечный
— Лѣвой-правой, лѣвой-правой!..

Безъ душевныхъ бурь и ломки
Онъ судьбой своей утѣшенъ;
Подъ надзоромъ экономки
Сонъ его всегда безгрѣшенъ.
Подъ атласнымъ одѣяломъ
Грезитъ онъ, — сны ясны, тихи —
О невѣстѣ съ капиталомъ,
О стотысячной купчихѣ, —
Лишь порой, въ просонкахъ, громко,
Крикнетъ въ позѣ величавой
Такъ, что вздрогнетъ экономка:
— Лѣвой-правой, лѣвой-правой!..

Золотой телецъ.

Изнуренное, чахлое, жадное,
Какъ чудовище міра громадное,

Каждый часъ, каждый день, каждый годъ,
Человѣчество въ гору ползетъ,

И ползетъ, и скользитъ, и срывается,
И со стономъ опять порывается

Доползти до вершины горы,
Гдѣ надъ міромъ ужъ съ давней поры,

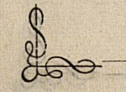
Ослѣпляя зловѣщимъ сіяніемъ,
Колоссальнымъ стоитъ изваяніемъ

Силуэтъ золотаго тельца.
И ползетъ и ползетъ безъ конца

Человѣчество, имъ опьяненное,
Въ гнойныхъ язвахъ, въ борьбѣ иступленное,

И съ уступа скользитъ на уступъ...
Сынъ безумный въ родительскій трупъ,

Какъ гіена, зубами впивается
Для спасенья, но въ бездну срывается,

И преступнаго сына рука
Обвила синій трупъ старика;

Ихъ обоихъ, встрѣчая съ проклятіемъ,
Смерть сковала послѣднимъ объятіемъ.

Не стыдится презрѣнная мать
Подъ ногами ребенка топтать:

Въ ней одна теперь страсть ненавистная —
Жажда золота, жажда корыстная...

И все выше и выше ползетъ
Къ одуряющей цѣли народъ...

Люди падаютъ, вновь поднимаются,
Точно гады, другъ съ другомъ сплетаются,

И капризно бросаетъ судьба
Рядомъ съ гордымъ вельможей раба;

И ханжи, съ ихъ безкровными лицами,
Рука объ руку вмѣстѣ съ блудницами;

Пролетарій и жирный банкиръ —
Всѣхъ равно увлекаетъ кумиръ,

Предъ которымъ, съ пеленокъ растлѣнная,
Пресмыкается въ прахѣ вселенная..

И все выше и выше ползетъ
Обезумленной массой народъ.

Жертвой пошлости, лжи, утомленія,
Исчезаютъ съ земли поколѣнія,

Темный зѣвъ раскрываютъ гроба;
Мысль, свѣтившая съ гордаго лба,

Голый черепъ гробницамъ покинула,
Племя новое моремъ нахлынуло,

Сынъ глядитъ изъ могилы отца,
А кумiръ золотаго тельца,

Обаятельный, грозный, сiяющiй,
Все стоитъ надъ толпой изнывающей

И, смѣясь надъ ея наготой,
Не ссылаетъ къ ней дождь золотой...

И все выше и выше взбираются,
Вьются, стонутъ, въ слезахъ надрываются,

Люди разныхъ сословiй и кастъ,
И, какъ лишнiй ненужный баластъ,

Вкругъ бросаетъ толпа съумасшедшая
Все, что въ даръ принесло ей прошедшее,

Все, что ей завѣщали года,
Все, чѣмъ жизнь человѣка горда:

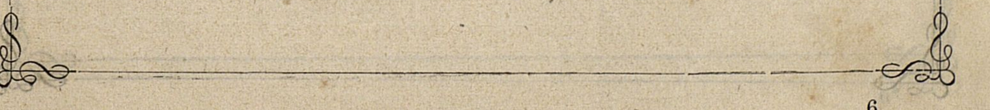
Честь и совѣсть, румянецъ стыдливости,
Добродѣтель, порывъ справедливости,

Жажду знанья подъ гнетомъ нужды,
Цѣломудрiе слезъ и вражды,

Трудолюбье и волю желѣзную, —
Все, какъ тяжесть давно безполезную,

Отъ безумныхъ усилiй тупа,
На пути оставляетъ толпа.

И не жаль ей того, что растеряно...
Это дикое стадо увѣрено,

Что теперь, обратившись въ звѣрей.
До вершины достигнетъ скорѣй.

Что въ дорогѣ душа непорочная —
Лишній грузъ и опора непрочная.

И чѣмъ ближе и ближе кумиръ,
Тѣмъ пошлѣе становится міръ,

Тѣмъ страшнѣе ползущія гадины,
У которыхъ всѣ чувства украдены,

И одно наслажденье — корысть
Можетъ гнустное сердце ихъ грысть.

Наконецъ, на вершинѣ избранники!
И — ужасны бездушные странники:

Въ нихъ, достигшихъ завѣтныхъ чудесъ,
Человѣческій образъ исчезъ,

Обесчесченный, смятый, поруганный...
Съ мертвымъ сердцемъ, съ душенкой запуганной,

Заглушилъ въ себѣ искры добра
Человѣкъ еще честный вчера,

И, по горло засыпанный золотомъ,
Сталъ для ближнихъ карающимъ молотомъ,

И бестрастный, сухой, какъ скелетъ,
Ихъ топталъ и давилъ много лѣтъ.

А когда по тропѣ, имъ изученной,
Доползетъ къ нему странникъ измученный,

Утомленный, разбитый, нагой, —
Онъ отброситъ страдальца ногой

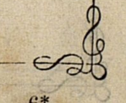
И съ звѣринымъ слѣдитъ наслажденіемъ
За его неизбѣжнымъ паденіемъ.

И на встрѣчу протянутыхъ рукъ,
На мольбы человѣческихъ мукъ,

Въ темный омутъ, гдѣ племя ихъ плавало,
Отвѣчаетъ онъ хохотомъ дьявола...

А толпа, какъ и прежде, ползетъ
Каждый часъ, каждый день, каждый годъ,

И на міръ разливаетъ сіяніе
Золотаго тельца изваяніе.

Торныя дороги.

Азiатскiя привычки
Перешли къ намъ отъ татаръ,
Хоть и носимъ всѣ мы клички
Именитыхъ русскихъ баръ.
Вѣчной спячкой наслаждаясь,
Мы лежимъ, уткнувшись въ пыль,
На привычку опираясь,
Какъ на дѣдовскiй костыль.
Вѣрны предкамъ ихъ потомки:
Спины гнутся, какъ тростникъ,
Потому что къ этой ломкѣ
Славянинъ давно привыкъ.

Насъ привычка заѣдаетъ,
Какъ зараза, какъ чума,
Но весь мiръ ее считаетъ
Краше свѣта и ума.
Внукъ ползетъ тропинкой дѣда,
Сынъ — дорогою отца,
И смущаетъ ихъ побѣда
Генiальнаго творца,
Приговоры мысли новой,
Смѣлой истины языкъ,
И носить вѣнокъ терновый
Узкiй черепъ не привыкъ.

Привыкая съ колыбели
Лгать подъ гнетомъ вѣчной тьмы,
Лжемъ безъ пользы, лжемъ безъ цѣли,
Лжемъ отъ скуки праздной мы,
Лжемъ съ трибунъ литературныхъ,
У налоя подъ вѣнцомъ,
Лжемъ въ наборѣ фразъ мишурныхъ,
Лжемъ и кистью и рѣзцомъ...
Безъ сознанья лжетъ ребенокъ,
Лжетъ сознательно старикъ,
Ложью вѣчною съ пеленокъ
Міръ румяниться привыкъ.

— „Взятки — это язва вѣка,
Лихоимство — нашъ позоръ", —
Съ языка у человѣка
Не сходило съ давнихъ поръ.
Но подъ грохотъ общей брани
Лихоимецъ хохоталъ
И таилъ въ своемъ карманѣ
Нагло взятый капиталъ.
Лихоимство всѣхъ тревожитъ,
Это зло народъ постигъ,
Но безъ взятокъ жить не можетъ,
Потому что къ нимъ привыкъ.

Порицаемые строго,
Педагоги свято чтутъ
Розги — силу педагога,
Розги — школьный атрибутъ.
Съ наказаньемъ и грозою
Въ храмъ наукъ они спѣшатъ,
И подъ свѣжею лозою
Зрѣетъ знанья виноградъ.
Розги — старое наслѣдство...
Педагогъ и ученикъ
Къ развлеченьямъ этимъ съ дѣтства
Одинаково привыкъ.

Мужъ жену терпѣть не можетъ,
Опротивѣлъ мужъ женѣ,
Ихъ обоихъ злоба гложетъ
На яву и въ смутномъ снѣ.
Тѣсно, тяжко жить обоимъ,
Выходъ есть изъ кутерьмы,
Но, какъ къ мебели, къ обоямъ
Привыкаемъ часто мы,
Такъ и тутъ живутъ супруги,
И — хоть жизнь ихъ не красна —
Мужъ привыкъ къ своей подругѣ,
А къ сожителю — жена.

По привычкѣ, въ часъ задора,
Бьемъ мы робкаго слугу,
Жмемъ въ гостиной руку вора
И сгибаемся въ дугу.
Грабимъ, совѣстью торгуемъ,
Губимъ женщины покой,
Внѣшней честностью чаруемъ
И гражданскою тоской...
Правды свѣтъ насъ поражаетъ,
Увлекаетъ часто, но...
Намъ привычка вновь вжигаетъ
Въ лобъ зловѣщее клеймо.

Пѣсня о рубашкѣ.

(Изъ Томаса Гуда).

Въ лохмотьяхъ нищенскихъ, измучена работой,
Съ глазами красными, опухшими безъ сна,
Склонясь сидитъ швея и все поетъ она,
И пѣсня та звучитъ болѣзненною нотой.
Поетъ и шьетъ, поетъ и шьетъ,
Поетъ и шьетъ она, спины не разгибая,
Рукой усталою едва держа иглу,
Въ грязи и холодѣ, въ сыромъ своемъ углу,
Поетъ и шьетъ она, спины не разгибая:

,,Сиди и шей, шей день и ночь,
Пока пѣтухъ вдали кричать не станетъ;
Сиди и шей, шей день и ночь,
Пока хоръ звѣздъ сквозь крышу не проглянетъ.
О, лучше бъ быть рабой у Турковъ мнѣ
И отъ работы тяжкой задохнуться:
Вѣдь въ ихъ не христіанской сторонѣ
Язычники о душахъ не пекутся!...

,,Сиди и шей, шей день и ночь,
Пока твой мозгъ больной не станетъ расплываться;
Сиди и шей, шей день и ночь,
Пока глаза твои совсѣмъ не помутятся.
Переходи отъ ластовицы къ шву...

Швы, складки, пуговки и строчки...
Работу сонъ смѣнилъ, но, словно на яву,
Я и въ тревожномъ снѣ все вижу шовъ сорочки.

,,О, вы, которыхъ жизнь тепла такъ и легка,
Вы, грязной нищеты не вѣдавшіе люди,
Вы не бѣльемъ прикрыли ваши груди,
Нѣтъ, не бѣльемъ, но жизнью бѣдняка.
Во тмѣ и холодѣ, чужая людямъ, свѣту,
Сиди и шей съ склоненной головой...
Когда нибудь, какъ и рубашку эту,
Сошью сама себѣ я саванъ гробовой.

,,Но для чего теперь я вспомнила о смерти?
Она-ли устрашитъ разсудокъ бѣдный мой?
Вѣдь я сама похожа такъ, повѣрьте,
На этотъ призракъ страшный и нѣмой...
Да, я сама на эту смерть похожа.
Всегда голодная, вѣдь я едва жива...
За чѣмъ же хлѣбъ такъ дорогъ, правый Боже,
А кровь людей повсюду дешева?

,,Работай, нищая, не вѣдая истомы,
Работай безъ конца! Твой трудъ всегда съ тобой,
Твой трудъ вознагражденъ: кровать есть изъ соломы,
Лохмотья грязныя, да черствый хлѣбъ съ водой,
Прогнившій, ветхій полъ, и потолокъ сь дырою,
Разбитый стулъ, подобіе стола,
Да стѣны голыя; казалось мнѣ, порою,
Съ нихъ даже тѣнь моя свалиться бы могла...

,,Сиди и шей и спину гни,
Съ работы не своди взоръ тусклый, утомленный;
Сиди и шей и спину гни,
Какъ спину гнетъ въ тюрьмѣ преступникъ заключенный...
Сиди и шей: работа не легка...
Работай — день, работай — ночь настанетъ,
Пока разбитый мозгъ безчувственнымъ не станетъ,
Какъ и моя усталая рука.

,,Работай въ зимній день безъ солнечнаго свѣта,
Не покидай иглы, когда настанутъ дни,
Дни благовоннаго, ликующаго лѣта...
Сиди и шей и спину гни,
Когда на зелени появятся росинки,
И гнѣзда ласточки свиваютъ у окна,
И блещутъ при лучахъ ихъ радужныя спинки,
И въ уголъ твой врывается весна.

,,О, если бъ я могла, вонъ тамъ, надъ головою
Увидѣть небеса безъ темныхъ облаковъ,
Увидѣть пышный лугъ съ зеленою травою,
Могла упиться запахомъ цвѣтовъ —
И бѣлой буквицы и розы бѣлоснѣжной —
То этотъ краткій часъ я помнила бъ всегда,
Узнала бы вполнѣ я цѣну скорби прежней,
Узнала бъ, какъ горька безсмѣнная нужда.

,,За часъ одинъ, за отдыхъ самый краткій,
Неблагодарною остаться я могла-ль?
Вѣдь мнѣ, истерзанной холодной лихорадкой,
Понятна лишь одна безмолвная печаль.
Рыданье, говорятъ, намъ сердце облегчаетъ,
Но будьте сухи вы, усталые глаза,
Не проливайте слезъ: работѣ помѣшаетъ
Мной каждая пролитая слеза...''

Въ лохмотьяхъ нищенскихъ, измучена работой,
Съ глазами красными, опухшими безъ сна,
Склонясь сидитъ швея и все поетъ она,
И пѣсня та звучитъ болѣзненною нотой.
Поетъ и шьетъ, поетъ и шьетъ,
Поетъ и шьетъ она, спины не разгибая,
Рукой усталою едва держа иглу,
Въ грязи и холодѣ, въ сыромъ своемъ углу,
Поетъ и шьетъ она, спины не разгибая.

Ямбы.

I.

Въ дни, когда мнѣ въ сердце желчь не заползала
И искалъ я въ небѣ вѣры, идеала,

И душа съ сомнѣньемъ дерзскимъ не боролась,
Вдругъ съ лазурной выси я услышалъ голосъ:

«Перестань, безумецъ! Не ищи кумира
Въ томъ безстрастномъ царствѣ мертваго эѳира,

Гдѣ лишь тучи вьются, снѣгъ и дождикъ сѣя,
Гдѣ замретъ беззвучно вызовъ фарисея,

Гдѣ на стонъ и вопли бѣднаго народа
Смотритъ безучастно вѣчная природа...

Воздвигая храмы древнимъ истуканамъ,
Люди не подкупятъ неба фиміамомъ,

И дымокъ ничтожный купленныхъ куреній
Вѣтеръ вкругъ развѣетъ въ нѣсколько мгновеній...

Гдѣ былъ садъ Олимпа — тамъ теперь пустыни,
Свергнуты всѣ боги, всѣ его богини;

Марсы, Аполлоны сбиты съ колесницы;
Рухнули кулисы дряхлой небылицы,

И, сквозь ихъ лохмотья, мысль людей прозрѣла
Бездну безъ границы, бездну безъ предѣла,

Вѣчное пространство съ тьмою неизмѣнной,
Океанъ бездонный, темный гробъ вселенной»...

II.

Нѣтъ опоры въ небѣ... Гдѣ-жъ искать опоры?
И къ землѣ невольно обращаешь взоры...

Вотъ онъ, этотъ омутъ грязи и разврата,
Гдѣ за лоскутъ платья братъ идетъ на брата,

Гдѣ голодной смертью надъ сухою костью
Издыхаютъ люди съ скрежетомъ и злостью,

Гдѣ кипитъ торговля совѣсти и чести
На толкучихъ рынкахъ нищества и лести,

Гдѣ лишь преступленьемъ страшенъ и громаденъ
Смрадный міръ шипящихъ, ползающихъ гадинъ.

Вотъ притонъ безстыдства; буйные, хмѣльные
Слышны только крики, шутки площадныя;

Пятна черной крови видны подъ ногою;
Цинико пьетъ, обнявшись съ женщиной нагою;

Тамъ, съ пеленъ утративъ стыдъ отроковицы,
Ласками торгуютъ наглыя блудницы;

Тамъ порокъ въ наслѣдство получаютъ внуки,
И предъ святотатствомъ не трепещутъ руки;

Тамъ и у ребенка сонъ одинъ, проклятый —
Гробъ скорѣй увидѣть матери богатой,

Гробъ старушки нѣжной, свято такъ любившей, —
И столкнуть въ могилу трупъ ея остывшій.

Деньги, деньги, деньги — эта язва вѣка
Всюду зачумила сердце человѣка,

И въ житейской тинѣ дрязговъ и волненья
За однимъ другое гаснутъ поколѣнья.

III.

Брось же ты, безумецъ, дѣтскія надежды,
Брось ихъ, какъ худыя, ветхія одежды,

Какъ негодный посохъ, взятый на забаву,
Мы брасаемъ молча въ первую-жь канаву,

И потомъ, ни разу не вздохнувъ о прошломъ,
О какомъ-то счастьѣ, о довольствѣ пошломъ,

Проходи безъ цѣли по тропинкѣ темной,
Ты, земныхъ волненій зритель хладнокровный.

Заморозивъ слезы, этотъ даръ двовицы,
Не давай имъ падать съ высохшей рѣсницы,

И, съ остывшимъ сердцемъ, сберегая силы,
Такъ иди безстрастно до дверей могилы.

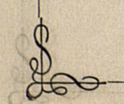
Если-жь часъ наступитъ и среди дороги
У тебя въ безсильи подогнутся ноги,

И въ усталомъ тѣлѣ кровь заледенѣетъ,
И дыханье смерти холодомъ повѣетъ,

Братъ мой утомленный, закрывая очи,
Посмотри безъ страха въ тьму могильной ночи,

И безъ угрызеній, безъ тоски, безъ боли,
Своротн съ дороги на пустое поле,

Лягъ подъ первымъ камнемъ, вытянись бодрѣе,
И, какъ песъ голодный, издыхай скорѣе.

Прогрессъ.

(Изъ Барбье).

Напрасно столѣтья встаютъ передъ нами
И предковъ угрюмыя лица;
Напрасно пугаетъ кровавыми снами
Исторіи прошлой страница!

Какіе уроки въ кострахъ погребальныхъ
Отжившаго гнета и муки!
Но ту же дорогу отъ дѣловъ печальныхъ
Наслѣдуютъ бѣдные внуки...

Давно-ли, оковы обвивши цвѣтами,
Какъ дѣти, въ невѣдѣньи дивномъ,
Съ восторженнымъ плескомъ, омыты слезами,
Свободу мы встрѣтили гимномъ?

Но чудная дѣва, съ улыбкой страданья,
Прошла, какъ волшебная сказка.
Лишь памятны намъ роковыя лобзанья
И дѣвы мертвящая ласка.

Гдѣ-жъ сны золотые? гдѣ новое знамя
Народнаго счастья и славы?
Надъ ними въ дыму, сквозь зловѣщее пламя,
Всталъ призракъ свободы кровавый.

Дни черные встали: свистъ ядеръ, картечи,
Вопль смерти, взывающій внятно,
И труповъ, простертыхъ безъ звука и рѣчи,
Багровыя, черныя пятна;

Кровавой рѣзней опьяненные люди,
Убійцъ не дрожавшія руки,
Штыками пробитыя, женскія груди,
Дѣтей окровавленныхъ муки...

Все дряхлое, сгнившее стараго міра
Опять поднялось сквозь обломки,
И стонутъ, какъ предки, у праха кумира,
Кумиръ свой разбивши, потомки.

IV Ямбъ.

(Изъ Барбье.)

Есть дни тяжелые: душа болитъ и ноетъ,
Въ мозгу, въ больной груди бунтуетъ желчь и ядъ;
На небѣ мракъ лежитъ, тоскливо вѣтеръ воетъ,
И волны мутныя клубятся и кипятъ.
Стволъ дерева, какъ трупъ нагой и обнаженный,
Дрожитъ, и вѣтвями засохшими поникъ,
А гдѣ-то тамъ, вдали, томящій, похоронный
Все стонетъ колоколъ, какъ передсмертный крикъ...
Вотъ тащутъ чей-то гробъ на дрогахъ безобразныхъ,
За гробомъ нищіе, ихъ страшенъ дикій вой...
На улицѣ—толпа, но лицъ не встрѣтишь праздныхъ —
Всѣ пасмурны, больны, измучены хандрой.
И если въ тѣ часы подъ кровъ уединенный
Захочешь ты бѣжать, забыться, отдохнуть,
И къ груди женщины любимой, неизмѣнной,
Склонить усталую, измученную грудь,
То даже тамъ, въ тиши, гдѣ такъ теплы объятья,
Гдѣ дышетъ съ женскихъ устъ дыханіе любви,
Какой то тайный духъ сомнѣнья и проклятья
Съ зловѣщимъ хохотомъ спугнетъ мечты твои,
И въ миломъ образѣ—безстрастный и всесильный —
Въ атласѣ нѣжныхъ щекъ, въ живой игрѣ лица —
Заставитъ чувствовать холодный трупъ могильный
И черепъ высохшій съ скелета мертвеца.

Кіая.

(Изъ Барбье.)

Поэтъ и рыбакъ.

Поэтъ.

Ты счастливъ, другъ-рыбакъ средь вольной нищеты.
Завидую тебѣ! Желалъ бы я, какъ ты,
Тянуть морской канатъ вдоль тихаго залива,
И неводъ мокрый свой, развѣсивъ на кусты,
На солнцѣ, жаркимъ днемъ просушивать лѣниво!
Завидую тебѣ! Когда багряный день
Въ туманныхъ сумеркахъ утонетъ за горами,
Слѣдишь ты съ палубы, какъ мягко ночи тѣнь
Безмолвнымъ призракомъ всплываетъ надъ волнами.
А я, — о, добрый другъ, пойми мою печаль:
Мнѣ берегъ родины сталъ берегомъ изгнанья;
Дворцы Неаполя, небесъ родныхъ эмаль,
И солнца яркій блескъ, и рощъ благоуханье,
Уже не радуютъ, не веселятъ мой взоръ...
Все здѣсь мнѣ говоритъ про общій нашъ позоръ,
Напоминаетъ мнѣ, что здѣсь я — чужестранецъ.
Вы — небо теплое, вершины снѣжныхъ горъ,
Садовъ душистыхъ миртъ и пышный померанецъ,
День свѣтомъ залитой и вечера румянецъ,
И воздухъ тающій и волны пышныхъ нивъ,
Везувій пламенный и, здѣсь у ногъ, зеркальный,
Подъ нѣжный шопотъ струй стихающій заливъ,
Вы — счастья прежняго послѣдній слѣдъ печальный,
Меня не грѣете, я сталъ и слабъ и хилъ;

Перо не слушаетъ; лишь кисть возьму съ боязнью, —
На бѣломъ полотнѣ выходятъ краски грязью,
И я съ проклятіемъ треножникъ свой разбилъ,
И лиру мертвую отбросилъ съ непріязнью.
И вотъ, въ полдневный жаръ, неволи общій рабъ,
Брожу я по полямъ, сожженнымъ солнцемъ жгучимъ.

Рыбакъ.

Я понимаю, другъ, какимъ ты горемъ мучимъ,
Я знаю, отчего ты бродишь вялъ и слабъ,
Понуривъ голову, закутанъ въ плащъ дырявый,
По почвѣ каменной, залитой жаркой лавой;
Я знаю все, мой братъ, и хоть мой грубъ языкъ,
Но сердце теплое подъ грубымъ платьемъ бьется...
И я, какъ ты, поэтъ, отъ радостей отвыкъ,
Да и кому теперь жизнь ясно улыбнется?
Кто наряжается? кто въ праздникъ надѣвать
Рѣшится на себя вѣнокъ изъ винограда?
Кто пѣть начнетъ изъ насъ и весело плясать
Въ тотъ часъ, какъ спустится вечерняя прохлада?
Нѣтъ, не до пѣсенъ намъ; глухихъ рыданій стонъ
Напѣвы нѣжные гнететъ и подавляетъ,
И наша жизнь, мой другъ, какъ выжатый лимонъ,
Своею горечью насъ всюду отравляетъ.
Мы, дѣти матери свободной съ давнихъ поръ,
Должны ярмо влачить съ терпѣніемъ ослицы,
Подъ игомъ пришлецовъ краснѣть за свой позоръ
И лить кровавый потъ съ денницы до денницы.

Поэтъ.

Ты все-жъ счастливѣе; тебѣ въ удѣлъ дано
Всегда свободное, какъ этотъ воздухъ, море;
И если на землѣ все зломъ заражено,
И если съ берега къ тебѣ пахнуло горе,
Ты можешь броситься въ свой легкій, быстрый челнъ;
Два сильныхъ взмаха рукъ — и темный берегъ тонетъ
Въ туманѣ назади, лишь рядъ жемчужныхъ волнъ

Вокругъ тебя, рыбакъ, лаская, вѣтеръ гонитъ;
Тамъ, голову поднявъ, ты можешь отдохнуть,
Забывъ тотъ міръ земной, что̀ грязенъ такъ и тѣсенъ,
И можешь облегчить надломленную грудь
И горе высказать въ порывахъ страстныхъ пѣсенъ;
Тамъ станешь плакать ты, своихъ не пряча слезъ,
Ихъ капли теплыя съ рыданьемъ примутъ волны...
Но мы, возросшіе подъ тѣнью нашихъ лозъ,
Земли изгнанники, мы тайной злобой полны,
Должны всю боль души, гной нашихъ ранъ скрывать
Подъ палкою гостей незванныхъ и безчестныхъ,
И двадцать разъ на дню безмолвно умирать
Съ невозмутимостью животныхъ безсловесныхъ;
Должны крикъ ужаса тогда въ себѣ давить,
Когда-бы закричалъ отъ боли самый камень,
И гдѣ нибудь въ углу, украдкой, слёзы лить,
Глотая этихъ слёзъ горячій острый пламень.
Измѣны всюду здѣсь боятся и дрожатъ:
Въ семьѣ, въ кругу друзей, въ любви, въ самомъ развратѣ,
И если говорить начнетъ съ тобой твой братъ —
Боишься ты найти предателя и въ братѣ.

Рыбакъ.

Но будетъ не всегда-жъ противный вѣтеръ дуть
И рвать намъ паруса... Не все-жъ бѣды да слёзы,
Дождемся наконецъ и мы когда нибудь
Безбурныхъ, теплыхъ дней; губительныя грозы,
Какъ тучи, пролетятъ надъ нашей головой,
И всѣ мы, отдохнувъ отъ голода и боли,
Въ лохмотьяхъ рубища, съ дырявою сумой,
Не станемъ, ползая, нести весь стыдъ неволи;
Не все же намъ, влачась подъ сумракомъ ночей,
Въ сору, въ грязи канавъ, въ кварталѣ отдаленномъ,
Для нашихъ плачущихъ отъ голода дѣтей
Объѣдки отрывать съ рыданьемъ затаеннымъ;
Не все-жъ тяжелый гнётъ, на камнѣ сонъ тупой,

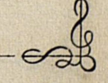
Неблагодарный трудъ и плачъ во всю седьмицу,
Не все-жъ раздавленнымъ суровой нищетой
Намъ умирать ходить въ холодную больницу...
Надеждѣ вѣрю я, и любо мнѣ терпѣть,
Лежать на берегу и съ моря ждать погоды,
Иль, бросивши весло, закинуть въ море сѣть
Въ тотъ часъ, когда заря зальетъ румянцемъ воды.
Не даромъ вѣрю я, что день тотъ не далекъ,
Который ловлею окончу я счастливой,
И изъ моихъ сѣтей, изъ глубины залива,
Стряхая съ косъ серебряный песокъ,
Свобода выплыветъ, смѣла и горделива...

Поэтъ.

Она, рыбакъ, она — свобода, дочь морей,
Сестра богини волнъ, ногою ступитъ бѣлой
На зыбкую корму, въ кругъ старыхъ рыбарей?
О, я боюсь, мой братъ, чтобы твой голосъ смѣлый
Не прозвучалъ въ пустынѣ!.. Гостьи этой грудь,
Ея объятія съ любовью всѣмъ раскрыты,
Но нашъ народъ ей чуждъ, къ нему закрытъ ей путь...
Что стали мы теперь? — тупые сибариты,
Которыхъ идеалъ — безсмысленный развратъ,
Пріапа храмъ, вино и вакханалій пляска,
Въ которыхъ мысль и воля дружно спятъ,
И со щеки давно стыда сбѣжала краска.
Въ мамонѣ сердце ихъ и въ головѣ — мамонъ;
Валяясь на спинѣ отъ соку винограда,
Они, кощунствуя, глядятъ на небосклонъ...
Обжорство—вотъ ихъ богъ, ихъ муза, ихъ награда...
А если въ тяжкій годъ придется взять имъ мечь,
Они безмолствуютъ...

Рыбакъ.

О, не вини народа,
Котораго ты сынъ. Къ чему проклятья рѣчь
И гордость генія? Повѣрь мнѣ, что природа

7*

Твоей земли не такъ скудна; вѣрь мнѣ: народъ
Есть почва добрая, въ ней скрыто много силы,
Въ ней сѣмя истины безъ пользы не умретъ,
Ли́шь былъ-бы сѣятель. Той силѣ нѣтъ могилы;
Она безъ-устали всегда невидимо живетъ,
Добромъ платя за зло, за мщеніе наградой,
Роститъ могучій дубъ, намъ людямъ мощь даетъ
И вѣчно трудится съ любовью и отрадой.
Той силы мы вездѣ встрѣчаемъ слѣдъ живой,
Вездѣ ея рука и сильный, звучный голосъ;
Она среди пустынь плодъ нѣжитъ наливной,
На почвѣ каменной роститъ златистый колосъ;
Какъ ни дави ее, ни мучь, ни унижай,
Она прорвется вновь могучею струею,
Усталый духъ людей и цѣлый падшій край
Вдругъ освѣжитъ здоровою волною, —
И тотъ народъ, безсмысленный отъ сна,
Въ порокѣ гибнувшій и ползавшій когда-то,
Дастъ міру, наконецъ, и́зъ омута разврата
Людей прославленныхъ святыя имена.

Поэтъ.

Ахъ, еслибы ты зналъ, какъ тяжко мысль скрывать,
Когда она жжетъ мозгъ и черепъ давитъ-давитъ,
Ты началъ бы, какъ я, со злобой проклинать.
Но жизнь твоя проста, и что меня печалитъ,
Мутитъ всю желчь мою и сердце тайно жалитъ,
Ты не поймешь, рыбакъ! Тебѣ нельзя понять,
Какъ возмутительно не смѣть обняться съ братомъ,
Тянуться къ солнцу, къ дню, и мракомъ быть объятымъ,
Имѣть крыло у плечъ, всѣ силы на полетъ,
И ползать здѣсь въ грязи, какъ связаннымъ орлятамъ.
А жизнь не ждетъ межъ тѣмъ, за годомъ годъ идетъ...
Мы вялы и больны подъ старческою гнилью,
На сердцѣ нѣтъ надеждъ и мечь насъ не зоветъ,
Въ ножнахъ съѣдаемый и ржавчиной и пылью.

Такъ съ каждымъ днемъ могила ближе къ намъ,
Безсиліе души и тѣло убиваетъ,
И гордый геній нашъ, какъ безполезный хламъ,
Въ забытыхъ сундукахъ подъ плѣсенью сгниваетъ.
Для генія, старикъ, необходимъ просторъ,
Какъ пьяницѣ нужна съ виномъ большая чаша,
И я... я ждать усталъ; то горе, то позоръ
Убили духъ во мнѣ, — чужда мнѣ почва наша.
Что пользы ждать теперь и рваться? Такъ кастратъ
Дрожитъ надъ дѣвою въ безсильи иступленномъ...
О, если здѣсь ни въ комъ, въ народѣ утомленномъ
Нѣтъ силъ на подвиги, и если всѣ здѣсь спятъ —
Уйду отсюда я къ друзьямъ иноплеменнымъ.

Рыбакъ.

О, какъ нетерпѣливъ ты, пламенный поэтъ;
Съ душою пылкою, ничѣмъ неудержимой,
Дитя капризное на утрѣ дѣтскихъ лѣтъ,
Умѣй терпѣть и ждать — усталый и гонимый.
Но если насъ тебѣ покинуть суждено
Для лучшихъ береговъ, для новыхъ впечатлѣній,
Ты сбереги въ душѣ — то, что душѣ дано,
Не измельчай тогда въ самолюбивой лѣни.
Ты не забудь о томъ, что грудь твою согрѣлъ
Рокъ не напрасно же таланта чуднымъ жаромъ,
Всѣхъ выше головой поставленъ ты не даромъ.
И если ты падешь — каковъ же нашъ удѣлъ?
Терпи-жъ пока, поэтъ! На подвигъ твой великій
Дастъ силы новыя великая душа.

Поэтъ.

Ты сердцемъ добръ, старикъ, но, гнѣвъ свой заглуша,
Ты вѣрно позабылъ, что только камень дикій,
Да тощую траву найдешь средь нашихъ нивъ,
Гдѣ не даютъ плодовъ посаженныя зерна,
Гдѣ человѣкъ сталъ мелокъ и лѣнивъ,

Безсильна мысль, добро, и только зло упорно!
Дай руку мнѣ, старикъ! Иду отсюда я,
Быть можетъ навсегда Неаполь оставляю...
Къ тебѣ, къ тебѣ теперь, Калабрская земля,
Несу остатокъ силъ и руки простираю!
Поклонъ свой шлю тебѣ, далекій, чуждый кровъ,
Съ челомъ нахмуреннымъ сѣдой утесъ Гаргано,
Вамъ, скалы дикія съ подножіемъ лѣсовъ,
Увитыхъ ризою нагорнаго тумана!..
Прошу, прошу у васъ дать страннику пріютъ
Въ ущельяхъ темныхъ горъ, въ лѣсахъ, въ степяхъ раздольныхъ...
О, пусть моя душа и силы отдохнутъ
Опять среди племенъ кочующихъ и вольныхъ,
Гдѣ жизнь не растлѣна и простъ людей языкъ,
Гдѣ каждый человѣкъ, природѣ лишь послушный,
Блистая красотой, свободенъ и великъ.
Сживяся съ той средой, дѣлить-бы съ ней привыкъ
Я всѣ труды свои и черствый хлѣбъ насущный;
Я сталъ бы, какъ орелъ заоблачныхъ высотъ,
Несвязанъ и могучъ въ полетѣ мысли смѣлой;
Когда же смерть ко мнѣ украдкой подойдетъ —
Не свяжетъ тѣла мнѣ въ могилѣ саванъ бѣлый,
Не станетъ узкій гробъ давить своей доской,
Но прахъ мой грудь земли возьметъ къ себѣ, ревнуя,
И, убаюканный Циббелою сѣдой,
Въ ея объятіяхъ съ улыбкою засну я;
Изчезну вдругъ, какъ дымъ, какъ мимолетный звукъ,
Какъ молнія въ ночи, какъ лучь скользнувшій свѣта,
И никогда ногой не ступитъ гордый внукъ
На Остовъ моего забытаго скелета.

Мостъ.

(Изъ Лонгфелло.)

Въ глубокую полночь я былъ на мосту
Съ своею тоскою всегдашней;
Надъ городомъ соннымъ всплывала луна
За темной церковною башней.

* *
*

Луна отражалась внизу подо мной
Въ недвижимомъ водномъ просторѣ,
Какъ кубокъ червонный, который скользилъ
Ко дну темно-синяго моря.

* *
*

И въ эту іюльскую, дивную ночь,
На западѣ, въ дымкахъ тумана,
Краснѣя луны, золотая заря
Была и тепла и румяна.

* *
*

Межъ двухъ береговъ по теченью воды
Широкая тѣнь трепетала,
Съ приливомъ морскимъ набѣгала волна
И, словно, ту тѣнь отгоняла.

Подъ тѣнью неслась и скользила рѣка,
Журчала, какъ ласка привѣта,
И травы морскія влекла за собой
Въ сіяніи луннаго свѣта.

* *
*

Какъ этотъ прозрачный потокъ водяной
Кипѣлъ подъ моими ногами,
Такъ былъ я охваченъ потоками думъ
И очи сверкнули слезами.

* *
*

Какъ часто, какъ часто въ минувшіе дни,
Въ давно невозвратные годы,
Въ глубокую полночь я съ моста глядѣлъ
На синее небо и воды.

* *
*

Какъ часто, какъ часто тогда я желалъ,
Чтобъ волны отлива морскаго
Меня унесли бы съ собой въ океанъ,
Подальше отъ міра людскаго.

* *
*

Изнѣженный жизнью, тогда я былъ юнъ,
Кровь быстро бѣжала по жиламъ,
И тяжесть, дивившая сердце мое,
Казалось, была не по силамъ.

* *
*

Теперь эта тяжесть свалилась съ души,
Исчезла и канула въ море,
И нынче смущаютъ лишь только меня
Собратьевъ страданье и горе.

* *
*

Но все же, когда я иду чрезъ рѣку
И съ моста на волны взгляну я,
Въ умѣ моемъ прошлыя думы встаютъ,
Безсонную память волнуя.

* *
*

И думаю я: сколько тысячъ людей,
Которыхъ страданье казнило
И тяжкою ношей давила печаль.
Съ тѣхъ поръ черезъ мостъ проходило.

* *
*

Я вижу: проходятъ рядами они
То взадъ, то впередъ предо мною,
Одни — молодые, съ горячей душой,
Другіе, — блестя сѣдиною.

* *
*

И вѣчно, и вѣчно въ полуночный часъ,
Такъ долго, какъ рѣчки журчанье.
Такъ долго, какъ въ сердце живущая страсть,
Такъ долго, какъ жизни страданье, —

* *
*

Луна съ отраженьемъ въ рѣчной глубинѣ
И тѣни здѣсь будутъ являться,
И станутъ небеснымъ символомъ любви онѣ
На грѣшной землѣ отражаться.

Лирикъ.

I.

Лѣтъ... неизвѣстныхъ онъ лѣтъ.
Ясный, какъ день, напомаженный,
Ходитъ счастливый поэтъ,
Словно амуръ переряженный;
Смотритъ на всѣхъ съ высока...
Барышни, лѣтъ сорока,
Шлютъ ему съ краской дѣвической
Вздохи любви платонической.

II.

Кудри отбросивъ назадъ,
Въ пѣснѣ искуственно-пламенной
Въ каждой гостиной онъ радъ
Бросить свой стихъ отчеканенный,
Нѣжа и сердце и слухъ
Пудрой затертыхъ старухъ,
Фатовъ, безъ дѣла скучающихъ,
И старичковъ отцвѣтающихъ.

III.

Льется блестящій каскадъ,
Звуки холодные, лживые...
Блескомъ подобнымъ горятъ
Всѣ брилліанты фальшивые.
Въ залѣ молчанье царитъ,
Только поэтъ говоритъ,
Какъ онъ однажды въ Неаполѣ
Съ нимфой бесѣдовалъ на́-полѣ...

Сурдый

IV.

Чудный житейскихъ тревогъ,
Бредитъ онъ небомъ Италіи;
Въ пѣснѣ не скажетъ — сапогъ,
Скажетъ навѣрно — сандаліи.
Въ Римъ переноситъ насъ онъ:
Образы римскихъ матронъ,
Лѣсъ кипарисный и тополи...
Всѣ мы неистово топали —

V.

Въ залѣ, когда онъ читалъ
Стансы свои вдохновенные.
Даже, я самъ замѣчалъ,
Лысины очень почтенныя,
Въ сани влѣзая, съ крыльца
Вслухъ поощряли пѣвца:
Скрыть не могли одобренія
Послѣ публичнаго чтенія.

VI.

Конченъ парадный обѣдъ...
Общество все дожидается...
Вотъ, наконецъ, самъ поэтъ
Изъ-за стола поднимается,
Сдѣлалъ классическій жестъ
(Публика больше не ѣстъ)
И съ граціозной свободою
Вдругъ разрѣшается одою.

VII.

Жалокъ отпѣтый творецъ...
Въ прессѣ надъ нимъ насмѣхаются,
Но не робѣетъ пѣвецъ:
Имъ и теперь увлекаются —
Барышни, лѣтъ сорока,
Два-три сѣдыхъ старика...
И межъ своими знакомыми
Онъ осаждаемъ альбомами.

Съ горяча.

Мой знакомый лѣтъ не мало
Жилъ, спустивши рукава,
Но горячь былъ, — и молва
Такъ его изображала:
Ухъ, какая голова!
Многимъ сталъ онъ тѣмъ извѣстенъ,
Что рубилъ всегда съ плеча,
Даже былъ нерѣдко честенъ ..
Съ горяча.

Бывши школьникомъ, чрсзъ мѣру
Онъ лѣнивъ былъ, словно волъ,
Всѣ въ него теряли вѣру,
Но однажды стихъ нашелъ
И — составилъ онъ карьеру:
Съ книгой таялъ, какъ свѣча,
Трудъ смѣнилъ ему забаву,
Онъ экзаменъ сдалъ на славу...
Съ горяча.

Тихъ, уступчивъ, какъ овечка.
Началъ онъ служебный путь,
Зналъ искуство спину гнуть,
Проронить не смѣлъ словечка
Предъ начальствомъ какъ нибудь,
Но, — въ принципѣ врагъ начальства, —
Замѣчанье получа,
Обругалъ онъ разъ начальство...
Съ горяча.

Убѣжденій шаткихъ очень
Онъ тѣхъ словъ не различалъ:
Консерваторъ, радикалъ...
Ихъ борьбой не озабоченъ,
Тѣхъ и этихъ отвергалъ,
Но, прочтя статью въ журналѣ,
Кулаками въ грудь стуча,
Радикальничалъ онъ въ залѣ...
Съ горяча.

По баламъ, обѣдамъ званнымъ,
Чтимъ за грацію манеръ,
Рыскалъ онъ средь разныхъ сферъ,
И жены искалъ съ приданымъ —
Тысячь въ двадцать, напримѣръ,
Въ домѣ — пышныя кушетки,
Бронза, бархатъ и парча...
И — женился на гризеткѣ...
Съ горяча.

Въ игрокахъ онъ видѣлъ плутовъ
И рѣшилъ, что къ играмъ страсть,
Какъ зловѣщая напасть,
Человѣка разъ опутавъ,
Навсегда возметъ во власть,
Но, забывъ покой улитки,
Въ клубѣ, время улуча,
Разъ продулся онъ до нитки. .
Съ горяча.

Съ черствымъ сердцемъ мизантропа
Онъ не зналъ чужихъ заботъ;
Онъ и глазомъ не сморгнетъ,
Если цѣлая Европа
Завтра по міру пойдетъ.
Но, страшась гуманныхъ бредней,
Часто, нищихъ залуча,
Отдавалъ имъ рубль послѣдній...
Съ горяча.

Съ горяча онъ промотался,
Съ горяча попалъ подъ судъ,
Съ горяча съ дѣтьми былъ крутъ,
Съ горяча съ женой ругался —
И скончался въ пять минутъ...
Разъ, поспоривъ съ кѣмъ то яро,
Онъ домой пришелъ ворча,
Легъ и — умеръ отъ удара...
Съ горяча.

На каждомъ шагу.

БАЛЛАДА.

НОЧЬ ПЕРВАЯ.

Ночью въ три часа изъ клуба
Мужъ спѣшилъ къ женѣ пригожей.
Входитъ — видитъ чья-то шуба
На гвоздѣ виситъ въ прихожей.

Свѣчи тухнуть стали въ залѣ:
Полу-свѣтъ довольно странный, —
И до мужа долетали
Чьи-то рѣчи изъ диванной.

Сладко спитъ кухарка Мавра
Предъ огаркомъ въ жаркой кухнѣ...
Шепчетъ мужъ со злобой мавра:
«Страсть въ груди моей потухни»!

«Вѣрь женѣ неблагодарной...
«Нѣтъ въ ней вѣрности не крошки»...
И къ преступницѣ коварной
Сталъ онъ красться тише кошки.

Онъ крадется съ видомъ хмурымъ,
Заскрипѣть боясь паркетомъ.
Вотъ покой... Подъ абажуромъ
Свѣтитъ лампа на столѣ тамъ.

На столѣ „Сатиры въ прозѣ“
И — любовникъ, вѣроятно,
Близко сѣвъ къ румяной Розѣ,
Ихъ читалъ довольно внятно.

Видѣнъ былъ лишь край затылка...
Вдругъ всю тайну обнаружа,
Руку Розы сжалъ онъ пылко...
Ноги дрогнули у мужа.

Тутъ онъ грозно крикнулъ: „ergo!..
Не терплю я въ домѣ шашенъ“...
Въ этотъ часъ, какъ слонъ у Берга,
Блѣдный мужъ казался страшенъ.

И... читателямъ скандала
Ждать напрасно для чего же? —
Роза вдругъ захохотала,
Братъ родной смѣялся тоже.

Самъ супругъ развеселился,
Но сказалъ женѣ уныло:
„Я навѣрно-бъ застрѣлился,
Если бъ ты мнѣ измѣнила“.

НОЧЬ ВТОРАЯ.

Пронеслось четыре года
Безъ особенныхъ тревогъ,
Но супружескому счастью
Это слишкомъ долгій срокъ.

Хороша, какъ прежде, Роза,
Ей всего лишь двадцать лѣтъ;
Написалъ съ нее Маковскій
Обольстительный портретъ.

Хороша какъ прежде, Роза
Выѣзжала въ свѣтъ большой,
Даргомыжскаго романсы
Пѣла съ чувствомъ и съ душой.

На балахъ всѣ львы старались
Завести съ ней разговоръ;
На любительскихъ спектакляхъ
Роза дѣлала фуроръ,

И при томъ... но я балладу
Стану дальше продолжать.
Какъ и въ первый разъ, однажды
Мужъ домой вернулся спать;

Какъ и въ первый разъ, онъ видитъ —
Темно въ комнатахъ вездѣ,
И виситъ въ его прихожей
Чья-то шуба на гвоздѣ.

Въ кухнѣ спитъ кухарка Мавра...
Все по прежнему... Лишь онъ
Дикой ревностью Отелло
Не былъ мучимъ и смущенъ.

Входитъ въ залу онъ. Въ диванной
Полу-тьма и полу-свѣтъ:
Свѣтитъ матовый фонарикъ —
Даже лампы вовсе нѣтъ.

,,Шепотъ, робкое дыханье'',
Поцалуевъ робкій звукъ,
Эпизодъ изъ пѣсни Фета
Чутко слушаетъ супругъ.

Чей-то говоръ затаенный
Раздается въ тишинѣ: —
(Мужъ съ сіяющей улыбкой
Тихо крадется къ женѣ).

— «Я люблю тебя, мой милый!
Ты мой богъ, мой властелинъ!»
(Мужъ отъ радости нежданной
Подпрыгнулъ на полъ-аршинъ).

— «Будемъ жить мы вмѣстѣ, вмѣстѣ,
Убѣжимъ съ тобой, мой другъ...»
Тутъ ужъ скрыть не могъ восторга
Осчастливленный супругъ,

И въ диванную вошелъ онъ
Къ обезумѣвшей четѣ,
Перепуганную пару
Заставая въ темнотѣ.

— «Не волнуйтесь, ради Бога!
Вамъ мѣшать я не хочу...
Я пришелъ лишь взять халатъ свой,
Книгу на ночь и свѣчу.»

И за тѣмъ, съ своимъ халатомъ,
Съ книгой, съ свѣчкою въ рукѣ
Мужъ ушелъ и чрезъ минуту
Ужъ храпѣлъ на тюфякѣ.

И никто не спалъ такъ сладко
Изъ мужей въ родномъ краю...
— «Я несчастливъ a priori,
A de facto — я въ раю». —

Такъ шепталъ онъ засыпая...
«Счастливъ въ мірѣ глубоко,
Тотъ, кто можетъ отъ супруги
Такъ отдѣлаться легко.»

Публика.

(Съ нѣмецкаго).

Публика — это есть самъ человѣкъ,
Сильный на многое, слабый весь вѣкъ;

Публика — женщина: дай ей гремушки,
Дай ей обновы, цвѣты да игрушки;

Публика — это ворчунья старуха:
Слабая память и крѣпкое ухо;

Публика — это рабыня всегда:
Дѣлаетъ то, что велятъ господа;

Публика — это весь міръ Божій разомъ:
Смыслъ идіота и генія разумъ.

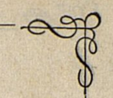
Я никому не колю этимъ глазъ:
Чтожъ? Вѣдь — не публика каждый изъ насъ

Тьма.

(Изъ Байрона).

I had a dream, which was not all a dream.

Я видѣлъ сонъ, но сномъ онъ будто не былъ.
Угасло солнце въ небѣ неподвижномъ,
И звѣзды безъ лучей, безъ блеска, сбившись
Съ своихъ орбитъ носились. Льдяною глыбой
Земля висѣла въ мглѣ нѣмой. Надъ міромъ
День не вставалъ, однѣ смѣнялись зори...
Объяты ужасомъ, какъ тѣни, мрачно,
Въ чаду пылающихъ костровъ, безъ мысли,
Безъ страстей бродили люди. Всѣ сердца
Слилися въ вопль, въ одну мольбу о свѣтѣ.
Вотъ вспыхнула земля: дворцы и храмы,
Селенья, города — пылали. Люди
Ихъ подожгли, чтобъ не остаться въ мракѣ,
И у пылающихъ жилищъ, толпами
Сходились, чтобъ узнать въ лицо другъ друга..
Былъ счастливъ тотъ, кто у жерла волкана
Клочекъ земли найти могъ для пріюта...
Тоскливый страхъ — вотъ все, что было въ мірѣ...
Зажгли лѣса, но пламя съ жадной силой
Ихъ истребляло въ пепельныя груды:
Мгновенный блескъ — и снова царство мрака.
При заревѣ пылающихъ пожаровъ
Какъ призраки, въ борьбѣ тѣней и свѣта,
То здѣсь, то тамъ, людей вставали группы:
Тѣ — робко ползали въ слезахъ, безъ звука,

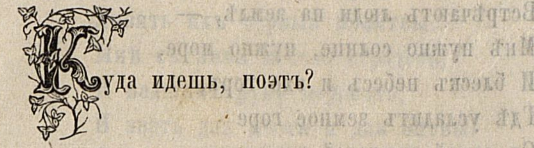

Закрывъ глаза; съ улыбкой дикой — тамъ,
Въ конвульсіяхъ, сжавъ голову руками,
Сидѣли люди тупо; съ хриплымъ воплемъ
Иные бѣгали, въ кострахъ угасшихъ
Напрасно раздувая чахлый пламень;
Глядѣли въ небо — темно было небо —
Могильный кровъ скончавшагося міра.
И съ скрежетомъ зубовъ, съ проклятьями, въ пыли
Крутились, выли люди. Птицы съ крикомъ
На землю пали, билися, не смѣя
Взмахнуть крыломъ, и дикій звѣрь сталъ робокъ,
И змѣи ползали въ толпѣ съ шипѣньемъ,
Не смѣя жалить, — ихъ душили люди
И пожирали... Стихшая на время
Рѣзня опять зажглась. Цѣною крови
Обѣдъ голоднымъ покупался. Дико
Другъ друга каждый бѣгалъ, чтобъ трапезу
Свершить кровавую. Любви не стало
Въ сердцахъ людей; лишь смерти страхъ и голодъ
Мучительный, палящій, всѣхъ томили
И рвали внутренность. Неумолимо
Вставала смерть — и умирали люди,
И трупы ихъ лежали безъ могилы.
Полуживой глодалъ скелетъ собрата,
Какъ дикій звѣрь хрипя; голодной стаей псы
Своихъ хозяевъ трупы разрывали;
Лишь песъ одинъ, надъ трупомъ измозженнымъ
Стоялъ, какъ стражъ, упорно защищая
Его отъ псовъ, людей остервенелыхъ,
Лишь онъ одинъ, изъ всей голодной стаи,
Надъ трупами кровавыми издохшей,
Забылъ о голодѣ, и съ слабымъ лаемъ,
Съ протяжнымъ воемъ руку трупа долго
Лизалъ, ласкалъ, легъ рядомъ съ нимъ и — умеръ..
Громадный городъ вымеръ весь; лишь двое
Еще спаслись отъ смерти, но то были —
Враги. И подползли они къ божницѣ,
Въ погасшій пепелъ гдѣ нахально въ грудахъ
Вещей священныхъ сброшены обломки.

Руками тощими напрасно теплый пепелъ
Враги, стеная, разрывали; въ напряженьѣ
Послѣднихъ силъ — ихъ слабое дыханье
Огонь раздуло въ пеплѣ; пламя скудно
Сверкнуло разъ — и два... Враги взглянули
Въ лицо другъ другу, вскрикнули и пали
Безъ жизни. Видъ ихъ былъ такъ мертво страшенъ,
Измученъ голодомъ, что, не узнавъ врага
Одинъ въ другомъ, они упали мертвы
Отъ отвращенья оба...
Міръ опустѣлъ.
Могучій, шумный міръ нѣмой могилой сталъ,
Безъ жизни, времени, растеній — глыбой
Холодной. Всюду мракъ, хаосъ!.. Озера,
Моря, и океанъ — сковались смертью
Неумолимой, неподвижной, мрачной,
И ихъ покой ничто не возмущало.
Лишь гнили корабли въ моряхъ; ихъ мачты,
Обломками гнилыми разсыпаясь,
Не шевелились въ мертвой безднѣ моря;
Зачахли волны, замерли приливы
Съ тѣхъ поръ, какъ мѣсяцъ скрылся съ небосклона!
Вѣтръ не дышалъ въ эфирѣ неподвижномъ
И тучъ не стало; мракъ вставалъ отвсюду:
Весь міръ былъ тьма, и тьма была всѣмъ міромъ.

Три дороги.

Геній.

Куда идешь, поэтъ?

Первый поэтъ.

Туда,
Куда вползти змѣей не можетъ
Людская мелкая вражда,
Въ могилы темныя, гдѣ гложетъ
Въ землѣ безжизненный костякъ
Одно лишь время, да червякъ;
Туда, гдѣ смерть сидитъ ревниво
У изголовья мрачныхъ плитъ,
И тѣ пріюты сторожитъ,
Гдѣ непробудно, молчаливо,
Отжившій міръ безстрастно спитъ...
Чтò для меня весь міръ живущій?
Его страданья и борьба?
Милѣе мнѣ вашъ прахъ гніющій,
Нѣмые прошлаго гроба.
Раскроетъ темная гробница
Мнѣ тайны страшныя отцовъ,
И, сбросивъ саванъ, встанутъ лица
Мной оживленныхъ мертвецовъ;
Скелеты ихъ — согрѣетъ пламень,
Въ нихъ вспыхнетъ жизнь и красота,
Разскажетъ повѣсть каждый камень
И съ стертой надписью плита.

Геній.

А ты, пѣвецъ?

Второй поэтъ,

Бѣгу я въ горы.
Пусть міръ купается во злѣ,
Пусть казнь и смерти приговоры
Встрѣчають люди на землѣ, —
Мнѣ нужно солнце, нужно море,
И блескъ небесъ и эхо горъ,
Гдѣ усладитъ земное горе
Съ одной природой разговоръ.
Бѣгу туда, гдѣ люди — фавны,
Гдѣ непонятны и забавны
Волненья жизни городской,
Гдѣ братъ въ крови не тонетъ брата,
Гдѣ не стоитъ кумиръ разврата
Съ своей ужасной красотой.
Пусть дряхлый міръ въ борьбѣ кровавой
Изнемогаетъ какъ старикъ,
Пусть кровь бѣжитъ горячей лавой
И надрываетъ сердце крикъ
Несчастныхъ жертвъ, — въ мою пустыню
Томящій вопль не залетитъ,
И не спугнетъ и не смутитъ
Покой — души моей святыню.
Я чары пѣсенъ сберегу,
И гдѣ нибудь, въ часы прохлады,
Подъ тѣнью павшей колоннады
Я буду пѣть на берегу
Лишь для задумчивой Наяды.

Третій поэтъ.

Я не пойду за вами вслѣдъ.
Я человѣкъ, но не скелетъ.

Закаменѣли ваши груди,
Когда тотъ міръ, гдѣ стонутъ люди,
Для васъ чужой... Нѣтъ, я поэтъ
Одной земли и бѣдныхъ братій,
И съ дѣтства ранняго привыкъ
Любить ихъ слезы и языкъ
Ихъ торжества и ихъ проклятій;
Привыкъ ихъ нужды узнавать,
Ловить ихъ первыя молитвы...
Мнѣ съ ними весело страдать,
И падшимъ руку подавать,
И звать для мести и для битвы.
Я брошусь въ міръ борьбы идей,
Въ міръ плача, скорби и мученья,
И въ тьмѣ глубокой, для людей
Мое заблещетъ вдохновенье.
А тамъ, гдѣ властвуетъ порокъ,
Явлюсь я гнѣвною Медузой,
И задрожатъ предъ строгой музой:
Предатель, тать и лже-пророкъ.
Я навѣщу больныхъ въ больницѣ,
Утѣшу узника въ темницѣ,
И въ смрадной бѣдности, въ чаду
Разврата грязнаго, въ блудницѣ
Я сердце женщины найду.

И думалъ Геній:
«Всѣ вы правы,
Но, сынъ толпы, пѣвецъ борьбы,
Ты завоюешь у судьбы
И больше слезъ, и больше славы.

Раба.

(STÜCK MENSCHEN VIEH)

(Изъ Гейне.)

И праздникъ и солнце. На землю глядитъ
Роскошное утро, сiяя,
И колоколъ въ воздухѣ мѣрно гудитъ,
Къ молитвѣ людей призывая.

По улицамъ ходитъ нарядный народъ...
На лицахъ — ни тучки, ни тѣни,
И юная мать надъ ребенкомъ поетъ,
Его опустивъ на колѣни...

Зачѣмъ же въ тюрьмѣ, на соломѣ, одна,
Прекрасна, какъ ночь Лузiаны,
Лежитъ негритянка, и стонетъ она,
Слезами смочивъ свои раны?

И штатъ Лузiаны намъ мрачно гласитъ:
Законъ нашъ рабовъ не прощаетъ —
Когда господина раба оскорбитъ
Ее эшафотъ ожидаетъ.

Невольниковъ этихъ, причисля къ скотамъ
По милости кожи ихъ черной,
Велятъ подчиняться ременнымъ кнутамъ,
И кланяться плети позорной.

Она жъ, негритянка, побой не снесла,
Ударивъ жену властелина...
И казни публичной въ темницѣ ждала
Невольница, черная Дина.

Но смертная казнь для нея не страшна,
Пугала ее не могила,
Но новое чувство пугало: она
Подъ сердцемъ младенца носила.

Давно ли ее обольстилъ, какъ рабу,
Плантаторъ, заплывшій въ развратѣ,
И вотъ раздалися въ тюрьмѣ, какъ въ гробу,
И стоны и крики дитяти.

Но сына отъ груди пришли оторвать...
Безстрастны злодѣйскія лица...
Напрасно, рыдая, металася мать,
Какъ львенка лишенная львица;

Напрасны безумныя клятвы и плачъ!..
Запоры вдругъ падаютъ снова,
И вотъ къ эшафоту угрюмый палачъ
Влечетъ негритянку сурово.

А тамъ на площадку сбѣжался народъ.
Толпа весела и нарядна:
Когда задымится въ крови эшафотъ,
Она дожидается жадно.

Тирольскія элегіи

въ пѣсняхъ къ мѣсяцу

Гавличка *)

I.

Ахъ, свѣти, румяный мѣсяцъ,
Сквозь туманъ и мракъ;
Развѣ не любъ тебѣ Бриксенъ,
Что ты хмуренъ такъ?
Не закатывайся въ тучку,
Рано, красный, спать,

---

*) Имя Гавличка — одно изъ лучшихъ и свѣтлыхъ именъ чешской литературы. Поэтъ, любимый своимъ народомъ, редакторъ «Народныхъ Новинъ», лучшей чешской газеты, по своему вліянію на Чеховъ, Гавличекъ возбудилъ неудовольствіе и опасенія австрійскаго правительства. Въ 1851 г. его схватили и отправили въ крѣпость Бриксенъ, въ Тиролѣ, гдѣ онъ въ продолженіе 5 лѣтъ досидѣлся до чахотки, и былъ наконецъ прощенъ, но возвратившись въ Прагу, чрезъ нѣсколько времени умеръ.

Переведенныя мною элегіи Гавличка пользуются у Чеховъ огромною популярностью. Въ этихъ пѣсняхъ поэтъ, смѣясь ядовитымъ смѣхомъ оскорбленнаго, разсказываетъ лунѣ, какъ его взяли австрійскіе жандармы и повезли въ тюрьму. Среди жесткаго смѣха и ироническаго веселья — въ пѣсняхъ Гавличка вырываются порой чрезвычайно-теплые, задушенные, поэтическіе звуки. Удалось-ли мнѣ въ переводѣ передать характеръ и духъ этихъ пѣсенъ — не знаю; по возможности, я держался какъ-можно ближе къ подлиннику, даже въ самомъ размѣрѣ пѣсенъ.

Я-бъ хотѣлъ съ тобой немного,
Мѣсяцъ, поболтать.
Не бѣги; я изъ далека,
Здѣсь чужой всѣмъ, братъ;
Я не treu und bieder, — въ Бриксенъ
Я *въ науку* взятъ.

II.

Я изъ края музыкантовъ *);
Тамъ-то мой тромбонъ,
Видишь, — все у вѣнскихъ пановъ
Безпокоилъ сонъ.
Дѣловые люди, паны,
Свой храня покой,
Съ полицейскими карету
Выслали за мной.
Полночь. Спалъ я; но когда же
Третій часъ пошелъ, —
Съ «добрымъ утромъ» поздравляя,
Вдругъ жандармъ вошелъ.
А за нимъ въ парадной формѣ
Полицейскихъ рядъ, —
Шарфъ на брюхѣ, а мундиры
Золотомъ горятъ...
«Вамъ поклоны шлютъ изъ Вѣны,
Бахъ цалуетъ васъ,
Вы здоровы-ль — знать желаетъ
И свой шлетъ приказъ».
Добръ на тощій я желудокъ,
Нѣтъ игры страстямъ.
«Виноватъ я... я въ рубашкѣ...»
Я сказалъ гостямъ.
Но мой Джекъ — бульдогъ свирѣпый,
Дерзскій грубіянъ,

---

*) Памекъ на Чехію, гдѣ почти каждый Чехъ — музыкантъ.

Къ страннымъ выходкамъ способенъ:
    Онъ изъ англичанъ.
Лишь одинъ параграфъ стали
    Гости мнѣ читать,
На жандармовъ — подъ кроватью
    Началъ Джекъ рычать.
Бросилъ я въ него Законникъ *),
    Нѣтъ сильнѣй угрозъ,
И — не даромъ, я догадливъ:
    Сталъ какъ мертвый песъ.

III.

Вѣрный долгу гражданина
    И порядку дѣлъ,
При собраньѣ — торопливо
    Я чулки надѣлъ,
А потомъ прочелъ бумагу.
    Вотъ она — со мной;
Если слогъ казенный знаешь,
    Прочитай, родной.
Бахъ, какъ докторъ **), пишетъ: вреденъ
    Будто воздухъ мнѣ
Нашей Чехіи, что лучше
    Жить въ другой странѣ;
Будто въ Чехіи мнѣ душно,
    И туманъ и смрадъ,
Что мое теперь здоровье
    Онъ поправить радъ.
И за тѣмъ, за мной карету
    Онъ съ поклономъ шлетъ,

---

*) Законникъ — Reichsgesetzbuch — собраніе австрійскихъ законовъ и постановленій.

**) Поэтъ играетъ словами: Бахъ, бывшій австрійскій министръ, имѣлъ степень доктора.

Что могу я въ путь пуститься
    На казенный счетъ;
А жандармамъ далъ приказъ онъ
    Убѣдить меня,
Если, въ скромности, предъ ними
    Заупрямлюсь я.

IV

Каюсь! глупая привычка!
    Нужно же сказать:
Не могу съ штыкомъ жандарму
    Въ просьбѣ отказать.
Торопилъ меня Дедера *)
    Ѣхать, чтобъ за мной,
Пробудившись, не бѣжалъ-бы
    Цѣлый Бродъ **) толпой.
И просилъ Дедера — чтобы
    Сабли не бралъ я,
Что они оружье взяли
    Охранять меня;
А пока межъ Чеховъ ѣдемъ —
    Былъ я нѣмъ и глухъ,
Чтобъ по Чехіи тревожный
    Не пронесся слухъ.
Мнѣ совѣтовъ панъ Дедера
    Много мудрыхъ далъ,
И, какъ Баха паціентъ, я
    Кротко имъ внималъ.
И манилъ меня Дедера,
    Какъ сирену звалъ.
Я-жь межъ-тѣмъ штаны съ жилетомъ,
    Шубу надѣвалъ.

---

*) Имя полицейскаго чиновника.

**) Бродъ — городъ въ Чехіи.

У крыльца жандармы, кони
Сбруею гремятъ...
Братцы! двѣ еще минуты —
И я ѣхать радъ,

V.

Мѣсяцъ красный! Ты не даромъ
Свѣтишь съ высоты!
Силу женскихъ ласкъ горячихъ
Знаешь вѣрно ты.
Ты не разъ, мой красный мѣсяцъ,
Въ полуночный часъ
Серебрилъ слезу разлуки
На рѣсницахъ глазъ.
Мать, жена и дочь Зденчинка!
Помню ихъ испугъ,
Слезы тихія и трепетъ
Задрожавшихъ рукъ.
И хоть былъ солдатъ я старый,
Посѣдѣлъ въ бою, —
Слезы очи затѣмняли,
Рвали грудь мою.
Я надвинулъ *подъбрадку* *)
Глубже на глаза,
Чтобъ не тѣшила жандармовъ
Ни одна слеза.
У моихъ дверей стоялъ ихъ
Неподвижный строй,
Декораціей зловѣщей
Сцены грустной той.

---

*) Шапка, которую носили Чехи-патріоты, названная такъ въ память Чешскаго героя Юрія Подѣбрадскаго.

VI.

Рогъ трубитъ, бѣгутъ колеса;
Мы въ Иглавѣ. Въ рядъ
За каретою жандармы
Съ грохотомъ спѣшатъ.
Вотъ на горкѣ церковь Божья;
Золоченый крестъ
Грустно смотритъ, провожая,
Изъ родимыхъ мѣстъ —
Будто молвитъ: «Ты — ли-это?
Помню твой разцвѣтъ,
Какъ училъ тебя Викарій,
И согбенъ и сѣдъ;
Какъ ты выросъ и свѣтильникъ
Правды въ руки взялъ,
И въ краю родномъ дорогу
Братьямъ освѣщалъ.
Видишь, какъ промчались годы,
Ровно тридцать лѣтъ...
Но... зачѣмъ жандармы скачутъ
За тобою вслѣдъ?»

VII.

Проѣзжая чрезъ Иглаву,
Я все думалъ о Шпильбергѣ,
А за Линцемъ, право, Куфштейнъ
Въ головѣ моей былъ только.
Но когда Куфштейнъ остался
Назади насъ, — тутъ ужь Альпы,
Мнѣ казалось, веселѣе
И привѣтнѣе глядѣли.
Но глупѣй ѣзды нѣтъ въ свѣтѣ,
Если самъ не знаешь — скоро-ль
Будетъ пристань. Рогъ возницы
Тутъ плохое развлеченье.
То — путь сталъ за перепряжкой,

То — за смазкой оси. Въ Вѣнѣ
Лучше-бъ было перепречь имъ
И колеса съ осью смазать!
Благо — есть хоть телеграфы.
Вотъ такъ выдумка! Повсюду
Впереди они разносятъ
Очень точно приказанья:
Чтобъ полиція, мать наша
Вездѣсущая, могла-бы,
Насъ повсюду ожидая,
Нагрѣвать теплѣй камины.
Не забуду я Будейвицъ —
Тамъ услужливый Дедера
Предложилъ мнѣ на дорогу
Три мельницкаго бутылки.
То—движенье патріота...
Или, можетъ-быть, онъ думалъ,
Что въ парахъ вина, какъ въ Летѣ,
Схороню я память Чеха.
Но мельницкое я выпилъ,
Пилъ вино я Итальянцевъ,
Но въ винѣ и въ томъ и въ этомъ
Хмѣль одинъ бурливый бродитъ.

VIII.

Ну, мой мѣсяцъ! Не могу я
Больше пѣть элегій. Тономъ
Героическимъ хочу я
Воспѣвать свой путь дальнѣйшій.
Знаешь трактъ отъ Рейхенгалля
До Вайдринга? Трактъ чертовскій!
Конституцію удобнѣй
Перестроить можно — вѣрь мнѣ!
Скалы голыя громаднѣй
Лучшей глупости народовъ,
Тутъ-же пропасти бездонны,
Какъ расходъ на войско. Темно...

Ночь мрачнѣй католицизма...
Мы съ горы, какъ вихрь, несемся.
«Стой, держи!» кричитъ Дедера.
Глядь на козлы — пусты козлы.
Свищетъ вѣтръ, карета мчится,
Словно дьяволъ нашъ возница,
Почтальонъ-же гдѣ-то сзади
Зажигаетъ трутъ для трубки.
Спускъ съ горы — отвѣснѣй башни...
Внизъ летимъ мы... Духъ занялся...
Что ни шагъ — то словно пропасть
Съѣсть гостей незванныхъ хочетъ.
Ахъ, я славныя минуты
Испыталъ, и съ наслажденьемъ
Наблюдалъ я, какъ тряслася
Вся полиція отъ страха.
Вспомнилъ я (Завѣтъ-же Ветхій
Я читалъ), какъ былъ Іона,
Для смиренья грозной бури,
Съ корабля отправленъ въ воду.
«Бросимъ жеребій, сказалъ я:
Есть межъ насъ великій грѣшникъ,
Пусть онъ выскочитъ — и всѣ мы
Отъ погибели спасемся».
Лишь сказалъ я полицейскимъ,
Какъ они, не тратя время
Въ покаяньѣ, — дверцы настежъ —
И маршъ-маршъ всѣ изъ кареты.
Ахъ, ты свѣтъ, свѣтъ наизнанку!
Стража, въ шарфахъ, вверхъ ногами
Поскакала, а преступникъ
Въ экипажѣ ѣдетъ важно.
Ахъ, вы дряблые Австрійцы!
На шнуркѣ вести народы
Вы хотите, а за возжи
Лошадей сдержать не въ силахъ!..
Такъ, во мракѣ, безъ возницы,
Безъ возжей и безъ жандармовъ,

Только съ бездной подъ ногами,
Я до Альпъ летѣлъ, какъ вѣтеръ.
Мчались кони. Мнѣ-ли было
Имъ не ввѣрить долю Чеха?
Гражданинъ вѣдь я Австрійскій,
Что-жъ могло случиться хуже!
Такъ, съ холодной головою
И съ дымящейся сигарой,
Съ быстротою русской почты
Я на станцію пріѣхалъ.
Тамъ, какъ честный я преступникъ,
Сѣлъ за ужинъ, — и ужь поздно
Приплелась за мною стража
Съ перебитыми носами.
Спалъ я славно, но жандармамъ
Эта ночь была плохая:
Ихъ спина совсѣмъ не гнулась —
Вѣдь ужаснѣй нѣтъ несчастья!
Тутъ конецъ и эпопеи.
Въ ней все правда. Кто не вѣритъ —
Можетъ справиться въ Вайдрингѣ
У почтмейстера Дальрупа.

IX.

Такъ пріѣхали мы въ Бриксенъ,
Въ Бриксенѣ и стали;
Обо мнѣ Дедерѣ тотчасъ
Тамъ росписку дали.
И уѣхалъ онъ съ бумагой,
Выданной властями,
А меня орелъ Австрійскій
Давитъ здѣсь когтями.
Такъ раскрылась надо мною
Вѣчная обитель,
Гдѣ одинъ жандармъ зловѣщій
Ангелъ мой хранитель.

Блудница.

ПОЭМА

АЛЬФРЕДА ДЕ-ВИНЬИ.

(Н. С. Курочкину.)

L'adultère attend le soir, et se dit: Aucun oeil ne me verra; et il se cache le visage, car la lumiere est pour lui comme la mort.
Iob, ch. XXIV, v. 15—17.

I.

Алоемъ, миррою мой одръ благоухаетъ,
,,Душистый киннамонъ здѣсь воздухъ опьяняетъ,

,,Изъ ароматныхъ травъ коверъ у ногъ лежитъ,
,,Въ каменьяхъ, въ золотѣ чело мое горитъ...

,,Мой милый! Приходи для жаркаго привѣта!
,,Прійди — и я твоя до самаго разсвѣта...

,,Супругъ мой далеко, — я жду тебя одна...''
Такъ ночью темною безумная жена,

Въ тѣни нѣмыхъ вѣтвей, съ открытой, плоской крыши
Звала любовника. Подъ кедромъ, въ узкой ниши

Открылась тихо дверь... Опущенъ вновь запоръ...
Чу! шепотъ слышится: ,,Вотъ непорочный взоръ,

,,Которымъ я смущенъ, колѣнопреклоненный!...
,,Чело твое — цвѣтокъ долины благовонной;

,,Дыханьемъ вешнихъ розъ манятъ твои уста,
,,Твой голосъ — музыка, любовь твоя чиста!

,,О, сбрось же ты съ себя блестящіе уборы,
,,Сбрось ожерелья прочь, — ихъ ярче блещутъ взоры!''

—,,О, нѣтъ, мой милый, нѣтъ! Позволь мнѣ поскорѣй
,,Рукою отряхнуть росу съ твоихъ кудрей:

,,Вѣдь для меня лицо твое оледѣнѣло...''
—,,Но сердце — все въ огнѣ! любовь меня согрѣла,

,,И я у ногъ твоихъ, смотрю въ твои глаза!..
,,Что мнѣ опасности и холодъ, и гроза,

,,Когда я слышу здѣсь плѣнительный твой лепетъ
,,И поднимаетъ грудь любви священный трепетъ.''

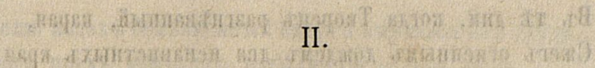
—,,Да, но постой, постой... чей это голосъ тамъ?
,,Я слышу звонкій шагъ по каменнымъ плитамъ...''

—,,Не бойся, милая, полуночнаго звона:
,,Къ молитвѣ сталъ звонить сынъ старца Аарона.

,,Что жъ ты блѣднѣешь такъ? Пусть поцалуй любви
,,Смиритъ волненіе и жаръ въ твоей крови.

,,Отказомъ робости меня, мой другъ, не мучай:
,,Пусть первый стыдъ любви потухнетъ въ ласкѣ жгу-
чей...''

И смолкло все кругомъ въ глухой, полночный часъ,
И въ лампахъ бронзовыхъ огонь вездѣ погасъ.

II.

Когда лучами дня позолотились нивы
И на святой горѣ зеленыя оливы,

Когда верблюды шли, и пыльный караванъ
Несъ изъ чужихъ пустынь дары въ еврейскій станъ,

И пастырь въ сѣдинахъ, рукой раздвинувъ складки,
Смотрѣлъ изъ-за дверей простой своей палатки

Какъ въ небѣ таяли ночная мгла и тѣнь,
И звалъ свою семью молитвой встрѣтить день —

Въ тотъ ранній часъ бѣжалъ любовникъ пресыщенный
Отъ бѣдной женщины, обманутой, смущенной.

Она сидитъ одна. На блѣдное чело
Уже раскаянье зловѣщее легло.

Ей жаль, что эта ночь промчалась слишкомъ скоро,
Ночь — соучастница безславнаго позора;

Она хотѣла бы, чтобъ длилась эта ночь
И не могла заря тьму долго превозмочь;

Но тьму развѣяла румяная денница,
И съ ужасомъ глядитъ вокругъ себя блудница.

Съ руками сжатыми, недвижна и блѣдна,
Отъ двери потайной не сводитъ глазъ она.

Казалось, смерть сама лицо ея сковала,
И только лишь, порой, рыданье выдавало,

Что эта женщина не спитъ могильнымъ сномъ.
Такую грѣшницу ужъ видѣлъ разъ Содомъ

Въ тѣ дни, когда Творецъ разгнѣванный, карая,
Сжегъ огненнымъ дождемъ два ненавистныхъ края:

Защитою небесъ она пренебрегала,
Осилить тайнаго желанья не могла,

Чтобъ не взглянуть назадъ, откуда шла дорога,
И тайну разгадать карающаго Бога.

Но вдругъ она стоитъ... Ей съ мѣста не сойти —
И солянымъ столбомъ осталась на пути...

Лишь шелъ впередъ старикъ, нетронутый судьбою,
Но ужъ шаговъ жены не слышалъ за собою.

III.

И такова была Еврейка въ этотъ мигъ.
Но съ ней ребенокъ есть. За чѣмъ онъ къ ней приникъ?

Малютка ждетъ въ слезахъ и робостью волнуемъ,
Что мать къ нему придетъ, какъ прежде, съ поцалуемъ.

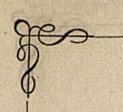
И къ ней подкрался онъ въ ребяческой тоскѣ,
И личико прижалъ къ сырой ея щекѣ.

Какъ сладко бы теперь разцѣловать тѣ губки!
Но сынъ напомнилъ ей о мужѣ, о проступкѣ...

Предъ тѣми сводами, предъ этимъ ложемъ сна,
Гдѣ тайна брачная была осквернена,

За чувство матери, несчастная, краснѣетъ —
И до невинныхъ устъ коснуться не посмѣетъ.

Хотѣла бъ говорить, излить любовь въ словахъ,
Но звуки замерли на трепетныхъ губахъ,

Лишь вздохъ болѣзненный вдругъ вырвался изъ груди…
Такъ предъ кончиною вздыхаютъ только люди.

Въ душѣ ея теперь—лишь страхъ нѣмой и стыдъ…
Малютку оттолкнувъ, къ дверямъ она бѣжитъ,

Но, изнуренная, безсильная, упала…
Такъ статуя, порой, спадаетъ съ пьедестала.

IV.

Изъ Тира въ тотъ же день черезъ зеленый валъ
Тамъ путешественникъ богатый проѣзжалъ.

Довольство путника усталаго не скрыто:
И кони кровные, и въ пышныхъ тогахъ свита;

Склонивши голову, шли тихо лошаки:
На спинахъ ихъ лежатъ огромные тюки

Товаровъ и богатствъ, восточныхъ тканей груды;
Лѣниво двигались усталые верблюды

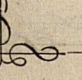
Подъ крики вожаковъ, и молча шли вокругъ
Подъ ношей пурпура двѣнадцать черныхъ слугъ.

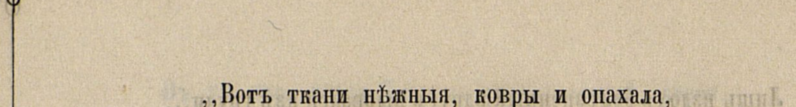
И странникъ говоритъ: теперь, моя Сефора,
Ты думаешь о томъ: „Мой мужъ вернется-ль скоро?“

Ты плачешь съ шепотомъ: „Онъ отъ меня далекъ!
„Уже краснѣетъ степь, уже зардѣлъ востокъ,

„Но все еще нейдетъ, желанный мой, изъ Тира…“
Но будешь ты со мной, вздыхать забудешь сиро,

И я тогда скажу: „Дары мои бери!
„Вотъ пурпуръ для тебя, шелки и янтари,

,,Вотъ ткани нѣжныя, ковры и опахала,
,,А вотъ и зеркала, — ты ихъ давно желала.''

Такъ путникъ говорилъ и, обогнавъ толпу,
Глазами сталъ искать знакомую тропу.

V.

Въ дни праздниковъ большихъ, шумя вдоль по дорогѣ,
Еврейская толпа стремится въ синагогѣ.

Тамъ дѣти, старики бредутъ рука съ рукой;
Полны раскаянья, убитые тоской,

Не въ силахъ затаить ни слезъ, ни муки тайной,
Проходятъ женщины походкою печальной.

И плачущій слѣпецъ съ дырявою сумой,
И прокаженный рабъ, разслабленный, больной, —

У ногъ Спасителя всѣ ищутъ исцѣленья
И громко шлютъ Ему свои благословленья.

Онъ, неимущихъ царь, всѣмъ руку простиралъ
И всюду чудеса въ народѣ расточалъ;

И съ чистыхъ устъ Его пророчества слетали,
Онъ съ человѣчествомъ дѣлилъ его печали,

Онъ братьями считалъ убогихъ бѣдняковъ.
Семья простыхъ людей — Его учениковъ,

Которыхъ увлекла чарующая сила,
Вслѣдъ за Учителемъ почтительно ходила:

Въ божественныхъ лучахъ всегда сверкало имъ
Чело Спасителя сіяньемъ не земнымъ.

VI

Кругомъ толкаема толпою раздраженной,
Съ косой. распущенной по шеѣ обнаженной,

Явилась женщина, цѣпями обвита,
И брошена къ ногамъ безмолвнаго Христа.

При общемъ ужасѣ и ропотѣ народномъ,
Сбирались книжники, и въ гнѣвѣ благородномъ

Сказалъ одинъ изъ нихъ: «Учитель! вотъ жена,
«Вотъ эта женщина была обольщена!

«За этотъ гнусный грѣхъ суди ты дочь позора,
«Какъ повелѣлъ законъ!» И въ страхѣ приговора

Она глядитъ вокругъ, и словно ищетъ взглядъ
Вблизи знакомыхъ лицъ, но съ бѣшенствомъ кричатъ

Въ толпѣ озлобленной: «Впередъ, впередъ за нами!
«Блудницѣ казнь и смерть! Побить ее камнями!»

Нѣмѣетъ женщина, роняя капли слезъ...
Но вдругъ передъ толпой уста раскрылъ Христосъ:

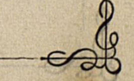
«О, пусть же тотъ изъ васъ, кто праведенъ—для казни
«Подниметъ первый здѣсь свой камень безъ боязни!»

Сказалъ — и со стыдомъ отхлынули жиды,
И разбрелись безъ словъ смущенные ряды...

А Онъ сидѣлъ одинъ съ божественной тоскою,
И на пескѣ чертилъ опущенной рукою

Слова, которыхъ смыслъ, загадкой ставшій намъ,
Понятенъ только былъ Ему, да небесамъ.

Когда-жъ Онъ поднялъ вверхъ пророческое око,
Толпа еврейская была уже далеко.

Желѣзная маска.

(La prison).

ПОЭМА

Альфреда де-Виньи.

I.

«Не оскорбляйте стараго монаха!..
Мнѣ незнакомы здѣшнія мѣста,
Такъ для чего-жъ повязкою тяжелой
Хотите вы прикрыть мои глаза?
Остановитесь, дерзкіе солдаты!
Предъ вами здѣсь — служитель алтаря:
Во мнѣ вы оскорбите образъ Бога,
Который я несу въ своихъ рукахъ...»
Онъ говорилъ, но просьбамъ не внимая,
Съ собой влекли солдаты старика
По темнымъ, подземельнымъ переходамъ;
Вотъ подъ ногами чувствуетъ монахъ
Цѣпной, дрожащій мостъ... То замираетъ
Его беззвучный голосъ, то опять
Въ пространствѣ залъ пустынныхъ раздается.
По лѣстницѣ отвѣсной, наконецъ,
Ввели въ тюрьму дрожащаго монаха.
Не видя ничего изъ-подъ повязки,
Сѣдой старикъ ощупывалъ рукой
Лишь сырость стѣнъ въ холодномъ корридорѣ.
Гремятъ ключи, засовы — и, скрипя,
У входа дверь тяжелая открылась.
По тремъ, скользящимъ, каменнымъ ступенямъ

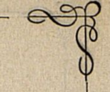
Монахъ спустился въ мрачную тюрьму,
Гдѣ видѣнъ былъ едва горящій факелъ.
«Здѣсь — говорятъ ему проводники —
Здѣсь помощи духовной ожидаетъ
Предъ смертью умирающій больной
Отъ Божьяго служителя...» Его
Заставили не долго дожидаться —
И кто-то молвилъ: «Принцъ! святой отецъ
Пришелъ сюда». «А мнѣ какое дѣло!..»
Имъ отвѣчалъ со стономъ незнакомецъ.
Межъ тѣмъ монахъ за дѣло принялся,
И медленно приблизившись къ постели,
Которая задернута была
Завѣсою изъ ткани драгоцѣнной,
Сталъ совершать долгъ пастыря надъ нимъ.

Монахъ.

О, выслушай меня, мой сынъ.

Умирающій.

Увы!
Какъ ни силенъ мой гнѣвъ, но я готовъ
Внимать твоимъ рѣчамъ, почтенный старецъ.
Вѣдь этотъ голосъ—голосъ человѣка...
Я былъ рожденъ, чтобъ слышать этотъ голосъ,
И хоть мнѣ зломъ платили только люди,
Но все-жъ ихъ не любить я не могу.
Я никогда не зналъ той нѣжной дружбы,
Которая — я слышалъ — утѣшаетъ;
Подъ этимъ сводомъ каменнымъ мой сонъ
Не услаждался пѣсней колыбельной.
Теперь, услыша ласковую рѣчь,
Я на минуту сердцемъ оживаю.
Старикъ! Ты незнакомъ мнѣ... Еслибъ ты
Ко мнѣ имѣлъ хоть каплю сожалѣнья,
То здѣсь навѣрно былъ бы ужъ давно...

Монахъ.

Кто бъ ни былъ ты, несчастный мой страдалецъ.
Лишенный благъ и счастія земли,
Повѣрь: за гробомъ ждетъ тебя свобода.
Покайся и отпустятся грѣхи...
Черезъ свои страданія земныя,
Ты близокъ къ двери рая. Въ этотъ часъ
Тебѣ я приношу, какъ исповѣдникъ,
Послѣднее прощеніе. Стоишь
Теперь ты предъ судилищемъ небеснымъ —
Покайся въ прегрѣшеніяхъ... Самъ Богъ...

Умирающій.

На небѣ Богъ, а я страдалъ такъ много!..

Монахъ.

Но ты страдалъ не столько, сколько Онъ.
Ужель твой вздохъ послѣдній есть проклятье?
Тебѣ ли на страданія роптать,
Когда и самъ Божественный Спаситель
Страдалъ и пролилъ кровь свою за насъ,
Испытывалъ всѣ немощи людскія.
Я умоляю именемъ Христа —
Какъ христіанинъ съ жизнію разстанься.

Умирающій.

Я королемъ быть могъ...

Монахъ.

Страдалъ Христосъ,
А Богомъ былъ онъ... Кротость и терпѣнье
Онъ завѣщалъ всѣмъ людямъ на землѣ.
Взгляни ты на меня: отъ искушеній
Желая плоть и душу уберечь,
Надѣлъ я власяницу и вериги;

Я сорокъ лѣтъ въ стѣнахъ монастыря
За прошлые грѣхи свои молился,
Но этого все мало.. Человѣкъ
Лишь послѣ долгихъ, тяжкихъ испытаній
Прощенье получаетъ отъ небесъ....
Но время все уходитъ... Бѣдный сынъ мой!
Во имя прошлыхъ бѣдствій и скорбей,
Предъ смертью мнѣ открой всѣ заблужденья —
И отъ грѣховъ очистится душа.
Съ тобой, передъ крестомъ животворящимъ,
Передъ крестомъ, гдѣ распятъ былъ Христосъ,
Я стану вмѣстѣ плакать и молиться...

II.

И на лицѣ сѣдого старика
Замѣтно стало сильное волненье.
У изголовья узника упалъ
Монахъ на ослабѣвшія колѣни,
И деревянное распятье поднялъ вверхъ
Передъ больнымъ, дрожащими руками;
Онъ горячо молился за него,
Шепталъ надъ нимъ отходныя молитвы —
И въ горести, склонивъ свое чело,
Хотѣлъ онъ разглядѣть лицо больнаго.
Мерцалъ въ углу едва горѣвшій факелъ —
И въ полу-мракѣ старецъ увидалъ
Его лицо въ желѣзной, темной маскѣ:
Черты лица подъ маской были скрыты.

III.

Напуганъ страшной тайною монахъ,
Припомнилъ, что еще въ монастырѣ онъ
Объ узникѣ таинственномъ слыхалъ.
Кто онъ такой, никто не зналъ въ народѣ,

А между тѣмъ украдкою о немъ
Въ толпѣ ходили странные разсказы.
Носился слухъ, что онъ похищенъ былъ
Въ младенчествѣ изъ дѣтской колыбели;
Что онъ былъ царской крови, и въ тюрьму
Посаженъ былъ подъ маскою желѣзной.
Былъ также слухъ, что узникъ какъ-то разъ
Успѣлъ бѣжать тихонько изъ темницы,
Но снова пойманъ былъ и заключенъ.
Черты его однако разсмотрѣли...
Однажды въ францисканскій монастырь
Явилась молодая Провансалка:
Съ слезами на глазахъ она клялась,
Что узникъ злополучный былъ невиненъ
И судъ надъ нимъ былъ беззаконенъ. Онъ
Былъ молодъ, добръ, похожъ на короля,
Въ его словахъ величье отражалось,
А голосъ прямо въ душу проникалъ.
Ну, словомъ, то былъ узникъ вѣнценосный.
Еще одинъ таинственный разсказъ
Теперь припомнилъ пастырь сѣдовласый:
Однажды бенедиктинскій монахъ
Нашелъ у башни чашу золотую,
Вошелъ туда, но, говорятъ, назадъ
Изъ этой башни онъ не возвращался,
И запретилъ игуменъ говорить
Въ монастырѣ о старомъ томъ монахѣ.
И тайна неразгаданной осталась —
Никто не зналъ, какую надпись могъ
Прочесть монахъ на чашѣ драгоцѣнной...
Съ годами этотъ случай позабыли.

IV.

Въ молчаніи задумчивый монахъ
Смотрѣлъ на знаменитаго страдальца,
Смотрѣлъ на блескъ сѣдыхъ его кудрей,
Подъ сводами темницы побѣлѣвшихъ.

Старикъ хотѣлъ опять заговорить,
Но, приподнявшись тихо на постели,
Несчастный узникъ тихо простоналъ:
«Монахъ! Мои ужасныя мученья
Тебя заставили умолкнуть, и теперь
Не слышу я совѣтовъ безполезныхъ.
Да, мой отецъ, вглядись въ мои черты,
И ужъ потомъ увѣрь меня, что небо
Защитой служитъ правымъ и невиннымъ...
Отъ самой колыбели за собой
Не сознавалъ такого я проступка,
Который вызывалъ бы наказанье.
Одинъ, всегда одинъ, я умираю
Отягощенъ несчастьемъ и годами.
Ты хочешь знать, я вижу, отъ меня
Моихъ страданій горестную повѣсть...
Но для чего будить воспоминанья
О жизни неудачной? Вѣрь, старикъ,
Я не имѣлъ прошедшаго... Не зная,
Могу ли я о будущемъ мечтать,
Я счетъ годамъ велъ на стѣнахъ тюрьмы:
Всѣ стѣны мной исписаны — и все же
Я живъ еще... Кругомъ былъ мракъ зловѣщій.
Для свѣта я ненуженъ сталъ, и свѣтъ
Сталъ для меня потеряннымъ на вѣки.
Передо мной бѣжалъ за годомъ годъ,
И ждалъ я, какъ награды, часа смерти...
Но, если бы въ моихъ рука была
Вся жизнь того, кто жизнь мою испортилъ,
Во мнѣ бы столько звѣрства не нашлось,
Я муками не сталъ бы мстить за муки...
Бывали дни — и нѣжности приливъ
Съ какой-то силой новой, непонятной,
Охватывалъ меня въ моей тюрьмѣ,
И призраки прелестнѣйшихъ созданій
На мой призывъ являлись въ чудныхъ снахъ.
Я обливалъ слезами черствый хлѣбъ,
Который мнѣ тюремщики носили;

Я плакалъ—и рвалась отъ стоновъ грудь,
И воплями пугалъ я часто стражу....
Такъ проходили ночи всѣ, а ихъ
Я измѣрялъ лишь вздохами своими...
И совамъ, вившимъ гнѣзда по стѣнамъ,
Я искренно завидовалъ...»

V.

Рыданья
Прервали голосъ узника. Монахъ,
Склонившись надъ страдальцемъ неизвѣстнымъ,
Еще шепталъ молитву, какъ тюремщикъ
Сказалъ ему, что нужно торопиться,
Не то больной въ безпамятство впадетъ...
И началъ рѣчь монахъ съ одушевленьемъ:
«Мой сынъ, твоя страдальческая жизнь
Ужъ получила облегченье... Счастливъ трижды
Тотъ, кто передъ смертью муки испыталъ.
Грѣшно отъ испытаній уклоняться,
Когда ихъ людямъ Небо посылаетъ.
Твои страданья, вѣрь мнѣ, драгоцѣнны:
Чрезъ нихъ теперь откроется тебѣ
Дверь въ лучшій міръ. О тѣлѣ не заботься,
Но размышляй лишь только о душѣ.
Господь сказалъ: мгновенна жизнь людская
И горькихъ слезъ достойна на землѣ...
Земныя блага скоро пресыщаютъ...
Я, какъ и ты, жду смерти каждый часъ,
И впереди одно мнѣ утѣшенье —
Могила. Я завидовать могу
Твоимъ мученьямъ долгимъ: эти муки
Тебѣ даютъ въ спасеніе надежду,
И ангелы, быть можетъ, предъ тобой
Дверь райскую отворятъ. Только слово
Скажи теперь—и Богъ тебя проститъ...»
Такъ призывалъ больнаго къ покаянью

Съ молитвою служитель алтаря...
Напрасный трудъ!.. Но вдругъ въ бреду горячки,
Заговорилъ въ безуміи больной...
— «Опять дышу... О, берега Прованса!...
О, горизонтъ далекій! Вижу я,
Какъ въ берегахъ струятся тихо воды...
Темницы нѣтъ... Въ дали синѣетъ море,
Въ немъ корабли... Какъ море широко!..
О, Боже!... Я завидую матросамъ,
Я, какъ они, желалъ бы унестись
Въ морскую даль по голубымъ волнамъ...
Земля — и всѣ мы на берегъ выходимъ,
А паруса — недвижны... Отъ солдатъ
Я убѣжалъ... Мой слѣдъ для нихъ потерянъ...
Свободенъ я, свободенъ — и бѣгу,
И на лицѣ нѣтъ маски страшной .. Вѣтеръ
Перебираетъ волосы мои,
И солнца свѣтъ въ лицо мнѣ ударяетъ...
— О, женщины! Куда бѣжите вы?
Останьтесь на лугахъ своихъ зеленыхъ —
И пойте снова пѣсни. Для чего
По хижинамъ скрываться?.. Лишь одна
Бѣжать не захотѣла, и безъ страха
Меня ждала... О, неужель она
Желѣзной маски вовсе не боится?
О, нѣтъ, на молодомъ ея лицѣ,
Лицѣ прекрасномъ, слезы я замѣтилъ,
Въ ея чертахъ сіяло состраданье...
Солдаты вновь... Что нужно вамъ солдаты?
Ищу я только солнца и любви...
На эту женщину взгляните вы — и съ нею
Позвольте убѣжать мнѣ: вѣдь она
Зоветъ меня, вдвоемъ съ ней жить я буду...
Идите же, скажите королю,
Что для него я больше не опасенъ.
Съ моей подругой въ горы я уйду
И откажусь отъ прошлаго безъ мщенья...
Мое безславье скрою я отъ всѣхъ;

Я ваше преступленіе забуду,
Хотя ужасно ваше преступленье...
Я васъ прощу... Свободу дайте мнѣ...
Нѣтъ, вновь въ тюрьму влекутъ меня, о Боже!
Я родился быть жертвой... Стойте! Вотъ
Я вижу предъ собой свою могилу —
И съ радостью сойду въ нее: она
Отъ вашей власти узника избавитъ,
И ужъ въ гробу я не услышу вновь
Ключей тюрьмы ужаснаго бряцанья...
Но кто ты, человѣкъ, въ одеждѣ мрачной?...
Не тѣнь-ли ты несчастнаго, давно
Окончившаго жизнь въ темницѣ этой?...
Онъ слезы льетъ... О, неужель, бѣднякъ,
Ты плачешь о потерянной свободѣ?»

Монахъ.

Я плачу о тебѣ, мой сынъ... Смотри —
Передъ тобою — вѣчность...

Умирающій.

Что мнѣ вѣчность!
И въ ней опять оковы я найду.

Монахъ.

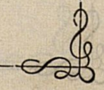
Нѣтъ, въ ней найдешь ты милость и прощенье...
Произнеси одно лишь только слово
Раскаянья — и Богъ тебя спасетъ.

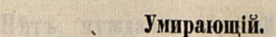
Умирающій.

Старикъ оставь меня!...

Монахъ.

Произнеси:
Я вѣрую — и будешь жить ты снова.

Умирающій.

Ни кто всю жизнь не думалъ обо мнѣ,
А смерть моя... Старикъ, объ этой смерти
Заботиться теперь ужъ слишкомъ поздно...»
ос лѣднія усилія собравъ,
Своей рукой больной ударилъ въ стѣну.
«О, Боже! говорилъ сѣдой монахъ,
Приди ты самъ для помощи къ страдальцу!»
И вынулъ онъ изъ чаши хлѣбъ святой,
Вся стража опустилась на колѣни...
Но было уже поздно: испустилъ
Послѣднее дыханье бѣдный узникъ.

VI.

Одинъ, всю ночь читалъ въ тюрьмѣ молитвы
Монахъ у изголовья мертвеца;
По временамъ рыданія мѣшали
Ему читать, тогда святой водой
Кропилъ монахъ того, кто, въ озлобленьи,
Безъ покаянья бросилъ этотъ міръ...
И снова онъ читалъ надъ нимъ молитвы,
И глухо раздавался по тюрьмѣ
Дрожащій голосъ стараго монаха.
Съ разсвѣтомъ дня онъ чтенье прекратилъ.
Чу! раздались шаги и голоса...
Одна минута только оставалась...
Старикъ желалъ хоть послѣ смерти знать
Черты лица высокаго страдальца.
Дрожа всѣмъ тѣломъ, пастырь подошелъ
Къ покойнику, но подъ желѣзной маской
Лежалъ предъ нимъ таинственный мертвецъ:
Онъ въ маскѣ жилъ—и съ ней сошелъ въ могилу.

Демократка.

По землѣ, путемъ-дорогою,
Неприступно-холодна,
Мѣрнымъ шагомъ, съ миной строгою,
Вся закрыта черной тогою,
Ходитъ странница одна.
Въ ея красотѣ скрыто что-то ужасное:
Черты молодыя...
Лишь кудри сѣдыя
Чело обрамляютъ безстрастное.
Идетъ она — жизни дыханія
Найти можно болѣе въ мраморѣ...
На сушѣ и на морѣ
Не дрогнетъ лица изваяніе.
Идетъ...
Но куда не придетъ она въ гости —
Тамъ въ страшныхъ мученіяхъ гибнетъ народъ,
И не кому мертвыхъ отпѣть на погостѣ:
Царитъ въ каждомъ бѣдномъ жилищѣ —
Кладбище.
Мимо пышныхъ чертоговъ, палатъ,
Мимо оргій, гдѣ пѣсни гремятъ,
Гдѣ пиры возмутительно сладки,
Эта гостья идетъ безъ оглядки:
Ихъ не видитъ презрительный взглядъ —
Демократки.

Нѣтъ, чуждаясь мірской суеты,
Шумныхъ пиршествъ, вакхическихъ арій,
Ищетъ странница жалкихъ дѣтей нищеты,
Ищетъ всюду тебя, пролетарій...
Только въ темныхъ подвалахъ столицъ,
На палатяхъ мужицкой артели,
Въ дымныхъ избахъ, подъ сводомъ больницъ,
Передъ нищимъ на жесткой постели,
У подушки несчастныхъ блудницъ,
Въ чудной странницѣ жизнь просыпается,
И, бѣднякъ, къ твоему изголовью
Съ лихорадочно-дикой любовью
Склоняется
Въ серебристыхъ кудряхъ голова,
И ты слышишь — слова:
— «Отъ позора, отъ нищенства вѣчнаго,
Отъ побой, отъ труда безконечнаго,
Будь покоенъ, тебя я спасу....
Прокляни свою долю голодную,
Эту жизнь, только въ пѣсняхъ свободную...
Какъ любовница, въ землю холодную
Я съ собою тебя унесу...
Мы забвенье въ могилѣ отыщемъ...»
И надъ нищимъ,
Вѣя чарами вѣчнаго сна,
Раскрываетъ обьятья она.
Въ его щеки впивается смѣло
Ледяными лобзаньями губъ —
И сейчасъ еще теплое тѣло
Обращаетъ въ безжизненный трупъ.
И дальше походкой своей неизмѣнною
Идетъ она въ міръ, какъ гетэра...
И въ трепетъ и въ ужасъ приводитъ вселенную
Зловѣщее слово — *холера*.

Добрый совѣтъ.

(Памяти И. И. Дмитріева).

I.

Кружась въ житейской суетѣ
Мірскихъ тревогъ, заботъ,
Друзья мои, вы ужъ не тѣ—
И я не тотъ.

И то сказать: пятнадцать лѣтъ —
Вѣдь не короткій срокъ.
Пожалуй, сталъ и дряхлъ и сѣдъ
Весь нашъ кружекъ.

Бывало, помнишь, споръ и смѣхъ,
Стакановъ мѣрный звукъ...
Ты разскажи мнѣ обо всѣхъ...
— «Изволь, мой другъ!»

II.

«Гдѣ нашъ ораторъ? Въ тридцать лѣтъ,
Въ душѣ своей — дитя,
Онъ вѣрить въ жизнь, въ грядущій свѣтъ,
Могъ не шутя.

Всю ночь онъ часто на пролетъ
Насъ слушать заставлялъ,
И скорый солнечный восходъ
Намъ предвѣщалъ;

Одушевлять умѣлъ легко
Пріятельскій нашъ кругъ....
Пошелъ онъ, вѣрно, далеко?» —
— «Онъ умеръ, другъ!»

III.

«А нашъ поэтъ, герой пировъ?
Онъ въ прошлые года
Былъ вѣчно веселъ и здоровъ
И пьянъ — всегда.

Ромъ и стихи, стихи и ромъ —
Вотъ весь его удѣлъ;
Послѣдній рубль пускалъ ребромъ
И — пиръ кипѣлъ.

Искуству посвящалъ добрякъ
Всю трезвость, весь досугъ....
Ну, что теперь — живетъ онъ какъ? —
— «Онъ умеръ, другъ!»

IV.

Нашъ желчный докторъ — сибаритъ?...
О немъ скажи мнѣ.... Ну,
Все бредитъ Фогтомъ, да бранитъ
Свою жену?

Иной, бывало, изъ проказъ
Въ честь женщинъ спичь начнетъ,
А онъ казнить пойдетъ тотчасъ
Весь женскій родъ,

Хоть всѣмъ словамъ на перекоръ,
Былъ любящій супругъ....
Что сталось съ нимъ? Ужъ съ давнихъ поръ....
— «Онъ умеръ, другъ»!

V.

А тотъ румяный весельчакъ....
Вѣдь онъ не умеръ, нѣтъ?
Неистощимый нашъ острякъ,
Душа бесѣдъ?

Взбѣсить педанта иль глупца
Лихой онъ мастеръ былъ;
Отца для краснаго словца
Онъ не щадилъ...
Бросаетъ тысячи остротъ,
И мимоходомъ, вдругъ,
Бывало, фата оборветъ...
— «Онъ умеръ, другъ!»

VI.

«И всѣхъ оставшихся въ живыхъ
Считай за мертвецовъ.
Не различишь ты нынче ихъ
Въ толпѣ льстецовъ,
Низкопоклонниковъ, вралей,
Фразеровъ... Въ свой чередъ
Я самъ — меня ты пожалѣй —
Я самъ, не тотъ...
Чтобъ кончить во время свой вѣкъ,
Чтобъ не сказалъ твой внукъ:
Онъ былъ не честный человѣкъ —
Умри, мой другъ!»

Шутъ.

Его удѣлъ — смѣшить насъ всѣхъ.
Блаженъ такой удѣлъ!...
Вѣдь въ наши дни мы цѣнимъ смѣхъ —
Лишь только бъ онъ не ставилъ въ грѣхъ
Намъ нашихъ собственныхъ прорѣхъ
И нашихъ темныхъ дѣлъ.
Онъ шутитъ мило и легко...
Угрюмѣйшій педантъ,
Цѣня въ немъ юморъ высоко,
Съ нимъ разопьетъ стаканъ клико,
О немъ шепнувъ вамъ на ушко:
«Талантъ, большой талантъ!»

* *
*

Едва онъ въ комнату вошелъ,
Едва раскроетъ ротъ —
Веселья общаго посолъ —
Всѣ гости покидаютъ столъ;
Смѣется весь «прекрасный полъ»,
Смѣется весь народъ:
Смѣется жирная вдова,
Смѣется тощій франтъ;
Не смотритъ барышня на льва,
И можетъ смѣхъ скрывать едва,
И всѣ твердятъ одни слова:
«Талантъ, большой талантъ!»

* *
*

Пусть у другихъ въ насмѣшкѣ — ядъ,
Но онъ однимъ смѣшитъ:
Какъ двѣ старухи говорятъ,
Какъ разъ напился пьянъ солдатъ,
Купцы на ярмаркѣ кутятъ,
А въ этомъ нѣтъ обидъ.
Безъ соли веселъ и остеръ,
Мишенью для потѣхъ
Онъ изберетъ мужицкій споръ,
Ни чѣмъ насъ не введетъ въ задоръ —
И слышишь общій приговоръ:
«Вотъ настоящій смѣхъ!»

* * *

Зѣваютъ въ клубѣ отъ статей
Угрюмаго чтеца,
Глаза смыкаетъ намъ Морѳей,
Но вышелъ клубный корифей —
И у старухъ и невскихъ фей
Забились вдругъ сердца...
Всѣ чутко слушаютъ разсказъ,
Хотя столичный шутъ
Его читалъ уже сто разъ...
Дрожитъ вся зала въ этотъ часъ,
Отъ смѣха тухнетъ въ люстрѣ газъ,
Перчатки дамы рвутъ...

* * *

Кутитъ богатый самодуръ —
И шутъ, въ главѣ льстецовъ,
Всѣхъ забавляетъ черезъ-чуръ —
И за дешовый каламбуръ
Онъ награжденъ визжаньемъ дуръ
И хохотомъ глупцовъ.
Безъ остановки, круглый годъ
Кривляться онъ готовъ,
Смѣша лакеевъ и господъ
Дождемъ копѣечныхъ остротъ,

Не замѣчая въ свой чередъ,
Что шутъ онъ изъ шутовъ.

* *
*

Теперь шутамъ вездѣ привѣтъ
За ихъ безцѣнный даръ
Шутить, хоть въ шуткахъ смысла нѣтъ...
— Молчи-жъ, озлобленный поэтъ!
Займетъ твой постъ на много лѣтъ
Общественный фигляръ...
Твои насмѣшки насъ язвятъ
Сильнѣе клеветы...
Намъ нуженъ смѣхъ на старый ладъ,
На жизнь веселый, свѣтлый взглядъ,
Намъ нуженъ гаера нарядъ....
Да здравствуютъ шуты!...

Обѣденный спичъ.

I.

Господа! Высшихъ сферъ
Миновала пора золотая.
Для химеръ, напримѣръ,
Строгихъ мѣръ
Нѣтъ въ виду — и теперь, отцвѣтая,
Богачей обнищавшая стая,
Черезъ нѣсколько лѣтъ
Станетъ кланяться въ поясъ крестьянамъ.
(Но теперь за обѣдъ,
Господа, приниматься пора намъ).

II.

Каждый духомъ убитъ,
Нищета входитъ нагло въ чертоги,
И, какъ стыдъ, намъ грозитъ
Дефицитъ
И долговъ неоплатныхъ итоги,
А потомъ, можетъ быть, и остроги...
Бѣдность — вѣка кумiръ —
Сорвала съ нашихъ женъ фермуары...
(Князь! вотъ лимбургскiй сыръ,
Да прошу васъ отвѣдать омары).

III.

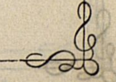
Скромно жить — долгъ ли нашъ?
Лишь плѣняетъ россійскихъ дервишей
Эта блажь... Вѣдь нельзя-жъ —
Бель-этажъ,
Гдѣ статуи подъ каждою нишей,
Промѣнять на квартиру подъ крышей;
Вѣдь нельзя-жъ кашу ѣсть
И носить Цѣлибѣева туфли...
(Здѣсь, баронъ, трюфли есть,
Превосходныя свѣжія трюфли).

IV.

Кто живетъ, какъ паша,
Тотъ гуманенъ и щедръ, но въ печали,
Чуть дыша, безъ гроша,
Не грѣша,
Безъ удобствъ, въ полутемномъ подвалѣ
Жить на свѣтѣ возможно едва-ли.
Впрочемъ, мотъ тоже глупъ,
Нынче деньги мотать очень скверно...
(Черепаховый супъ,
Господа, вы похвалите вѣрно).

V.

Посреди кутерьмы
Осуждаютъ повсюду насъ строго
Всѣ умы, и ужъ мы
Брать взаймы
Не успѣемъ нигдѣ безъ залога.
Кредиторы торчатъ у порога;
Ростовщикъ, какъ нахалъ,
Векселями пугнетъ изъ кармана...
(Ба! Для васъ, генералъ,
Я отрѣжу кусочикъ фазана).

VI.

Что намъ толки газетъ?
Но, статьямъ ихъ не вѣря ни крошки,
Спору нѣтъ, что бюджетъ
Пять шесть лѣтъ
Мы должны сокращать, по одёжкѣ
Научиться протягивать ножки,
Роскошь гнать навсегда,
Жить съ расчетомъ, съ умѣньемъ, безъ прыти...
(*Вотъ рейнвейнъ, господа, —*
Шесть рублей за бутылку... Хотите?)

VII.

Жизнь иначе идетъ:
Въ высшихъ классахъ осажено чванство,
А народъ только пьетъ
Круглый годъ,
Оскорбляя въ насъ чувство дворянства,
И девизъ его: праздность и пьянство
Съ этимъ пьянствомъ легко
Проживетъ онъ, безчинствуя, въ мірѣ...
(*Эй, вы! ящикъ клико*
Да ликеру бутылки четыре!)

VII.

Въ новый годъ, господа,
Я хочу предложить вамъ два тоста:
Чтобъ нужда на всегда,
Безъ вреда,
Насъ до самыхъ воротъ у погоста
Научила жить скромно и просто,
Чтобъ вездѣ — здѣсь и тамъ —
Жизнь преграды поставила моту!
(*А теперь, нашихъ дамъ*
Повеземъ мы на тройкахъ къ Дороту)

Старая истина.

Ни что не ново подъ луной...
Повѣря въ призракъ обновленья,
Все ждетъ, свершая путь земной,
За поколѣньемъ поколѣнье,
Что вотъ повѣетъ вдругъ весной,
Но въ мірѣ вмѣсто возрожденья
Встрѣчаетъ тьму и смерти тлѣнье...
Ни что не ново подъ луной...

*
* *

Какъ прежде, міръ бредетъ въ потемкахъ,
Бросая на вѣтеръ свой трудъ,
И на поруганныхъ обломкахъ
Кумиры новые встаютъ...
Какъ прежде, путь нашъ — мгла и степи...
И носитъ гордо свѣтъ больной
Цивилизованныя цѣпи...
Ни что не ново подъ луной...

*
* *

Нѣтъ прочныхъ, вѣчныхъ истинъ въ мірѣ,
Мы ихъ мѣняемъ каждый разъ,
И даже — дважды два — четыре —
Едва-ли истина у насъ.

Впередъ мы рвемся дружно, вмѣстѣ,
И — часто цѣлою страной
Назадъ уходимъ лѣтъ на двѣсти...
Ни что не ново подъ луной...

*
* *

Ни что не ново подъ луною —
И эту пѣсню, наконецъ,
Сильнѣй и съ новой глубиною
Споетъ намъ будущій пѣвецъ.
Не рѣдко солнце скроетъ туча,
Вертѣться будетъ шаръ земной,
Но эта истина живуча:
Ни что не ново подъ луной.

Джинъ.

Sombre genie, ô dieu de la misère!
Fils du genièvre et frère de la bière,
Bacchus du Nord, obscur empoisonneur,
Ecoute, ô Gin, un hymne en ton honneur.
A. Barbier.

Богъ нищеты, народа мрачный геній,
Вакхъ — отравитель сѣверныхъ равнинъ,
Источникъ зла и дикихъ вдохновеній, —
Я въ честь твою слагаю пѣсню, Джинъ!
Прислушайся къ той пѣснѣ раздраженной:
Въ ней каждый звукъ, какъ хохотъ сатаны,
Исторгнутый изъ пасти раскаленной,
Пускай смутитъ земныхъ безумцевъ сны.
Она рѣзка въ своемъ порывѣ дикомъ,
Какъ вопли опьянѣвшихъ дикарей,
Пугавшихъ изступленнымъ крикомъ
Въ густыхъ лѣсахъ метавшихся звѣрей.
Бичь городовъ! Тебя толпа встрѣчала
Въ дни тишины и будничныхъ тревогъ...
Въ зловоньѣ отдаленнаго квартала,
Подъ грязнымъ сводомъ темнаго подвала,
Въ сырыхъ углахъ, гдѣ свилъ гнѣздо порокъ,
Ты властвуешь, бездомной черни богъ!..
На оргіяхъ, гдѣ царствуетъ свобода
Разнузданныхъ и бѣшенныхъ страстей,
И самъ Христосъ не столько Богъ народа,
Какъ ты, духъ тьмы!..

На жизнь дѣтей
Ты съ раннихъ поръ кладешь клеймо разврата,
Ты учишь проклинать, что людямъ было свято...
Сѣдой старикъ на твой призывъ идетъ
И — падаетъ безъ силы въ первой лужѣ,
И женщина, забывъ о зимней стужѣ,
Послѣднюю рубашку продаетъ
И — пьетъ, и пьетъ...
— Эй, Джину намъ! Джинъ наше наслажденье..
Все предъ глазами ходитъ ходуномъ:
Одинъ глотокъ — и міръ самозабвенья
Намъ открывается безумнымъ, тяжкимъ сномъ.
Одинъ глотокъ — и въ темной влагѣ Джина
Забудется гнетущая тоска...
Прочь со стола всѣ дорогія вина:
Онѣ не по карману бѣдняка.
Вино — вода. Имъ грѣетъ только тѣло
Больной и истощенный сибаритъ...
Пусть на пирахъ изъ винныхъ бочекъ смѣло
Сокъ виноградный льется и бѣжитъ
Въ дни отдыха и полнаго бездѣлья,
При звукахъ игръ и шумнаго веселья —
Мы тянемъ Джинъ — у стойки кабака...
Въ насъ нѣтъ страстей, мы пасмурны, какъ воры,
И женщины, насъ любящей, рука
Намъ не нужна для счастья и опоры.
Въ насъ сердце спитъ... Не кровь течетъ въ насъ —
Джинъ...
Привѣтъ тебѣ нашъ грозный властелинъ!...
Безуміе со взглядомъ воспаленнымъ
По погребкамъ, харчевнямъ отдаленнымъ,
Намъ днемъ и ночью двери открывай,
А ты, ты, Смерть, стаканы подавай
Съ своимъ напиткомъ отравленнымъ!
И смерть идетъ на этотъ дикій зовъ,
На этотъ вопль походкой величавой —
И, какъ быковъ,
Разитъ людей рукой своей костлявой

На улицахъ, у входа кабаковъ...
Нѣтъ, никогда гнилая лихорадка,
Тифъ разъѣдающій, восточная чума,
Зловѣщая, какъ смерть сама,
Не упивались гибелью такъ сладко,
Какъ этотъ бичь угрюмой нищеты...
Желтѣетъ тѣло, пасмурно и тупо
Глядятъ глаза, безсмысленны черты,
Движенія — полуживаго трупа...
Лишаясь силъ, съ склоненной головой,
Горячкою безумія палимый,
Безъ словъ, лежитъ бѣднякъ на мостовой,
А смерти призракъ злой, неумолимый
Ужъ сторожитъ его тревожный сонъ...
И, потерявъ сознанье, гибнетъ онъ
На улицѣ, подъ дышломъ экипажа,
Въ движеніи народныхъ площадей,
Подъ сильными ногами лошадей,
Бросается изъ пятаго этажа,
Съ крутыхъ мостовъ на дно глубокихъ рѣкъ,
Стрѣляется, забвенья въ петлѣ ищетъ...
Вездѣ, вездѣ, безумный человѣкъ,
Смерть за тобой, какъ властелинъ твой, рыщетъ.
И даже матери, въ рукахъ держа дѣтей,
Шатаются при тускломъ лунномъ свѣтѣ,
И на глазахъ у пьяныхъ матерей
О камни разбиваются ихъ дѣти...

Полезные люди.

(Изъ Г. Надо)

Мой другъ, жить скучно безъ труда.
Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ,
Курить да пѣсни пѣть всегда,
Не видя въ жизни цѣли.
Трудъ намъ девизомъ долженъ быть,
Чтобъ лѣнь насъ не заѣла...
Чтобъ людямъ пользу приносить,
Мой другъ, возьмись за дѣло.

*
* *

Трудись, и если милъ обманъ,
Торгуй гнилымъ товаромъ,
Учись обмѣривать гражданъ
По рынкамъ и базарамъ.
Умѣй повыгоднѣе сбыть
Романы и экспромты...
Ну, хочешь пользу приносить —
Такъ сдѣлайся купцемъ ты.

*
* *

Не то будь докторомъ, лечи:
Рецептовъ — тьма готовыхъ;
Всѣхъ паціентовъ пріучи
Къ визитамъ — въ пять цѣлковыхъ.
Пусть коноваломъ станутъ звать:
Больные всѣ сердиты...
Ну, хочешь ближнихъ исцѣлять —
Такъ поступай въ врачи ты.

*
* *

Не то — запутывай сиротъ,
Выигрывай процессы;
Кути, жуируя на счетъ
Безпечнаго повѣсы.
Тебя съ поклономъ будутъ звать
Къ наслѣдникамъ богатымъ...
Ну, хочешь ближнимъ помогать —
Такъ будь ты адвокатомъ.

*
* *

Быть можетъ, воина нарядъ
Тебя плѣняетъ въ мірѣ:
Солдатамъ нашимъ, говорятъ,
Не жизнь, а рай въ Алжирѣ...
Людей колоть и убивать
Привыкнешь безъ труда ты...
Ну, хочешь край свой защищать —
Такъ поступай въ солдаты.

*
* *

Еще есть роль одна у насъ —
И роль почетна эта:
Куплеты стряпать на заказъ,
И въ должности поэта,
Въ ливрею музу наряжать,
Пѣть голосомъ продажнымъ...
Ну, хочешь лавры пожинать —
Такъ будь пѣвцомъ присяжнымъ.

*
* *

Но нѣтъ, не сладокъ трудъ такой.
Ужъ лучше будь лѣнтяемъ,
Люби поэзію, покой...
Мы одного желаемъ:
Чтобъ справедливая хула
Тебя смутить не смѣла...
Чтобы не дѣлать въ мірѣ зла,
Мой другъ, живи безъ дѣла.

Дѣвочкѣ.

(Е. Д. М—ой).

Русокудрая головка!
Занятъ я твоей судьбой —
И мнѣ горько и неловко
Лгать, дитя, передъ тобой.
Русокудрая головка!
Ты, какъ ангелъ, создана;
Но родная обстановка
Сокрушительно — сильна.
Не такія съ ней тягались
Дѣти слабыя, какъ ты,
И безсильно наклонялись,
Какъ спаленные цвѣты.
Свѣтлый путь, любовь и воля....
Въ нихъ ты вѣруешь шутя,
Но едва-ль такая доля
Предстоитъ тебѣ, дитя!
Сердце счастьемъ заохотивъ,
Я тебя не обману....
Нѣтъ, ребенокъ мой, напротивъ,
Я разсказывать начну
О средѣ, гдѣ счастье рѣдко,
Гдѣ обычай — богъ людской,
Гдѣ золоченная клѣтка
Ждетъ тебя съ твоей тоской;
Съ жаждой жизни и свободы —
Ждетъ та сфера, жадно ждетъ,

Гдѣ толпѣ свои клейноды
Только пошлость создаетъ,
Гдѣ нѣтъ бури... Что за бури!
Не онѣ страшны, — страшна
Пылкой, огненной натурѣ
Лишь нѣмая тишина,
Да затишье праздной скуки
Безъ борьбы и безъ труда,
Гдѣ опущенныя руки
Лѣнь сковала на всегда...
Жизнь пройдетъ — и не узнаешь —
И съ непочатой душой,
Какъ другія, ты истаешь
Воскуяровой свѣчей.
Гнётъ, осмѣянныя грезы,
Неоконченный романъ,
Недоплаканныя слезы
И супружескій обманъ —
Вотъ одна и таже сказка,
Напѣваемая намъ,
Обыденная развязка
Обыденныхъ нашихъ драмъ.
Потому, малютка, больно
За тебя мнѣ, не шутя...
Если-жъ я солгалъ невольно,
Если-жъ, милое дитя,
Я ошибся, можетъ статься,
То, повѣрь, я былъ бы радъ
Такъ почаще ошибаться
И пророчить не впопадъ.

Новогреческія пѣсни.

I.

Отчего ты, сердце, ноешь,
Отчего болишь ты, сердце?
— «Оттого, что край родимый
Терпитъ иго иновѣрца,
Оттого, что о свободѣ
Между нами нѣтъ помину,
Оттого, что наши братья
Рать сбираютъ на чужбину —
И стоитъ надъ всей страною
Тучей черною — кручина:
Мужъ прощается съ женою,
Мать съ слезами креститъ сына,
И на мѣстѣ, гдѣ прощались
Сестры съ братьями, рыдая,
Ни когда не брызнетъ снова
Въ полѣ зелень молодая.

II.

— Бѣлокурая голубка!
Отвори мнѣ дверь въ твой домъ...
— «Но скажи сперва мнѣ — кто ты?
Я впущу тебя потомъ»...

— Подъ окномъ ждала бывало
Ты меня въ вечерній часъ,
И къ устамъ твоимъ устами
Прикасался я не разъ...

Я къ тебѣ вернулся снова
Изъ-за дальныхъ, чуждыхъ горъ...
— «Я впущу тебя, но прежде
Опиши, каковъ мой дворъ»

— Предъ крыльцомъ твоимъ, на солнцѣ,
Зрѣетъ куща бѣлыхъ розъ,
На дворѣ твоемъ зеленомъ
Виноградныхъ много лозъ...

— «Кто тебѣ сказалъ объ этомъ?
Я не вѣрю ничему...
Нѣтъ, хитрецъ, скажи мнѣ прежде,
Что стоитъ въ моемъ дому?»

— Въ спальнѣ лампа золотая
Блещетъ въ сумракѣ ночномъ
Каждый разъ, когда одежды
Ты снимаешь передъ сномъ...

— «Лжешь, хитрецъ! Тебѣ — я вижу —
Незнакомъ въ свѣтлицу путь...
Разсказалъ тебѣ о домѣ
Изъ сосѣдей, кто нибудь...

Если точно ты — мой милый,
Объ одномъ спрошу теперь:
Разскажи мои примѣты, —
Я сейчасъ открою дверь»

— На плечѣ твоемъ и щечкѣ
Два родимыя пятна,
А межъ персями твоими
Блещутъ звѣзды и луна...

— «Эй, служанки, двери — настежъ
Торопитесь отворять,
И цвѣтами увѣнчайте
Нашу брачную кровать».

Загадка.

Что такое свобода?... Изъ книгъ
Знаемъ мы, что такое свобода.
Любопытнѣе слышать языкъ
И не книжное мнѣнье народа,
Какъ онъ понялъ, изъ жизни постигъ:
Что такое свобода?

Въ шумномъ обществѣ былъ я недавно...
Тамъ сошлись всѣхъ сословій образчики:
Молчаливыя дамы, разсказчики,
Говорившіе очень забавно,
Бюрократы, артисты, военные
И какія-то дѣвы нетлѣнныя,
Съ выраженьемъ въ глазахъ: «мы — невѣсты!»
Замѣчалъ я улыбки и жесты
И движенья почти деревянныя,
И одно заключеніе странное
Неожиданно въ умъ мнѣ пришло:
Что такое ихъ вмѣстѣ свело?
По какой непонятной причудѣ?
Гдѣ росли эти самые люди?
Словно каждый привыкъ жить особо,
Всѣмъ какъ будто дышать тяжело
Въ пестромъ обществѣ. Тайная злоба,
Недовольство замѣтно на всѣхъ.
Невеселый, искуственный смѣхъ...
Только модный костюмъ одинаковъ.

Кромѣ дамскихъ нарядовъ и фраковъ,
Все различно у этихъ людей
Посреди ихъ торжественной скуки:
Интересы, волненья и муки.
То — обрывки неясныхъ идей,
Несложившихся взглядовъ и мнѣній
И практически-грязныхъ стремленій...
Истощилась бесѣда — и стихнулъ весь залъ...
Нѣтъ, казалось, отъ скуки исхода,
Вдругъ, какъ бомба, вопросъ передъ всѣми упалъ:
Что такое свобода?
Съ выразительнымъ, дѣтскимъ лицомъ
(Встрепенулось все общество наше)
Мальчикъ съ книжкой стоялъ предъ отцемъ:
— «Что такое свобода, папаша?»
Подивившись вопросу ребенка
И уму его въ ранніе годы,
Каждый гость о значеньи свободы
Началъ мысль развивать очень тонко.

«Свободенъ лишь тотъ», — говоритъ
Владѣлецъ роскошнаго дома, —
«Кому есть на биржѣ кредитъ,
И гласность кому не вредитъ,
И бѣдность кому незнакома;
Кто могъ увеличить приходъ
Въ громадныя цифры дохода...
По моему, вотъ
Что значитъ — свобода».

«Свобода, — изрёкъ бюрократъ, —
Есть строгій порядокъ, во-первыхъ;
Свобода — священный обрядъ:
Служи и трудись, какъ велятъ,
Забывши о волѣ и нервахъ.
Покорность — дастъ людямъ почетъ,
Порядокъ — вся сила народа...
По моему, вотъ
Что значитъ свобода».

«Свобода, — лепечетъ поэтъ, —
Въ могучей и творческой лирѣ.
Свобода — нашъ Новый Завѣтъ,
Незнанье всѣхъ жизненныхъ бѣдъ,
Забвенье о людяхъ и мірѣ.
Свобода — широкій полётъ
Къ тебѣ, наша матерь-природа!...
По моему, вотъ
Что значитъ свобода».

«Свобода, — рѣшилъ филантропъ, —
Есть избранныхъ только награда.
Для прочихъ свобода есть — гробъ;
Ее и желать-то смѣшно-бъ
Для каждаго мелкаго гада.
Свободы достоинъ лишь тотъ,
Кто выше житейскаго сброда...
По моему, вотъ
Что значитъ свобода».

«Свобода, — замѣтилъ умно
Редакторъ салонной газеты, —
Народу вредила давно:
Развратъ, самовольство, вино —
Вотъ этой свободы примѣты.
Свободу не всякій пойметъ:
Тутъ нужно развитье, порода...
По моему, вотъ
Что значитъ свобода».

«Свобода, — сказалъ Скалозубъ, —
Въ одной дисциплинѣ, — повѣрьте.
Фельдфебель во фронтѣ былъ грубъ,
Пропалъ у солдата тулупъ —
И я запорю ихъ до смерти;
Войду — пусть на мѣстѣ замретъ
Весь полкъ до послѣдняго взвода...
По моему, вотъ
Что значитъ свобода».

«Легальности строгой примѣръ, —
Сказалъ либеральный чиновникъ, —
Не быстрый прогрессъ полу-мѣръ...
Свобода не терпитъ химеръ;
Свобода — не пылкій любовникъ,
Но мужъ и труда и заботъ,
Холодный и строгій, какъ ода...
По моему, вотъ
Что значитъ свобода».

«Свобода, — сказалъ адъютантъ, —
Есть кóмфортъ, какъ вы тутъ не спорьте,
Чтобъ тамъ не писала Жоржъ-Зандъ;
Свобода — великій талантъ
Жить въ вѣчномъ довольствѣ, въ комфортѣ,
Жену взять съ приданымъ — и въ годъ
Открыть два кирпичныхъ завода...
По моему, вотъ
Что значитъ свобода».

«Въ замужествѣ стѣсненья не знать,
Имѣть добронравнаго мужа,
И, если полюбишь опять»....
(Вдова не рѣшилась кончать,
Завѣтную мысль обнаружа)
«Ну, словомъ, — незнанье заботъ,
Въ нарядахъ — послѣдняя мода...
По моему, вотъ
Что значитъ свобода».

Однако, довольно!... Ребенокъ пытливый
Остался при той же мудреной загадкѣ,
И думалъ онъ ночью, въ дремотѣ лѣнивой,
На дѣтской уютной кроваткѣ:
«Престранное дѣло! Написано въ книжкѣ
Совсѣмъ не о томъ, что у насъ толковали»...
Но гости забыли давно о мальчишкѣ —
И ужинать начали въ залѣ.

Добродѣтельная дама.

Свѣта уставы—законъ,
Свѣта уставы—вериги...
Падшія дѣвы изъ Риги,
Вами весь міръ возмущенъ...
Пишетъ на васъ эпиграммы
Рыцарь въ журнальной бронѣ,
Мнѣ же... все грезится мнѣ
Типъ «добродѣтельной дамы».

*
* *

Гордость какая въ лицѣ!
Смотритъ едва-ли не свято...
На обручальномъ кольцѣ
Надпись: «вѣнчалась тогда-то»...
Насъ не поставятъ въ тупикъ
Брака продажнаго драмы...
Каждый цѣнитъ въ ней привыкъ
Типъ «добродѣтельной дамы».

*
* *

Что за величье души!
Въ пышномъ нарядномъ уборѣ
Послѣ обѣдни, въ соборѣ,
Нищимъ бросаетъ гроши;
Сѣла въ карету: упрямы,
Бойки и злы рысаки...
Шлютъ свой поклонъ бѣдняки
Въ слѣдъ «добродѣтельной дамы.»

Списокъ любовныхъ побѣдъ
Милая дама, скажи намъ!
По неизвѣстнымъ причинамъ
Къ нимъ снисходителенъ свѣтъ.
Ей извиняемъ всегда мы
Скрытый приличьемъ развратъ;
Всѣ ѳиміамы курятъ
Вкругъ «добродѣтельной дамы».

*
* *

Какъ носовые платки,
Львица мѣняла интриги,
Но не касалась до книги
Пальцами нѣжной руки,
Если о жизни блудницы
Въ ней попадался разсказъ...
Что же? Понятенъ для насъ
Гнѣвъ добродѣтельной львицы...

*
* *

Кто святотатственно могъ
Съ злымъ, ядовитымъ упрекомъ
Съ этимъ блестящимъ порокомъ
Сравнивать грязный порокъ?
Падшей мѣщанкѣ въ глаза мы
Бросимъ всегда приговоръ,
Но и позоръ не въ позоръ
Для «добродѣтельной дамы».

*
* *

Бѣдная дочь нищеты!
Нѣтъ въ насъ къ тебѣ сожалѣнья.
Купишь цѣною паденья
Уголъ нетопленый ты,
Право на день настоящій,
Право быть сытой, дышать...
Какъ же тебя намъ ровнять
Съ этою дамой блестящей?

*
* *

Нѣтъ, не продажна она.
Женщина эта богата —
И, какъ гранитъ, холодна.
Милъ ей развратъ для разврата,
Тонкій, изящный развратъ,
Бракомъ и модой прикрытый...
Вотъ она — бросьте свой взглядъ —
Мчится въ коляскѣ открытой.

* *
*

Прочь! разступитесь вокругъ
Передъ красавицей модной!
Рядомъ — любовникъ дородный,
Сзади — ливрейный гайдукъ,
Всюду — улыбки, поклоны...
Прочь! сторонитесь скорѣй!...
Барышни! кланяйтесь ей,
Зависть къ ней чувствуйте жены!...

Домино.

I.

Кто онъ? Ради Бога,
Дайте намъ отвѣтъ...
Говоритъ немного,
Больше *да* и *нѣтъ*,
Сядетъ молча, строго,
Съ кипою газетъ...
Кто онъ? Ради Бога,
Дайте намъ отвѣтъ.

II.

Всѣ его встрѣчали,
Но не зналъ никто,
Въ театральной залѣ,
Въ клубѣ у лото.
Для него дорога
Не закрыта въ свѣтъ...
Кто онъ? Ради Бога,
Дайте намъ отвѣтъ.

III.

Въ дверь у Доминика
Входитъ, «Вѣсть» беретъ...
— «Вотъ онъ! посмотри-ка!..»
Кто нибудь шепнетъ.
Общая тревога...
Опустѣлъ буфетъ...
Кто онъ? Ради Бога,
Дайте намъ отвѣтъ.

IV.

Утромъ въ день пріемный
Журналисту онъ
Съ рукописью скромной
Отдавалъ поклонъ,
Корчилъ демагога,
Порицалъ бюджетъ...
Кто онъ? Ради Бога,
Дайте намъ отвѣтъ.

V.

Въ залѣ Бенардаки
Чтеніе... народъ...
Онъ ужъ въ черномъ фракѣ
Пробрался впередъ
Слушать прелесть слога
И живой куплетъ...
Кто онъ? Ради Бога,
Дайте намъ отвѣтъ...

VI.

Ночью въ часъ урочный
Начался шпиц-балъ, —
Аккуратный, точный
Онъ ужъ тамъ — и взялъ
Тотчасъ у порога
Даровой билетъ...
Кто онъ? Ради Бога,
Дайте намъ отвѣтъ.

VII.

Тучи вкругъ нависли...
Въ слякоть, черезъ мостъ
Труженика мысли
Тащатъ на погостъ...
Поотставъ немного,
Онъ бредетъ во слѣдъ...
Кто жъ онъ? Ради Бога,
Дайте намъ отвѣтъ.

Одна изъ многихъ.

Родилась она въ сорочкѣ.
Воспріемникъ знатный могъ
Положить для крестной дочки
Десять тысячь на зубокъ.
Ярко-розовыя щечки...
Хороша, какъ херувимъ...
Шепчетъ мать гостямъ своимъ:
Родилась она въ сорочкѣ.

*
* *

Строгъ за дѣвочкой надзоръ,
Къ ней приставлены съ купели
Парижанинъ — гувернеръ,
Англичанка мистрисъ Нелли.
Чудной дѣвочкѣ дарятъ
Платья, куклы и платочки —
И родные говорятъ:
Родилась она въ сорочкѣ.

*
* *

Строго держится, горда,
Не играетъ, какъ всѣ дѣти,
Не захочетъ никогда
Сѣсть въ извощичьей каретѣ,
И въ романѣ не прочтетъ
Ни за что единой строчки,
Если онъ — запретный плодъ...
Родилась она въ сорочкѣ.

*
* *

Съ бѣднымъ юношей — тоска.
Но о чемъ бѣднякъ хлопочетъ?
Надъ признаньемъ бѣдняка'
Звонко барышня хохочетъ,
Не читая въ печкѣ жжетъ
Писемъ смятые листочки...
Жениховъ богатыхъ ждетъ
Дочь, рожденная въ сорочкѣ.

*
* *

На балы, какъ на базаръ,
Появляется невѣста.
Тамъ, въ чаду кадрильныхъ паръ,
Орденовъ-то сколько, звѣздъ-то!...
За собой она ведетъ
Жениховъ, какъ на шнурочкѣ,
Холодна, какъ невскій ледъ...
Родилась она въ сорочкѣ.

*
* *

Страсть, какъ фразу мелодрамъ,
Оцѣнить она умѣла,
И парадный чепчикъ дамъ
Наконецъ-таки надѣла.
Мужъ богатъ, не старъ и глупъ...
Для чего тутъ проволочки?
И твердитъ семейный клубъ:
Родилась она въ сорочкѣ.

*
* *

Мужъ въ балетахъ гонитъ сонъ,
Завелся какой-то Миной...
Съ львиной гривою баронъ
Не выходитъ изъ гостиной.
Списокъ жениныхъ интригъ
Знаетъ свѣтъ по одиночкѣ,
Но твердитъ одно привыкъ:
Родилась она въ сорочкѣ.

*
* *

Жертва горькой нищеты
И холоднаго соблазна!
Передъ дамой этой ты
И страшна и безобразна...
Надъ тобою судъ жестокъ;
Но своей любимой дочкѣ
Свѣтъ проститъ любой порокъ:
Родилась она въ сорочкѣ!...

Изъ Гейне.

Міръ — это дѣвушка съ румянцемъ чистоты.
Міръ — это фурія. И оба взгляда эти
Зависятъ отъ очковъ, въ которыхъ ходишь ты,
Жизнь видя въ розовомъ иль въ самомъ черномъ цвѣтѣ.
Но тотъ, кто въ телескопъ міръ этотъ разглядитъ,
Какого пола онъ — не разрѣша загадки,
Тотъ, бросивъ въ сторону безплодныя догадки,
Придетъ лишь къ одному, что міръ — гермафродитъ.

Модный врачъ.

Въ гостиныхъ пышныхъ, на балахъ,
Гдѣ блескъ и свѣтъ и ароматъ,
Служить идеѣ.... на словахъ —
Я очень радъ, я очень радъ!
Но все, что вздумалось сказать —
Потомъ съ ребячествомъ точь въ точь
На дѣлѣ въ жизни доказать...
Подите прочь, подите прочь!

*
* *

Кончая страсбургскій пирогъ,
Болтать о томъ, что меньшій братъ
Несчастливъ, бѣденъ и убогъ —
Я очень радъ, я очень радъ!
Когда жъ плебей зарвется въ споръ,
И воду вздумаетъ толочь —
Чтобъ я вступилъ съ нимъ въ разговоръ?!..
Подите прочь, подите прочь!

*
* *

Въ почетной должности врача,
Въ покояхъ княжескихъ палатъ
Лечить больнаго богача —
Я очень радъ, я очень радъ!..
Когда жъ какой нибудь бѣднякъ
Зоветъ меня взглянуть на дочь —
Чтобъ я сталъ лазить на чердакъ?!..
Подите прочь, подите прочь!

*
* *

Писать рецепты для княгинь,
Когда больны онѣ лежатъ
Среди батистовыхъ простынь —
Я очень радъ, я очень радъ!
Но если — дерзость какова? —
За мной пришлетъ въ глухую ночь
Съ Песковъ убогая вдова...
Подите прочь, подите прочь!

*
* *

Научный принципъ мой таковъ:
Лечи, какъ практики велятъ,
И чтить систему стариковъ —
Я очень радъ, я очень радъ!
Но, чтобъ, обставясь грудой книгъ,
Хандру и праздность превозмочь,
Чтобъ я въ науку глубже вникъ...
Подите прочь, подите прочь!..

*
* *

Когда мнѣ платитъ за визитъ
Рублей.....ну, сорокъ, пятьдесятъ
Рукою щедрой сибаритъ —
Я очень радъ, я очень радъ!
Но даромъ пользовать людей,
Безъ платы нищему помочь —
Я не держусь такихъ идей...
Подите прочь, подите прочь!...

На сонъ грядущій.

(отрывки изъ повѣсти.)

I.

Нашимъ пѣснямъ, часто злобнымъ,
Какъ морей безсильный валъ,
Словно надписямъ надгробнымъ,
Ты не вѣрь провинціалъ.

Мы, природы финской дѣти,
Дня и солнца лишены,
Въ вѣчной мглѣ и полу-свѣтѣ
Вѣчно хмуры и больны.

Воздухъ сѣверной столицы
И природы нашей видъ,
Какъ дыханіе больницы,
Заражаетъ и мертвитъ.

Плачетъ вѣтръ, какъ духъ могилы,
Про тяжелые грѣхи…
Потому-то такъ унылы
Наши проза и стихи;

Потому для насъ не ново,
Что, порой, въ странѣ родной,
Изъ груди пѣвца больнаго
Вырывался стихъ больной,

Желчь кипѣла въ каждомъ словѣ...
А межъ тѣмъ, въ нашъ свѣтлый вѣкъ,
Ты не долженъ хмурить брови,
Добрый, русскій человѣкъ!

Попадая въ вихрь столичный,
Сбереги свой нравъ лихой,
Аппетитъ и сонъ обычный,
Гость провинціи глухой.

Впрочемъ, пѣсни наши хилы,
И — побьюсь я объ закладъ —
Черноземной русской силы
Наши строфы не смутятъ.

Посмотрите — на панели,
Съ плечъ отбросивъ свой енотъ,
Въ картузѣ своемъ безъ цѣли,
Кто глазѣетъ на народъ,

Сохранивъ свой стиль уѣздный?...
Я конечно васъ узналъ:
Это вы, вы, мой любезный,
Дорогой провинціалъ.

Радъ ему я безконечно...
Мой землякъ, — вотъ вамъ рука:
Пѣснью желчною, конечно,
Не смущу я земляка.

Не знакомъ мнѣ стихъ печальный,
Я не плакалъ и во снѣ:
Колоритъ провинціальный
Все лежитъ еще на мнѣ.

Какъ и онъ, я также трушу
Рѣзкихъ выходокъ, тирадъ;
Какъ ему, не вползъ мнѣ въ душу
Отрицанья тонкій ядъ;

Какъ и онъ, готовъ я всюду,
Созерцая Петроградъ,
Удивляться, словно чуду,
Дивной роскоши палатъ.

Все уму и глазу ново —
Пышныхъ улицъ блескъ и звонъ:
Съ магазина Глазунова
До кандитерской Kaбon.

Обаятельныя путы
Обвиваютъ всюду насъ...
О, землякъ, дивись всему ты,
Какъ дивился я не разъ:

Этимъ лавкамъ и базарамъ,
Франтамъ, дамамъ, лошадямъ...
Здѣсь газеты даже даромъ
Раздаютъ по площадямъ...

Ни заботъ, ни слезъ не слышно,—
Здѣсь какъ будто чуждъ всѣмъ трудъ,
Здѣсь, не только что живутъ —
Умираютъ даже пышно,

И въ цвѣтахъ, въ блестящій залъ,
Смерть приходитъ, какъ невѣста...
А прогрессъ-то нашъ. прогрессъ-то...
Руку дай, провинціалъ:

Съ этимъ городомъ прогресса,
Слово истины любя,
И правдивѣе чѣмъ пресса,
Познакомлю я тебя.

Муза насъ вести готова
По чертогамъ, чердакамъ,
Чтобъ, домой вернувшись, снова
Разсказалъ ты землякамъ,

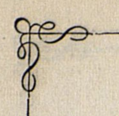
Что у Финскаго залива
Есть волшебный городокъ,
Гдѣ проходитъ жизнь счастливо
Безъ волненій и тревогъ,

Что предъ нимъ Парижъ и Плимутъ
Пусты, скучны безъ конца,
И что только невскій климатъ
Хмуритъ невскаго пѣвца...

Я одинъ его хандрою
Думъ своихъ не отправлялъ,
И печальныхъ минъ не строю,
Какъ и ты, провинціалъ.

Какъ чумы я слезъ пугаюсь,
И, средь невскихъ береговъ,
Часто весело спасаюсь
Отъ друзей и отъ долговъ.

Нѣту слезъ, — такъ взять мнѣ гдѣ-жъ ихъ?..
Другъ, прикрой енотомъ грудь,
И иди за мною въ путь,
Въ сапогахъ своихъ медвѣжьихъ....

II.

О, муза! Нѣкогда поэтъ
Тебя тревожилъ по пустому,
Сбираясь выдти въ Божій свѣтъ.
Я вѣренъ принципу иному —
И, позабывъ парнаскій бредъ,
Я просто обращусь къ портному...
И намъ теперь, землякъ родной,
Не музы нужны, а портной.

II.

Пусть, презирая пошлость франта,
Ты вѣришь въ свой талантъ и умъ;
Но выше знанья и таланта
Свѣтъ цѣнитъ внѣшность и костюмъ,
Приличье моднаго педанта...
И ты возбудишь общій шумъ
Въ своемъ саратовскомъ нарядѣ...
Скорѣй къ портному, Бога ради!..

III.

Не то, смотри, — всѣхъ бѣдъ не счесть:
Литературныя модистки
(Модистки въ прессѣ даже есть)
Тебя освищутъ въ общемъ пискѣ,
И на столбцахъ газеты ,,Вѣсть'',
Сердитой отъ плохой подписки,
Ты фигурировать начнешь,
И въ нигилисты попадешь —

IY.

За свой пиджакъ изъ коломянки,
За волоса до самыхъ плечь.
А петербургскія гражданки,
Не пожелавъ съ тобою встрѣчь,
Не безъ призрительной осанки
Всѣ поспѣшатъ предостеречь,
Чтобъ ихъ гайдукъ въ цвѣтной ливреѣ
Тебѣ отказывалъ скорѣе.

V.

Мой другъ, одну изъ нихъ я зналъ;
У ногъ ея не разъ, въ бесѣдкѣ,
Я кудри мягкія ласкалъ,
Я страсть ловилъ въ глазахъ брюнетки...
Но разъ, зимою, къ ней на балъ
Явился въ бархатной жилеткѣ
И безъ перчатокъ, — съ той зимы
Другъ другу стали чужды мы.

VI.

И такъ, землякъ, сперва къ портному!..
Онъ намъ теперь дороже музъ,
Онъ дастъ помѣщику степному
Приличный видъ, въ одеждѣ — вкусъ,
Какъ Петербуржцу записному,
И ты, забросивъ свой картузъ,
Милъ будешь, (шляпу закупи ты)
Какъ Пронскій въ ролѣ волокиты.

VII.

Впередъ... Предъ нами Петроградъ...
Явленій грустныхъ, горькихъ, мрачныхъ,
Ты не увидишь, мой собратъ,
(То бредъ поэтовъ неудачныхъ)
Когда-жъ случайно встрѣтишь взглядъ
Людей оборванныхъ, невзрачныхъ,
Людей съ протянутой рукой, —
Храня обычный свой покой,

VIII.

Не вѣрь имъ... Спереди и сзади
Скользитъ блестящая толпа...
(«*Подайте бѣдной, Христа ради!*»)
Она на горести скупа,
И тяжкихъ нуждъ нѣтъ въ Петроградѣ...
— («*Хоть грошикъ бросьте: я слѣпа...*»)
Нѣтъ нищихъ здѣсь... (—«*Къ вамъ брошусь въ ноги—*
Два дня не ѣлъ я!») Прочь съ дороги!

IX.

Не слушай ихъ, смотри сюда:
Изъ магазина вышла дама.
Какъ хороша и какъ горда
Роскошной прелести реклама!..
Ты съ нею можешь безъ труда
Свести знакомство: ѣхать прямо
Въ тотъ день, когда ея старикъ
Визитъ ей дѣлать не привыкъ.

X.

Когда-то эту куртизанку
Зимой, въ морозъ, во мглѣ ночной
Видали пѣвшей подъ шарманку
У двери лавки мелочной;
Она бродила спозаранку
Въ рукахъ съ мартышкою ручной...
Теперь-же возбуждаютъ говоръ
Ея модистка, грумъ и поваръ.

XI.

Но лѣтъ чрезъ десять не найдешь
Ея гостиной ты въ столицѣ:
Одна изъ русскихъ Ригольбошь
Уступитъ мѣсто новой львицѣ —
И, промотавъ послѣднiй грошъ,
Умретъ въ Калинкинской больницѣ...
Но, впрочемъ, я вѣдь не пророкъ,
Она, быть можетъ, въ краткiй срокъ

XII.

Измѣнитъ жизнь, начнетъ амурно
Жить съ мужемъ, бросивъ вихрь столицъ,
И, какъ кладбищенская урна,
Печальна будетъ межъ вдовицъ,
И станетъ дѣлатся съ ней дурно
При видѣ стриженныхъ дѣвицъ,
Въ гостяхъ курившихъ папиросы
И смѣло дѣлавшихъ вопросы.

XIII.

Нарядъ блестящій прежнихъ лѣтъ
Замѣнятъ темные капоты,
И станутъ ѣздить на обѣдъ
Къ ней въ день родительской субботы
Ханжи и сплетницъ лучшій цвѣтъ,
И будетъ много имъ работы:
Старухѣ въ уши напѣвать
И попрошайствомъ обирать.

XIV.

Но все-жъ она еще румяна,
Еще свѣжа — и угадать
Не можемъ мы ея романа...
Съ чего-жъ теперь намъ путь начать?
Лишь три часа... Обѣдать рано:
Мы за обѣдъ садимся — въ пять, —
Иные-жъ — долженъ я признаться —
Совсѣмъ обѣдать не садятся.

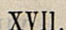
XV.

Не потому, что аппетитъ
У нихъ плохой, — напротивъ, — звѣрскій,
Но потому, что ѣсть въ кредитъ
Здѣсь не даетъ трактирщикъ дерзкій,
И многихъ искренно крушитъ
Обычай тотъ, безспорно, мерзкій...
У насъ хоть это право есть:
Свободно мыслить, пить и ѣсть...

XVI.

А намъ, степнякъ, съ тобой не худо
Часъ подождать... Вѣдь все равно:
Насъ ждетъ обѣдъ въ четыре блюда,
И Воронцовское вино,
И непремѣнная посуда
Буфета Палкина — давно
Умолкшій скальдъ, отдавшій лиру
Въ наслѣдство невскому трактиру.

XVII.

Но помни мой совѣтъ, смотри, —
На то есть сильныя причины, —
Газеты «Голосъ» не бери,
И, по совѣту медицины,
Себя хоть голодомъ мори,
Но не касайся до свинины:
Въ ней, какъ и въ «Голосѣ», одинъ
Ужасный ядъ сокрытъ — трихинъ.

XVIII.

Но шагъ умѣрь и шествуй тише —
Отъ насъ трапеза не уйдетъ...
Когда-жъ на городскія крыши
Въ своихъ туманахъ ночь сойдетъ,
То намъ Стелловскаго афиши
Укажутъ новый путь впередъ:
Въ театръ помчимся, въ циркъ Карре мы,
Иль даже въ невскіе гаремы.

III.

Этотъ городъ рѣшительно страшенъ
Для тебя, мой степнякъ. Не смотри,
Что обманчиво онъ изукрашенъ
Рядомъ замковъ и арокъ и башенъ...
Не снаружи онъ страшенъ — внутри.
Отъ Морской, съ ея спѣсью примѣрной,
Гдѣ развѣшанъ мишурный обманъ,
До Коломны, Песковъ и Галерной,
Всюду, всюду, рукой чьей-то вѣрной
Нашей жизни разставленъ капканъ.
Здѣсь, на улицѣ, въ вихрѣ содома
Дышломъ прямо въ твой цѣлятся лобъ —
И раздавятъ, пожалуй, какъ гнома;
Тамъ карнизы параднаго дома,
Обвалившись, сулятъ тебѣ гробъ.
Ты духовную дѣлай заранѣ,
Приготовься идти на погостъ,
Если вступишь въ угарныя бани,
Если сядешь на яликъ Тайвани,
Иль зѣвая пойдешь черезъ мостъ.
Здѣсь, туманомъ и дождикомъ вымытъ,
Ты узнаешь, измученъ и худъ,
Этотъ невскій плѣнительный климатъ,
Гдѣ лишь мертвые «срама не имутъ»,
А живые — въ больницы идутъ.

Всѣ болѣзни насъ ловятъ съ дороги,
Забираются въ каждый этажъ,
Сторожатъ у дверей, на порогѣ,
И однѣ погребальныя дроги —
Самый модный у насъ экипажъ.
Мы сырыя квартиры дровами
Не натопимъ весь день въ январѣ;
Зарастаютъ всѣ стѣны грибами,
Но за то въ зеркалахъ, подъ коврами
Наши лѣстницы, наши *антре*.
Всѣ бѣды перечтемъ мы едва-ли:
Мостовой можно шею сломать,
Кукельваномъ опиться въ Bierhalle,
Захлебнуться въ родимомъ скандалѣ, —
И нельзя никуда убѣжать —
Отъ банкротствъ, отъ разбитыхъ панелей,
Отъ свалившейся съ крыши доски,
Отъ наемныхъ журнальныхъ свирѣлей,
Отъ погоды, отъ жадныхъ камелій,
А ужь больше всего отъ тоски...
Это онъ, этотъ городъ могучій,
Гдѣ соблазны влекущаго зла
Ждутъ съ послѣдней расплатой колючей,
Гдѣ, что шагъ, представляется случай
Умереть, коль охота пришла!

Въ гостяхъ, какъ дома.

Изъ путевыхъ впечатлѣній маэстро Верди.

(Съ итальянскаго).

Хотя въ Россіи я былъ только мимолётомъ,
Но мнѣ за многое сталъ милъ россійскій край.
Меня встрѣчали тамъ съ такимъ большимъ почетомъ,
Что̀ даже, кажется, хватили черезъ край.
Какую оперу туда ни занеси я,
Смотрѣть ее тотчасъ сбѣжится вся Россія —
И рада мнѣ вѣнокъ изъ пышныхъ лавровъ свить.
У Русскихъ, говорятъ, повсюду хлѣбосольство,
Иначе — есть талантъ во всемъ пересолить;
Само — какъ слышалъ я — японское посольство
Славянскіе хлѣбъ-соль не можетъ позабыть.
И вообще скажу: судя по Русской прессѣ,
По блеску внѣшнему — намъ Русскихъ чтить пора
Тамъ о народности, о почвѣ, о прогрессѣ
Дозволили писать открыто цензора,
Полемики газетъ ведутся не безъ такта,
Съ примѣрной выдержкой съ начала до конца:
Гдѣ прямо можно бы поставить «подлеца»,
Тамъ сдѣлаютъ намёкъ, и необидно какъ-то.
А нравы грубые? Тамъ нѣтъ ихъ и слѣда;
Тиранство, варварство — не русскіе недуги:
Съ своей прислугой тамъ гуманны господа,
И въ господахъ своихъ души не чаютъ слуги.
Рекомендательными письмами снабженъ,
Я часто въ Русскіе заглядывалъ салоны:
Мужья — премилые; не бьютъ не только женъ,
Но даже ихъ самихъ къ рукамъ прибрали жены.

Дѣвицы—нравственны; замужство вотъ ихъ страсть;
Въ «*законный*» бракъ вступить — у нихъ иныхъ
нѣтъ цѣлей,
И дѣвы при одномъ лишь имени камелій
Готовы въ обморокъ торжественно упасть...
Гражданкамъ поприще открыто въ Петербургѣ,
И могутъ всѣ онѣ занять мѣста гражданъ:
Учиться — такъ учись и поступай въ хирурги,
А хочешь танцовать — танцуй всю жизнь канканъ.
Прогрессъ свой Петербургъ отстаиваетъ гордо,
Въ торговлѣ, въ обществѣ, въ собраньяхъ пышныхъ
залъ;
Тамъ каждый будочникъ глядитъ, какъ радикалъ,
И взглядъ Юпитера бросаетъ Держиморда.
Общественную жизнь я также наблюдалъ
Какъ высшей публики, такъ и народной массы:
Въ столицѣ что̀ ни домъ—то вывѣска: «шпицъ-балъ»,
Что ни гостинница — то шумные танцклассы.
Хоть Ригольбоши тамъ, положимъ, не найдешь,
За то былъ Фокинъ тамъ — во фракѣ Ригольбошь...
Въ театрахъ я бывалъ. Театръ для славянина
Потребность главная, и онъ искуство чтитъ...
Тамъ такъ поставлена «La forsa del destino»,
Что лопнутъ съ зависти и Вѣна и Мадритъ.
Скажу по истинѣ — столичные театры
Напомнятъ хоть какой египетскій чертогъ,
И вкусъ изнѣженный царицы Клеопатры
Подобной роскоши придумать бы не могъ:
На люстрахъ газовыхъ хрустальныя подвѣски,
Атласъ и золото блеститъ со всѣхъ сторонъ,
Картины, статуи, блистательныя фрески
И вереницей нимфъ украшенный плафонъ.
А декораціи!.. Фантазіей гигантской
Въ нихъ Роллеръ всѣхъ дивитъ ужь много—много лѣтъ...
Что лучше на Невѣ — не знаю — корд'балетъ
Иль опера пѣвцовъ изъ труппы итальянской.
А сцена русская! Классическую пыль
Когда нибудь, о, стихъ александрійскій,

Съ тебя стряхну, и оперную быль
Я посвящу тебѣ, театръ александринскій!
Я обращусь къ твоимъ осмѣяннымъ стѣнамъ,
Гдѣ такъ затѣйливо чертитъ узоры копоть,
Гдѣ бѣшеный партеръ привыкъ усердно хлопать
И подносить вѣнки творцамъ лубочныхъ драмъ.
Прославлю я тогда твоихъ «Новогородцевъ»,
Съ ударами мечей, съ блистаніемъ кирасъ,
И въ нихъ явившихся на сцену въ первый разъ
Заводскихъ жеребцовъ и кровныхъ иноходцевъ...
. . . .

Что такое значитъ?

Родился ребенокъ...
Что жъ такое значитъ:
Мать, въ лохмотьяхъ жалкихъ,
Надъ ребенкомъ плачетъ?
Свадьба... Храмъ сіяетъ...
Что жъ такое значитъ:
Блѣдная невѣста
У налоя плачетъ?
Деспотъ умираетъ...
Что жъ такое значитъ:
Вкругъ толпятся люди —
И никто не плачетъ?

У камелька.

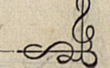
Въ кругу друзей у камелька
Усѣлся старичекъ,
И льются рѣчи старика,
Какъ въ полѣ ручеекъ.
О прошлыхъ дняхъ онъ вспоминалъ,
Скрывая тайный вздохъ:
«Друзья! людей я умныхъ зналъ,
Хоть самъ былъ очень плохъ.
Карамзина я зналъ, какъ васъ, —
Не счесть его услугъ,
Хоть Николай Михайлычь разъ
Сказалъ: «ты глупъ, мой другъ».
Въ тѣ дни, скажу безъ дальнихъ словъ,
Извѣстность я стяжалъ:
Въ каррикатурахъ самъ Брюловъ
Меня изображалъ.
Я самъ ходилъ къ Ростопчиной,
Хотя меня потомъ,
Она, — нельзя жъ мѣшать больной! —
И не пускала въ домъ.
Въ одномъ пріятельскомъ кругу
Съ Жуковскимъ говорилъ:
Меня онъ принялъ за слугу —
И квасу попросилъ.
Меня почтилъ своимъ стихомъ
Самъ Пушкинъ, нашъ пѣвецъ:

«Люблю тебя сосѣдъ Пахомъ»... *)
Я позабылъ конецъ.
Меня обѣдать Дельвигъ ждалъ,
И всѣхъ смѣшилъ до слезъ:
Изъ хлѣба шарики каталъ —
И ихъ бросалъ мнѣ въ носъ.
Я съ Соколовскимъ **) вмѣстѣ пилъ.
Отличный былъ піитъ:
Меня однажды онъ прибилъ —
Ну, Богъ его проститъ.
Булгаринъ! Съ нимъ я до зари
Игралъ однажды въ вистъ...
Булгаринъ, что ни говори,
Былъ честный публицистъ.
Самъ Грибоѣдовъ мнѣ сказалъ,
Вотъ также у огня,
Что онъ Молчалина списалъ
Съ меня, друзья, съ меня!
Баронъ Брамбеусъ, какъ родной,
Снималъ мнѣ свой картузъ,
И хоть смѣялся надо мной,
Но этимъ я горжусь.
Я былъ и съ Гоголемъ знакомъ,
Цѣню такую роль:
Онъ какъ-то въ циркѣ каблукомъ
Мнѣ отдавилъ мозоль.
Когда, хилѣя день отъ дня,
Я ѣздилъ на Кавказъ,
Тамъ встрѣтилъ Лермонтовъ меня,
Обрызгалъ грязью разъ;
Любилъ трунить и Полевой
Заставъ меня въ расплохъ...
Все это люди съ головой —
И я предъ ними — плохъ.

---

*) Извѣстная эпиграмма Пушкина, которая кончается такъ:
Люблю тебя, сосѣдъ Пахомъ:
Ты просто глупъ — и слава Богу!

**) Покойный авторъ «Мірозданія».

Панаевъ былъ мой ученикъ,
Хоть говорятъ враги,
Онъ осмѣялъ и мой парикъ
И съ скрыпомъ сапоги.
Теперь иныя времена,
Куда ни погляжу
Вездѣ иныя имена
Въ журналахъ нахожу,
Но я ужъ старъ, почти безъ ногъ,
Знакомыхъ новыхъ нѣтъ —
И даже я достать не могъ
Хоть Лейкина портретъ.

Венеціанскій альбомъ.

I.

День сгорѣлъ. Зари румянецъ
Хочетъ сумракъ превозмочь,
И таинственную ночь
Чутко ждетъ Венеціанецъ.
Вскрыты дверцы на балконъ,
И мелькаютъ въ нишахъ оконъ
Женскій профиль, женскій локонъ....
Ожила со всѣхъ сторонъ
Riva degli Schiavoni *).
Какъ на праздникъ, всѣ спѣшатъ
Подъ каштаны, въ темный садъ
Изъ кофейни Донадони.
Шумъ весла и плескъ волны...
Ночь тепла, благоуханна,
Только вы лишь, леди Анна,
Къ этой ночи холодны.
Только вы! Австрійцы даже
Эту ночь, не безъ причинъ
Не сажая въ карантинъ,
Пропустить велѣли стражѣ.
Улыбнитесь-же хоть разъ,
Грудь отъ страсти опорожня?
Ахъ, австрійская таможня
Снисходительнѣе васъ.

*) Единственная порядочная улица въ Венеціи.

II.

Жарко, душно, какъ въ пустынѣ,
Зной клубится по лагунамъ.
Ради Бога, Vetturini,
Принеси кусочекъ льду намъ.
Только леди нѣтъ причины
Прохлаждать себя отъ зноя:
Вмѣсто сердца ужь давно я
Въ ней нашелъ осколокъ льдины.

III.

Площадь Марка блещетъ газомъ,
Мѣсяцъ льетъ лучей снопы...
Я прислушиваюсь къ фразамъ,
Къ смѣху, къ говору толпы.
Что̀ за видъ при лунномъ блескѣ!
Точно брызги серебра
Окропили эти фески,
Фраки, шляпы, кивера,
Эти пестрые наряды
Разныхъ націй и племенъ,
Эти стройныя громады
Къ небу взброшенныхъ колоннъ.
Что за смѣсь! Британцы, янки,
Группы дамъ, Парижа львы,
Звонкій шагъ Венеціанки,
Литераторъ изъ Москвы,
Каски, дѣланныя въ Вѣнѣ,
Въ Вѣнѣ дѣланный народъ...
Все скользитъ, какъ по аренѣ,
Шепчетъ, споритъ иль поетъ.
Что за ночь! въ ней новый жаръ мы
Почерпаемъ... Горе прочь!..
Даже вѣнскіе жандармы
Милы мнѣ въ такую ночь.

IV.

Убѣгу отъ васъ я, леди.
Вы безгрѣшны, какъ пресвитеръ,
И огня въ подобной Ледѣ

Не зажегъ бы самъ Юпитеръ.
Нѣтъ, любовь моя потѣшна...
Я пойду въ салонъ миссъ Мери:
Ахъ, она по крайней мѣрѣ
Хороша и — не безгрѣшна.

V.

No, signore.

Въ Alla Luna шумъ и звонъ.
Межъ столовъ, подобно гончимъ,
Слуги бѣгаютъ. Сэръ Джонъ
Улыбается за «Пончемъ».
Кончивъ скромный свой обѣдъ,
Баринъ, съ ленточкой на груди,
Поднялъ на ноги буфетъ
Изъ-за двухъ пропавшихъ скуди.
Не смущенъ скандаломъ тѣмъ,
Отъ усилья радъ заплакать,
Тамъ въ углу поэтъ А. М.
Ищетъ риѳмъ на слово: слякоть.
Чтожъ мнѣ дѣлать? Злость взяла.
Въ Корсо — рано, душно въ морѣ...
— Мальчикъ, есть у васъ «Пчела»
Новый нумеръ? — «No, signore».
— Нѣтъ? такъ старый дай. Ну что жъ?
«No, signore».. Постоянно
Эта фраза, леди Анна,
Бьетъ меня, какъ острый ножъ.
Помню: васъ спросилъ я въ морѣ:
— Леди, любите-ль меня?
Вы-жъ, спокойствіе храня,
Мнѣ сказали: «No, signore».

VI.

Въ душу вѣрилъ я когда-то,
И въ душѣ былъ очень радъ,
Часто слыша отъ собрата:
— Ты глупецъ и ретроградъ.

Ныньче.... ныньче безпрестанно
Сталъ себѣ я измѣнять:
Сто̀итъ знать васъ, леди Анна,
Чтобъ души не признавать.

VII.

Та̀ Венеція иль эта
Хороша — рѣшить нѣтъ мочи.
Та-ль, гдѣ геній Тинторета,
Тиціана, Сантакроче,
Веронеза и ди Винчи
Расточалъ живыя краски,
Или та, что видимъ ныньче
Подъ орломъ австрійской каски?
Какъ кому! Но въ новомъ блескѣ
Мнѣ милѣй картина эта —
Какъ площадкой Piazzetta
Стройно движутся тедески,
Какъ, ровняясь, скачутъ мимо
Съ барабаннымъ грознымъ боемъ,
Какъ проходитъ строй за строемъ
Вдоль Sanita maritima.
Мнѣ лица не разжигаетъ
Краска гнѣвнаго румянца,
Какъ, порой, палашъ взлетаетъ
Надъ спиною итальянца.
Муза! полно пѣть свободу!
Дай мнѣ Майковскую лиру,
Чтобъ австрійскому мундиру
Я слагалъ за одой оду.

VIII.

Этотъ край обѣтованный,
Съ вѣчнымъ солнцемъ небеса,
Кавалькады съ леди Анной,
Южныхъ красокъ чудеса,
Мнѣ всю жизнь — скажу короче —
Будутъ памятны они —
Эти бархатныя ночи,
Эти блондовые дни.

Женщинѣ.

Oh! n'insultez jamais une femme qui tombe!
V. Hugo.

Надъ падшей женщиной не смѣйтесь съ поругань-
емъ!
Вашъ строгій приговоръ не сталъ бы такъ жестокъ,
Когда бы знали вы, какъ нѣкогда съ страданьемъ
Невидимо боролся въ ней порокъ,
Когда она не разъ, быть можетъ, ожидала —
Вотъ-вотъ протянется спасенія рука...
Такъ иногда на зелени листка
Со всею чистотой прозрачнаго кристалла
Блеститъ роса зари; но листъ затрепеталъ, —
Она спадаетъ въ грязь — и блескъ ея пропалъ.
За что жъ, несчастная, услышитъ крикъ проклятья?
Не ты-ль, истасканный, безнравственный богачъ,
Съ презрѣньемъ слушая ея мольбы и плачъ,
Бросалъ ей золото и звалъ въ свой объятья?
Позоръ и вѣчный стыдъ!... Но кто же виноватъ?
Кто обвинитъ ее сурово за развратъ?
Всему своя пора! Пусть въ грязь она упала,
Какъ та роса, — и блескъ свой потеряла;
Но, чтобъ для нихъ опять сокрылся мракъ ночей, —
Имъ нуженъ свѣтъ любви, свѣтъ солнечныхъ лучей.

Берта.

(В. В. М—ой).

Что за чистый былъ ребенокъ!
Ей подобныхъ мало въ свѣтѣ.
Почеркъ писемъ былъ такъ тонокъ —
Я храню всѣ письма эти.
Дописались мы до свадьбы,
Но родня шепнула Бертѣ:
«Подождать-бы! Подождать-бы!»
Берта струсила до смерти.
Богъ съ тобой, моя малютка!
Вѣдь я самъ довольно кротокъ:
Я — послушался разсудка,
Ты — послушалася тетокъ —
И осталась та же дѣва.
Честь тебѣ, хвала и слава!
Я — отправился на лѣво,
Ты — отправилась на право.
Не встрѣчаться, вѣрно, намъ ужъ
Для вторичнаго урока,
Но когда ты выйдешь за мужъ —
Одного прошу у рока:
Чтобъ безъ краски, не робѣя,
Вслѣдъ за брачнымъ договоромъ,
Запаслась — шепну тебѣ я —
Ты хорошимъ акушёромъ.

Прерванные куплеты.

Безъ страха писать я начну
Цензурныя скромныя строчки,
Когда жъ очень смѣло шагну —
Опомнюсь и выставлю... точки.

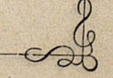
Однажды — кончалась весна —
Въ убогомъ своемъ уголочкѣ
Я жадно читалъ у окна...
Позвольте поставить здѣсь... точки.

Случайно я поднялъ глаза, —
Смотрю: въ бѣлоснѣжной сорочкѣ
Сосѣдка, гибка, какъ лоза...
Позвольте поставить здѣсь... точки.

Посредствомъ различныхъ проказъ
И писемъ на гладкомъ листочкѣ
Достигъ я, какъ новый Ловласъ...
Позвольте поставить здѣсь... точки.

Чрезъ мѣсяцъ я былъ съ ней знакомъ,
И, въ страсти боясь проволочки,
Разъ, вечеромъ темнымъ, тайкомъ...
Позвольте поставить здѣсь... точки.

За тѣмъ каждый день къ воротамъ
Она выбѣгала въ платочкѣ,
Мы вмѣстѣ сходились, а тамъ...
Позвольте поставить здѣсь... точки.

Но тутъ приключилась бѣда,
Мнѣ горько писать эти строчки, —
Я сталъ примѣчать иногда...
Позвольте поставить здѣсь... точки.

Мной было уже рѣшено
Жениться на ней безъ отсрочки.
Какъ вдругъ неожиданно... но,
Позвольте поставить здѣсь... точки.

Пѣвцы! вотъ вамъ добрый совѣтъ:
Держите языкъ на цѣпочкѣ,
А если сорвется куплетъ...
Позвольте поставить здѣсь... точки.

Два слова.

Есть два слова... Не вѣримъ ихъ силѣ
Мы-ли?
Словъ иныхъ, размежающихъ свѣтъ,
Нѣтъ.
Хочешь сдѣлать скандалъ ты великій —
Шикай,
Но кричи, чтобъ враги не нашлись:
Bis!
Свистъ доводитъ людей до раздора
Скоро.
«*Нѣтъ*» — опасно, но мило всегда —
«*Да.*»
Если съ книгой кто явится дикой —
Шикай,
Если-жъ авторъ полезенъ, клянись:
Bis!
Тамъ, гдѣ нужно, сгибаяся аркой,
Шаркай,
А гдѣ чувствуешь верхъ надъ людьми —
Жми.

Взятку мелкую встрѣтишь съ уликой —
Шикай,
Милліонъ пропадетъ — умились:
Bis!
Въ честь грѣховъ, освященныхъ Европой —
Хлопай,
Но преслѣдуй порокъ нищеты
Ты.
Постоянно на геній великій
Шикай,
А бездарнымъ кричать не стыдись:
Bis!

Изъ Гейне.

На глаза ненаглядные дѣвы
Музыкальныя пѣлъ я канцоны,
На улыбку коралловыхъ губокъ
Отвѣчалъ я цертиною звучной,
Я о бархатѣ розовыхъ щечекъ
Распѣвалъ вдохновенные стансы,
А когда-бъ у ней сердце нашлося —
Я сложилъ-бы сонетъ превосходный.

Изъ старой тетрадки.

I.

(В. В. Т.)

О, не смотри, мой другъ, впередъ!
Тамъ все темно, тамъ безотрадно.
Насъ впереди страданье ждетъ,
Чтобъ сердце грызть и мучить жадно.
О, не гляди, мой другъ, назадъ,
Не вспоминай того, что было:
Тамъ рядъ могилъ, тамъ слѣдъ утратъ,
Тамъ все мертво, что прежде жило.
Нѣтъ, будемъ жить послѣднимъ днемъ,
Днемъ настоящимъ, днемъ текущимъ,
И не вспомянемъ, не вздохнемъ
Ни о быломъ, ни о грядущемъ.
Лучь свѣта дорогъ въ царствѣ тьмы...
Повѣрь: подобно многимъ людямъ,
О томъ, какъ нынче любимъ мы —
Мы завтра, можетъ быть забудемъ.
Такъ будемъ жить, любить пока,
Короткимъ счастьемъ полны оба,
А тамъ опять придетъ тоска
И одиночество и злоба.

II.

(А. А. Р—ной).

Жизнь коротка, грядущее — загадка...
Кто знаетъ — смерть негаданно придетъ —
И этихъ пѣсенъ скромная тетрадка,
Быть можетъ, ихъ пѣвца переживетъ.
Тогда склонись покорно предъ судьбою:
Я буду мертвъ, я буду хладный прахъ,
Но часть души моей останется въ стихахъ,
Тобой навѣянныхъ, подсказанныхъ тобою...

III.

Ужъ я сердце свое хороню, хороню...
Умирай съ нимъ скорѣе любовь съумасшедшая,
Всѣ надежды, желанья, все счастье прошедшее,
Какъ покойниковъ, ихъ я теперь хороню.
Пусть живетъ только мирно голубка безцѣнная,
Та, которую я за себя не виню....
Позабывши меня, ты живи, незабвенная,
Я же сердце свое хороню, хороню...

Немезида.

(Изъ Барбье).

О, кто же ты, кто ты, великая жена?
Сравнимъ-ли мы ее съ графиней благородной,
Которая дрожитъ и падаетъ, блѣдна,
Услыша у дверей случайно крикъ народный?
Нѣтъ, эта женщина прекрасна, но дика,
Съ могучимъ голосомъ, съ могучими сосцами,
Овладѣвать вездѣ способная сердцами,
Съ огнемъ въ глазахъ, проворна и легка.
Ей нуженъ крикъ толпы, ей наслажденье въ спорахъ,
Она бѣжитъ туда, гдѣ выстрѣлы гремятъ,
Гдѣ запахомъ своимъ въ ней силы дразнитъ порохъ,
И гдѣ колокола слились въ одинъ набатъ.
Лишь только выходцу изъ черни отдавала
Она порывъ своей восторженной любви,
И этотъ мощный станъ лишь только обвивала
Рука, не разъ одинъ алѣвшая въ крови.

Весенняя пѣсня.

Дайте забвенья мнѣ!... Вечеръ прекрасный!..
Слушайте: чу, раздалась
Пѣснь соловьиная... Музыкой страстной
Въ душу она ворвалась...
(*Баринъ, вамъ счетъ принесли изъ колбасной,*
Требуютъ денегъ сейчасъ.)

Все въ этихъ звукахъ для сердца знакомо, —
Такъ бы всю ночь простоялъ...
Помню я вечеръ на озерѣ Комо —
Звуками воздухъ дрожалъ...
(*Ну, кто звонитъ тамъ? Сказать, что нѣтъ дома,*
Де-скать, весь день не бывалъ.)

Воздухъ глотаю я съ жаждою воли,
Сердце забилось скорѣй,
Стихнули скорби и прежнія боли,
Мысль и свѣтлѣй и бодрѣй...
(*Что тебѣ нужно? — Прикажете, что-ли,*
Къ чаю купить сухарей?)

Спряталось солнце. Какъ пурпуръ румяна
Западъ одѣвшая мгла,
Носятся бѣлыя волны тумана,
Ночь надъ землею легла...
(— *Что ты ревешь такъ? Возьмите болвана...*
— «*Мама мнѣ плюху дала*»!...)

Садъ ароматомъ весны закурился,
Въ окна бѣжитъ ароматъ,
Въ озерѣ мѣсячный столбъ отразился,
Звѣзды все ярче горятъ...
(*Слушай, хоть ты-бъ за жену заступился:*
Все эти хамы грубятъ.)

Ночи весеннія! Вами мы лечимъ
Сердце отъ бурь и тревогъ,
Сердце, привыкшее къ жизненнымъ сѣчамъ...
Ночи! Когда-бы я могъ...
(*Денегъ на ваксу пожалуйте. Нечѣмъ*
Вычистить завтра сапогъ.)

Въ небо смотрю... Голова закружилась...
Ночь голубая плыветъ;
Словно надъ міромъ она наклонилась,
Словно молитву поетъ...
(*Господи! Что тамъ такое случилось?*
— Барыня спать васъ зоветъ!...)

Свадьба.

(Лѣтняя сцена съ натуры.)

На Сѣнной, у храма собрались зѣваки.
Что-то тутъ случилось... Вотъ женихъ во фракѣ

*
* *

Вышелъ и пустился, точно вихорь, съ мѣста;
Вотъ, лице закрывши, вышла и невѣста,

*
* *

Въ платьѣ подвѣнечномъ, въ покрывалѣ бѣломъ,
Видно, впрочемъ, дама въ возврастѣ ужъ зрѣломъ,

*
* *

Плачетъ и трясется, надрывая сердце,
Такъ, что не отыщетъ, гдѣ въ каретѣ дверца.

*
* *

Вотъ въ карету сѣла... Слезы льются градомъ...
Шаферъ, что-ль, родня-ли, съ ней усѣлся рядомъ,—

*
* *

Смотритъ изъ подлобья, пасмурно и косо:
— Ну пошелъ скорѣе! — и, стуча, колеса,

*
* *

Прыгая по камнямъ, вдругъ загрохотали,
А кругомъ зѣваки громко хохотали,

*
* *

И во слѣдъ кричали: «погоняйте прытче!
Ну, ужъ свадьба, братцы! Приключилась притча!»

*
* *

Я стоялъ и слушалъ. Мнѣ купецъ прохожій
Разсказалъ о свадьбѣ, на романъ похожей.

*
* *

— «Вишь съ невѣстой этой поступили скверно.
Хоть шестой десятокъ ей пошелъ, но вѣрно,

*
* *

Очень молодое въ ней сердечко билось:
Вдругъ канцеляристомъ барыня плѣнилась.

*
* *

Этотъ былъ не промахъ,—слылъ со смѣткой малымъ,—
Видитъ — подвернулась краля съ капиталомъ.

*
* *

Влезъ къ ней просто въ душу, ластился, какъ кошка:
Нѣтъ-нѣтъ да деньжонокъ выпроситъ немножко,

*
* *

Обѣщалъ жениться, тратилъ депозитки, —
Да и обобралъ же барыню до нитки,

*
* *

Обобралъ и понялъ... Тутъ ужъ не до свадьбы,
Норовитъ — лишь только какъ нибудь удрать-бы...

*
* *

И, размысливъ здраво, чтобъ бѣды не вышло,
Повернуть рѣшился онъ обратно дышло.

*
* *

Можетъ и удралъ бы, — только на бѣду-то
Братецъ дамы этой повернулъ тутъ круто:

*
* *

Вы, де-скать, обманщикъ, хитрый обольститель,
Такъ по той причинѣ въ церковь не хотите-ль?

*
* *

Тотъ — и такъ и эдакъ, — видитъ — плохо дѣло:
— Ну, такъ повѣнчайте! — отвѣчаетъ смѣло.

*
* *

Свадьбы день назначилъ... (выбралъ день таковскій:
Завтра вѣдь начнется лѣтній постъ, петровскій)

Вотъ невѣста наша наняла карету,
Входятъ въ церковь. Что же? Суженаго нѣту!

*
* *

А межъ тѣмъ онъ долженъ — ужъ таковъ порядокъ —
Въ храмѣ ждать невѣсту. Съ барыней — припадокъ

*
* *

Сдѣлался... Тотчасъ же къ жениху послали
Звать его на свадьбу. Ждали, ждали, ждали...

*
* *

И пока тянулись съ нимъ переговоры,
Разныя условья, споры да покоры,

*
* *

Ночь ужъ приближалась. Наконецъ, когда же
Самъ женихъ подъѣхалъ къ храму въ экипажѣ,

*
* *

Было уже поздно: объявляетъ дьяконъ
— «Бракъ вашъ отложили, и теперь никакъ онъ

*
* *

Быть свершенъ не можетъ: время протянули
До поста, а можно будетъ лишь въ іюлѣ

*
* *

Сочетаться вмѣстѣ вамъ законнымъ бракомъ...»
Вотъ вамъ и вся свадьба!... Уличнымъ зѣвакамъ

*
* *

Только-бъ погорланить, — знай лишь скалятъ зубы,
Потому, выходитъ, — нравы очень грубы.

*
* *

Надъ чужой бѣдою мы смѣяться можемъ,
А къ своей бѣдѣ-то рукъ мы не приложимъ....»

Тангейзеръ.

Поэма Гейне.

(Н. М. Соколовскому.)

Бойтесь, бойтесь, Эссіане,
Сѣти демоновъ. Теперь я
Въ поученье разскажу вамъ
Очень древнее повѣрье.

Жилъ Тангейзеръ — гордый рыцарь;
Поселясь въ горѣ Венеры,
Страстью жгучей и любовью
Наслаждался онъ безъ мѣры.

— «О, красавица Венера!
Часъ пришелъ съ тобой прощаться.
Не могу я жить съ тобою,
Не могу здѣсь оставаться.»

— «Милый рыцарь, ты сегодня
Скупъ на ласки. Для чего же,
Не ласкаясь и тоскуя,
Хочешь бросить это ложе?

«Каждый день виномъ янтарнымъ
Я твой кубокъ наполняла,
И вѣнокъ изъ розъ душистыхъ
Каждый день тебѣ свивала.»

— «Мнѣ наскучили, подруга,
Поцѣлуи, вина, розы,
Мнѣ нужны теперь страданья,
Мнѣ доступны только слезы.

«Пусть замолкнутъ смѣхъ и шутки,
Скорбь зову къ себѣ на смѣну;
Вмѣсто розъ вѣнокъ терновый
Я на голову надѣну.»

— «Милый рыцарь мой, Тангейзеръ,
Ищешь ссоры ты, конечно;
Гдѣ-жь та клятва, что со мною
Обѣщался жить ты вѣчно?

«Въ темной спальнѣ, въ сладкой нѣгѣ
Я-бъ развлечь тебя умѣла...
Наслажденье обѣщаетъ
Это мраморное тѣло.»

— «Нѣтъ, красавица Венера,
Красота твоя не вянетъ,
Многихъ, многихъ видъ твой дивный
Очаруетъ и обманетъ.

«На груди твоей въ блаженствѣ
Замирали боги, люди,
И теперь мнѣ сталъ противенъ
Вѣчный трепетъ этой груди.

«Ты до нынѣ всѣхъ готова
Звать на ложе наслажденья,
Потому къ тебѣ невольно
Получилъ я отвращенье.»

— «Рѣчь твоя меня жестоко,
Милый рыцарь, оскорбила.
Билъ меня ты, но побои
Прежде легче я сносила.

«Можно вынести удары,
Какъ бы ни были жестоки,
Но выслушивать не въ силахъ
Я подобные упреки.

«Ласкъ моихъ тебѣ не нужно,
Не нужна моя забота —
Такъ прощай, мой другъ, — сама я
Отворю тебѣ ворота.»

II.

Гулъ и звонъ въ священномъ Римѣ,
Рядъ прелатовъ внемлетъ хору,
И въ процессіи самъ папа
Тихо шествуетъ къ собору.

На челѣ Урбана — папы
Блескъ тіары драгоцѣнной —
И за нимъ несутъ бароны
Пурпуръ мантіи священной.

— «Подожди, святой владыко!
Мнѣ въ грѣхѣ открыться надо!..
Только ты лишь вырвать можешь
Душу грѣшную изъ ада!..»

Хоръ замолкъ... Священныхъ гимновъ
На минуту стихли звуки,
И къ погамъ Урбана папы
Грѣшникъ палъ, поднявши руки:

— «Ты одинъ, святой владыко,
Судишь правыхъ и неправыхъ,
Защити меня отъ ада,
Отъ сѣтей его лукавыхъ!..

«Имя мнѣ — Тангейзеръ, рыцарь.
За блаженствомъ я гонялся,
И семь лѣтъ въ горѣ Венеры
Нѣгой страсти упивался.

«Лучшій цвѣтъ красавицъ міра
Предъ Венерою блѣднѣетъ,
Отъ рѣчей ея волшебныхъ
Сердце мечется и млѣетъ.

«Какъ цвѣтовъ благоуханье
Мотылька невольно манитъ,
Такъ меня къ губамъ Венеры
Непонятной силой тянетъ.

«По плечамъ ея роскошнымъ
Кудри падаютъ каскадомъ;
Я нѣмѣлъ, какъ заколдованъ,
Подъ ея всесильнымъ взглядомъ.

«Я стоялъ предъ нимъ недвижимъ,
Тайнымъ трепетомъ объятый,
И едва мнѣ силъ достало
Убѣжать съ горы проклятой.

«Я бѣжалъ, но вслѣдъ за мною
Взоръ слѣдилъ все съ той же силой,
И манилъ онъ и шепталъ онъ:
«О! вернись, вернись, мой милый!»

«Днемъ брожу я, словно призракъ,
Ночь придетъ — и съ тѣмъ же взглядомъ
Та красавица приходитъ,
И со мной садится рядомъ.

«Слышенъ смѣхъ ея безумный,
Зубы бѣлые сверкаютъ...
Только вспомню этотъ хохотъ —
Слезы съ глазъ моихъ сбѣгаютъ.

«Я люблю ее насильно,
Страсти гнетъ съ себя не скину;
Та любовь сильна, какъ волны,
Разорвавшія плотину.

«Эти волны несдержимо
Въ бѣлой пѣнѣ съ ревомъ мчатся,
И, при встрѣчѣ все ломая,
Въ брызги мелкія дробятся....

«Если бъ могъ я—даже небо
Положилъ къ ногамъ Венеры,
Для нея сорвалъ бы солнце
И луну съ небесной сферы.

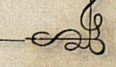
«Я спаленъ любовью грѣшной...
Сердце выжжено, какъ камень...
Не уже-ль въ груди изнывшей
Не угаснетъ адскій пламень?

«Ты одинъ, святѣйшій папа,
Судишь правыхъ и неправыхъ,
Защити-жь меня отъ ада,
Отъ сѣтей его лукавыхъ!...»

Папа къ небу поднялъ руки
И, вздохнувъ, отвѣтилъ тѣмъ онъ:
— «Сынъ мой! власть моя безсильна
Тамъ, гдѣ власть имѣетъ демонъ!

«Страшный демонъ тотъ — Венера!
Изъ когтей ея прекрасныхъ
Не могу я, бѣдный рыцарь,
Вырвать жертвъ ея несчастныхъ.

«Ты поплатишься душою
За усладу плоти грѣшной;
Проклятъ ты, — а проклятòму
Путь одинъ — во адъ кромѣшный!»...

III.

И назадъ пошелъ Тангейзеръ,
Больно въ кровь стирая ноги.
Въ ночь вернулся онъ къ Венерѣ
Въ подземельные чертоги.

И забыла сонъ Венера,
Быстро ложе покидала,
И любовника, руками
Обвивая, цѣловала.

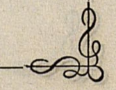
Но ложится молча рыцарь,
Имъ восторгъ не обнаруженъ,
А Венера гостю въ кухнѣ
Приготавливаетъ ужинъ.

Поданъ ужинъ, и хозяйка
Гостю кудри расчесала,
На ногахъ омыла раны,
И привѣтливо шептала:

— «Милый рыцарь, мой Тангейзеръ,
Долго ты не возвращался;
Разскажи, въ какихъ же странахъ
Столько времени скитался?»

— «Былъ въ Италіи и въ Римѣ
Я, подруга дорогая,
По дѣламъ своимъ, но больше
Не поѣду никуда я.

«Тамъ гдѣ Рима дальній берегъ
Тибръ волнами орошаетъ,
Папу видѣлъ я: Венерѣ
Онъ поклоны, посылаетъ.

«Чрезъ Флоренцію изъ Рима
Я прошелъ, и былъ въ Миланѣ,
Проходилъ я черезъ Альпы,
Изчезая въ ихъ туманѣ.

«И когда я шелъ чрезъ Альпы —
Падалъ снѣгъ; мнѣ улыбались
Вкругъ озера голубыя,
И орлы перекликались.

«Я съ вершины Сен-Готарда
Слышалъ какъ храпѣла звонко
Вся страна почтенныхъ нѣмцевъ,
Спавшихъ сладкимъ сномъ ребенка.

«И опять теперь вернулся
Я къ тебѣ, къ моей Венерѣ, —
И до гроба не покину
Я твоей волшебной двери.»

Уѣздный городокъ.

I.

Въ натурѣ.

I.

Въ нашемъ городѣ жизнь улыбается
Прощалыгамъ однимъ да ворамъ;
Что ни шагъ — то душа возмущается,
Какъ пойдешь по уѣзднымъ дворамъ.

II.

Залита грязью площадь базарная,
И разбитый гніетъ тротуаръ;
Здѣсь не рѣдко команда пожарная
Прикатитъ безъ воды на пожаръ.

III.

Все начальство пропахло здѣсь взятками,
Всѣмъ берутъ — что кладутъ на вѣсы:
Ситцемъ, сахаромъ, чаемъ, лошадками
И, пожалуй, кускомъ колбасы.

IV.

Здѣсь обычай такой городничаго:
Если въ лавку поѣдетъ жена —
Говоритъ: «ты, смотри, не купи чего —
Лавка даромъ давать мнѣ должна».

V.

Нашъ исправникъ, стариннаго норова,
Пьетъ за двухъ онъ тринадцатый годъ,
А ужь грабитъ — такъ грабитъ онъ здорово,
Да и ухомъ себѣ не ведетъ.

VI.

Не боясь обличенья столичнаго,
Лихоимствомъ живетъ нашъ судья;
По словамъ стихотворца отличнаго:
«При колодцѣ пустынь онъ бадья».

VII.

Сплетни, карты, баталіи съ женами,
Вотъ и все, что встрѣчаешь у насъ;
Съ крючкотворами тѣми прожженными
Не зѣвай, попадешься какъ разъ.

VIII.

Въ нашемъ городѣ жизнь улыбается
Прощалыгамъ однимъ да ворамъ;
Что ни шагъ, то душа возмущается,
Какъ пойдешь по уѣзднымъ дворамъ.

Уѣздный городокъ.

II.

Въ газетѣ.

I.

Въ нашемъ городѣ жизнь улыбается
Всѣмъ, кто въ городѣ только живетъ,
И невольно слеза проливается,
Если ступишь ногой изъ воротъ.

II.

Мостовой крыта площадь базарная,
Тротуаръ, какъ картинка на видъ,
Аккуратна команда пожарная,
Въ фонаряхъ керасинъ здѣсь горитъ.

III.

Здѣсь начальство гнушается взятками,
И привычки такія давно
Называетъ привычками гадкими:
«Брать-де стыдно теперь и грѣшно».

IV.

Городничій у насъ... городничаго
Мы такого не сыщемъ нигдѣ —
(Не всегда лишь умѣютъ постичь его)
Онъ любому поможетъ въ бѣдѣ.

V.

Нашъ исправникъ безъ всякаго норова,
Вѣдь хмѣльнаго и въ ротъ не беретъ,
А поймаетъ онъ вора котораго —
То его со слезами деретъ.

VI.

Нашъ судья же не тронетъ и волоса,
Если видитъ, что правъ человѣкъ,
И въ статейкахъ изданія «*Голоса*»
Одобряетъ онъ нынѣшній вѣкъ.

VII.

Сплетни, пьянство, съ семействомъ баталіи —
Ихъ не знаетъ у насъ гражданинъ;
Здѣсь у женщинъ высокія таліи,
И высокая честь у мужчинъ

VIII.

Въ нашемъ городѣ жизнь улыбается
Всѣмъ, кто въ городѣ только живетъ,
И невольно слеза проливается,
Если ступишь ногой изъ воротъ.

Та или эта?

(Поэма).

I.

Лишь надъ городомъ зимней порой
Ночь морозная выплыветъ разомъ,
Тамъ, въ туманѣ, двойной полосой
Загорятся всѣ улицы газомъ.
Мимо пышныхъ и темныхъ палатъ,
Мимо лавокъ, вкругъ залитыхъ блескомъ,
Въ перегонку куда-то спѣшатъ
Все кареты — кареты на Невскомъ,
На каретахъ мелькаютъ гербы,
А за стеклами блѣдныя лица,
Ветхихъ старцевъ нависшіе лбы
Или взбитые локоны львицы.
Тамъ толпами летитъ молодежь,
Рысаковъ дорогихъ загоняя...
Что̀, бѣднякъ, ты съ дороги нейдешь,
Вкругъ усталые взоры роняя?...
Вѣдь задавятъ, пожалуй, какъ разъ!
Намъ такія потѣхи не диво...
Сторонись — и отъ буйныхъ проказъ
Въ темный уголъ забейся пугливо...
Но куда-жъ эти люди спѣшатъ?
Гонитъ, вѣрно, ихъ спѣшное дѣло!
Вѣдь извѣстно: намъ мода велѣла
Жить, какъ истый живетъ демократъ,
И кричать возмутительно смѣло:
«Дорогъ намъ погибающій братъ!»

Дорогъ! Да, господа, вѣдь не такъ ли?
Въ пользу бѣдныхъ даемъ мы спектакли,
Сочиняемъ балы, пикники,
Разорятся для нихъ не устанемъ
И, пожалуй, гуманно протянемъ
Мѣщанину три пальца руки...
Пусть вамъ на̀-слово бѣдность не вѣритъ,
И какой нибудь скептикъ-бѣднякъ,
Забираясь въ свой темный чердакъ,
Тайно думаетъ: міръ лицемѣритъ, —
И, въ окно свое глядя на васъ,
На проспектъ, гдѣ вашъ поѣздъ несется,
Сардонически-горько смѣется —
Не смущайтесь!... И вновь на показъ,
Чтобъ почтила васъ бойкая пресса,
Наслаждайтеся въ пользу прогресса...
И въ туманной, морозной пыли
Экипажи, какъ тѣни, летѣли,
А по гладкой, широкой панели
Шла толпа... Люди разные шли...
И въ тотъ часъ, — его знаетъ столица, —
Тамъ, при блескѣ ночныхъ фонарей,
Женщинъ чахлыя, блѣдныя лица
Словно кажутся вдвое блѣднѣй.
Всѣмъ въ глаза онѣ смотрятъ такъ жадно,
Такъ открытъ, откровененъ ихъ торгъ,
Что̀ поймешь, какъ толпа плотоядна,
Покупной принимая восторгъ!..
О, какъ нравственны тутъ не въ примѣръ вы,
Моралисты!.. Какъ грозенъ вашъ видъ!..
Проходите жъ... Суровѣй Минервы,
Вы испортите свой аппетитъ
Иль разстроите слабые нервы...
Проходите-жъ... Безстрастны, какъ сталь,
Вы готовы — примѣры не рѣдки —
Добродѣтели книжной мораль
Проповѣдывать падшей сосѣдкѣ,
И казнить, и казнить, и казнить,

Не смягчаясь предъ жертвой порока,
И, рисуясь предъ нею, ходить
Подъ мишурнымъ вѣнкомъ лже-пророка!..

II.

Если поздняя, зимняя ночь
Застаетъ меня въ темномъ кварталѣ,
Не могу я тоски превозмочь
И какой-то зловѣщей печали.
Безъ слезы надрывается грудь,
А надъ ухомъ, какіе-то звуки,
Раздражительно-полные муки,
Ни на мигъ не даютъ отдохнуть.
Какъ гроба, вкругъ безмолвныя зданья
Цѣпью длинной встаютъ вкругъ меня;
Ихъ сковало глухое молчанье
Послѣ шумнаго, зимняго дня.
Точно спитъ этихъ зданій громада, —
Развѣ гдѣ нибудь, тамъ, въ вышинѣ,
Съ чердака тускло свѣтитъ лампада,
Да мелькнетъ чья-то тѣнь на окнѣ.
Гдѣ нибудь, сквозь оконныя рамы,
Чей-то профиль усталый скользнетъ..
И я вижу незримыя драмы,
Блѣдный призракъ коритъ и зоветъ...
Мнѣ все чудится въ мертвомъ молчаньи,
Въ плачѣ вѣтра, подавленный крикъ,
И мольбы, и глухія рыданья,
И несвязной молитвы языкъ;
И, межъ тѣмъ какъ роскошныя грезы
Стерегутъ твое ложе богачъ —
За стѣной твоей — голода слезы,
Скорбь паденья, насилья — и плачъ
Тѣхъ несчастныхъ, что въ омутѣ грязномъ
Жизнь встрѣчаютъ, какъ тяжкій урокъ,
Гдѣ въ величьи своемъ безобразномъ,

Нищету окружая соблазномъ,
Торжествуя хохочетъ порокъ...
И становится страшно и больно —
Вопль и скрежетъ — куда ни иди,
И трепещешь, пугаясь невольно,
Словно сердце рыдаетъ въ груди...
Все, что бѣдно, забито и сиро,
Изъ подваловъ, изъ темныхъ угловъ
Точно стонетъ и молитъ безъ словъ
Подъ лохмотьями нищаго міра.
Вотъ одинъ невеселый разсказъ...
Онъ пронзительной нотою въ уши
Пусть звучитъ, отомщая за васъ,
Міра темнаго падшія души.
Если искру любви до конца
Онъ въ порочную грудь не заронитъ,
Можетъ быть, молодыя сердца
Новымъ чувствомъ взволнуетъ и тронетъ.
Хоть въ немногихъ запавъ, можетъ быть,
Тамъ, у двери житейскаго рая,
Онъ научитъ прощать и щадить,
Онъ научитъ любить, проклиная.

III.

Жертва пошлой мірской суеты
И холодной, больной нищеты
И цѣпей золоченыхъ разврата —
Тѣнью блѣдной явилась мнѣ ты!..
Образъ женскій, знакомый когда-то,
Я въ душѣ своей тайно сберегъ,
Я люблю его злою любовью,
Какъ протестъ нашъ, написанный кровью,
Какъ язвительный жизни упрекъ...
На яву и во снѣ сквозь просонокъ
Мнѣ все чудится кроткій ребенокъ,
Безсловесный, пугливый, больной,

Исхудалый, забитый семьей,
Пріученный къ побоямъ съ пеленокъ...
Онъ отъ ранняго дѣтства не зналъ,
Какъ теплы поцалуи и ласки,
И молитвы и дѣтскія сказки,
Надъ ребенкомъ никто не шепталъ.
Безъ призора въ семьѣ безобразной
Не привыкъ онъ участье встрѣчать:
Билъ отецъ его, старый приказный,
Вѣчно пьяный, угрюмый и грязный,
Била злая и вздорная мать.
И никто этой дѣвочки хилой
Съ впалой грудью и съ блѣдной щекой
Не ласкалъ дружелюбной рукой.
Жизнь явилась ей темной могилой
Съ безъисходной глубокой тоской!..
Годы дѣтства — печальные годы
Ей казалися смутно потомъ
Лишь какимъ-то туманнымъ пятномъ
Безразсвѣтно-забитой свободы,
Поруганьемъ ребяческихъ грезъ
И средой, гдѣ однѣ колотушки
Доводили ребенка до слезъ,
Затаённыхъ на дѣтской подушкѣ.
Лишь ей помнились, будто сквозь сонъ,
Пѣсни грубыя, крики и звонъ
То стакановъ, то рюмокъ разбитыхъ,
И отецъ, межъ какихъ-то небритыхъ,
Раскраснѣвшихся, буйныхъ гостей.
Въ лихорадкѣ, забившись въ свой уголъ,
Дочь, съ пугливостью робкихъ дѣтей,
Ихъ боялась, какъ сказочныхъ пугалъ,
И ждала, что, шатаясь, отецъ
Иль пинкомъ ее скинетъ съ постели,
Иль, уставъ ее бить, наконецъ,
Броситъ на ночь въ холодныя сѣни.
И еще одинъ день сберегла
Память дѣвочки... Дочь не забыла

Темный вечеръ... Ненастье и мгла...
Дождь въ окно барабанилъ уныло.
Вдругъ отца ея мертваго трупъ
Принесли... На постель положили...
Взглядъ недвижный безсмысленъ и тупъ,
И изгибы холодные губъ
Въ неестественной корчѣ застыли.
«Утонулъ!» ей звенѣло въ ушахъ,
И она, словно листъ, задрожала,
И, за шкапомъ забившись въ потьмахъ,
До зари своихъ глазъ не смыкала,
Безучастно смотрѣла, какъ въ гробъ
На другой день отца положили,
Какъ куда-то свезли, и какъ попъ
И дьячекъ на обѣдъ приходили...
Такъ безъ горя отца схоронивъ,
И домой возвратясь на поминки,
Все не плакалъ ребенокъ, слезинки
Ни единой по немъ не сронивъ.
Вѣдь любви это сердце не знало!..
Поняла она дѣтской душой,
Что въ отцѣ ничего не теряла,
Что отецъ для нея былъ чужой.
И не разъ её мать поносила,
И гнала беззащитную прочь!..
«Ты отца своего не любила
И, не плача, его схоронила —
Ты, проклятая, гадкая дочь!..»
Такъ мелькнуло ужасное дѣтство
Для Наташи, оставивши ей
Чувство вѣчнаго страха въ наслѣдство.
Съ тайной скрытностью робкихъ дѣтей.
Молчаливая дома и въ школѣ,
Беззаботныхъ подругъ далека,
Ей хотѣлось-бы прыгать на волѣ,
Но была она въ людяхъ дика.
Сердце дѣтское жаждало ласки
И привѣта просило давно,

А большіе и строгіе глазки
Часто такъ говорили умно,
Вдругъ такой загорался въ нихъ разумъ,
Что̀ пугали и нѣжили разомъ.
Нѣтъ, отъ жизни напрасно ждала
Эта дѣвочка жадно чего-то...
Лучше-бъ съ этого сердца, какъ мгла,
Никогда не сходила дремота,
Лучше бъ страсть эту душу не жгла!..
Коротко было счастье Наташи!
Коротка ея жизни весна:
Такъ, какъ многія женщины наши,
Въ мірѣ пошлости пала она.
Омутъ тёменъ... Напрасны усилья...
Жизнь капризна, какъ дряхлый старикъ,
И обломитъ безсильныя крылья,
И задавитъ мучительный крикъ.
Для чего же сосѣда уроки
(Онъ уменъ былъ, ученъ и хорошъ)
Ты любила, дитя? Для чего-жъ
То поэта волшебныя строки
Онъ шепталъ тебѣ нѣжно въ саду,
То въ волненьи любви, какъ въ чаду,
Тайнымъ жегъ твое сердце признаньемъ,
То дивилъ краснорѣчьемъ и знаньемъ?
Для чего жь онъ твой сонъ нарушалъ,
И, склонясь къ твоему изголовью,
Рисовалъ, вдохновленный любовью,
Человѣка святой идеалъ?
Нѣтъ, иначе вѣдь мать разсудила,
На губахъ твоихъ замеръ отвѣтъ:
За работой ты вздохъ подавила,
И съ позоромъ былъ прогнанъ сосѣдъ,
Въ печь заброшены книги и ноты...
Но еще испытала не все ты
И не весь еще выпила ядъ
Изъ корыстной руки старушенки.
Пусть глаза твои ярко глядятъ,

Пусть черты такъ плѣнительно тонки,
Пусть роскошной, пахучей волной
На плечо твое падаетъ локонъ —
Берегись и смотри—мимо оконъ,
Въ фаетонѣ, развратникъ больной
Подъѣзжаетъ къ квартирѣ старухи.
Руки гостя костлявы и сухи,
Но на нихъ бриліанты горятъ,
Краска жизни давно въ немъ убита,
И во всемъ существѣ сибарита
Лишь съ подагрою споритъ развратъ.
Чтожъ дрожишь ты, ребенокъ пугливый?
Что̀ головкой печально поникъ?
Вѣдь истасканный этотъ старикъ
Все сулитъ тебѣ жребій счастливый...
Пусть, сгибаясь змѣей предъ тобой,
Онъ здѣсь ищетъ не брачнаго ложа,
Но наложницу ищетъ... Такъ что же?
Вотъ послушай старухи сѣдой,
Посовѣтуйся съ ней въ тихомолку
И, сломивъ трудовую иголку,
Одѣвайся и въ бархатъ и въ шелкъ...
Позабудь свои дѣтскія грезы:
Слушать старшихъ — послѣдній твой долгъ.
Затаи-жъ набѣжавшія слезы
И заставь замолчать какъ нибудь
Накипѣвшую ужасомъ грудь.
Рѣшено... Безполезны всѣ муки:
За тебя взятъ задатокъ впередъ,
И торговки дрожащія руки
Прячутъ страшныя деньги въ комодъ...
Совершилось ужасное дѣло!..
И лишь видѣла темная ночь,
Какъ, рыдая, весна отлетѣла
Отъ поруганной дѣвушки прочь,
Какъ съ порокомъ бороться не смѣла
Оскорбленная, падшая дочь.

IV.

Вечеръ. Длинная, свѣтлая зала...
Шумъ и говоръ, звенящій хрусталь,
И разбитая въ залѣ рояль,
Какъ разбитая грудь, замирала.
Щеголяли своей наготой
Женщинъ блѣдныхъ открытыя плечи,
И носились межъ пестрой толпой
Лишь цинически-смѣлыя рѣчи.
За клавишами нѣмецъ-тапёръ
Дразнитъ ухо аккордомъ канкана...
Но кого это встрѣтилъ мой взоръ
Тамъ, въ тѣни, на подушкѣ дивана?
— Посмотри, словно на ухо мнѣ
Такъ шепталъ въ этотъ часъ Мефистофель, —
Посмотри вотъ дрожитъ на стѣнѣ
Этотъ чистый задумчивый профиль.
Полюбуйся и знай, что не мы
Раздавили покой этой груди.
Пощадили-бъ ее духи тьмы,
Не щадили одни только люди!
Полюбуйся, какъ вѣчно жестокъ
Человѣкъ къ беззащитнымъ созданьямъ,
Но пойми, что и самый порокъ
Сжечь не могъ своимъ мертвымъ дыханьемъ
Этой дѣтски-прекрасной души,
Хоть твердилъ ей весь міръ съ поруганьемъ,
Съ рѣзкимъ крикомъ: грѣши и грѣши!...
И въ фигурѣ безмовно-прекрасной
Я тоскливо Наташу узналъ:
Въ ту минуту тотъ праздникъ ужасный
Мнѣ еще отвратительнѣй сталъ.
Эти люди... Зловѣщая сфера...
И въ грязи той, несчастная, ты!
Вотъ оцѣнка твоей красоты!

Вотъ твоя золотая карьера!..
Между женщинъ мишурныхъ одна,
Какъ мертвецъ холодна и блѣдна,
Тамъ вокругъ озирается дико,
Посреди изступленья и крика,
Все сноситъ и смѣяться должна...
Нѣтъ, забудь міръ скорбей и печалей!
Тутъ не кстати твой дѣтскій испугъ —
Межъ раскрашенныхъ, наглыхъ подругъ
Позабудься въ чаду вакханалій.
Вотъ вино!.. Пей, заблудшая, пей...
И вино она жадно глотала,
И, смущая весельемъ гостей,
Какъ-то дико и зло хохотала...
Но мгновенье — и бредъ улеталъ,
И блудница тряслася нѣмая,
Разбивала въ осколки бокалъ,
И кидалася въ уголъ, рыдая.
И межъ тѣмъ какъ ломала она
Свои блѣдныя, тонкія руки —
Доносились къ ней хохота звуки
И позорное слово: «пьяна!»
Задави же свой стонъ, задави,
Вѣсь на золото жаръ поцѣлуя,
И за прахъ оскорбленной любви
Ненавидѣть учись, негодуя.
Но когда же общественный судъ
Призоветъ тебя къ нравственной казни, —
Гордо встань и иди безъ боязни.
Пусть паденьемъ тебя упрекнутъ —
Брось въ глаза имъ ихъ общую повѣсть,
Гдѣ не разъ ихъ преступная совѣсть
Обличала продажныхъ Іудъ.
Тотъ — всѣхъ грабилъ, забывши законы,
Сироту въ міръ пустилъ не одну,
Тотъ — женитьбою бралъ милліоны,
А въ приданое къ деньгамъ — жену.
Тамъ — въ торговомъ, холодномъ развратѣ

Кровь сосалъ бѣдняка откупщикъ,
Здѣсь — послѣднее чувство утратя,
Надъ ребенкомъ ругался старикъ;
Тамъ — всѣмъ льстя и потворствуя ловко,
Брали наглостью мѣдные лбы,
Дочерей продавала торговка,
Постъ держала и ѣла грибы.

V.

Вотъ внизу, напримѣръ, въ бель-этажѣ,
Въ нѣгѣ, въ роскоши дама живетъ.
Ужъ съ утра у воротъ экипажи,
А въ пріемныхъ толпится народъ,
Ужъ съ утра до заката денницы
Тонко лесть ей куритъ ѳиміамъ,
Львы блестящіе — роскошь столицы
На поклонъ къ ней съѣзжаются тамъ.
Для чего же толпы эпиграмма
Это темное имя щадитъ?
Кто она — благородная дама
Съ добродѣтелью, взятой въ кредитъ?
Первый мужъ ея въ петлѣ банкрота
Умеръ, нищимъ не ставши едва.
Въ тотъ же годъ молодая вдова,
Чтобъ мотать капиталъ идіота,
Вышла замужъ — гласила молва.
Что жъ? Развратъ такъ изящно приличенъ,
И закономъ и модой прикрытъ,
И для насъ къ колыбели привыченъ...
Такъ кого же она удивитъ?
Никого!.. Тайна брачнаго ложа
И загадочна всѣмъ и темна,
И не вѣдаетъ даже она,
Что кого изъ толпы молодежи
Завтра выбрать счастливцемъ должна.....
Молодежи столичной осадки!
Лишь становится гадко за васъ,

Что смѣнялись вы столько же разъ,
Сколько львица смѣняла перчатки.
Но отъ нихъ-ли услышишь упрекъ
Ты, новѣйшихъ временъ Мессалина?
Подарилъ тебѣ сына твой рокъ —
Ты съ проклятьемъ отвергла и сына.
Онъ попалъ въ воспитательный домъ,
Къ вамъ, забытыя, сирыя дѣти,
А она, съ вѣчно яснымъ лицомъ,
Вновь явилась царицею въ свѣтѣ.
Отъ порывовъ любви и огня
Застраховано сердце вѣдь это,
И она, — было сказано гдѣ-то —
Лишь покой своей груди цѣня,
Берегла эту грудь... для корсета.
Но при томъ не чужда ей была
И чувствительность нервная дамы:
Въ пятомъ актѣ любой мелодрамы
Проливать она слезы могла.
Разъ, взглянувъ на статую Сатурна,
Изъ груди ея вырвался стонъ,
И едва съ ней не сдѣлалось дурно,
Да нашелся со спиртомъ флаконъ...
Что же судьи? Ее отчего-жъ вы
Не рѣшаетесь гласно карать?
Нѣтъ, способны вы всѣ цѣловать
Даже слѣдъ ея узкой подошвы,
И въ ногахъ ея милости ждать.
Такъ смирите-жъ проклятія ваши
Предъ разбитою жизнью Наташи!
Вамъ казнить такъ легко, ни почемъ!..
Вѣдь съ запасами мертвой морали
Наслажденіе — быть палачомъ
Тѣхъ, кого мы съ пеленъ развращали,
Тѣхъ, въ комъ чувства священнаго жаръ
Мы давили безъ сердца, безъ краски,
И, въ нихъ видя лишь красный товаръ,
На общественный гнали базаръ

Продавать не продажныя ласки.
Но, когда превратимъ ихъ въ табунъ,
Сердце выжжемъ и жизнь изломаемъ,
Вотъ тогда-то мы съ шаткихъ трибунъ
Въ нихъ холоднымъ проклятьемъ бросаемъ...
И напрасно-бъ, терзая сердца,
Униженная жертва искала
Первый образъ того идеала,
Что поруганнымъ былъ до конца,
Но вездѣ бы, повсюду встрѣчала
Оскорбительный хохотъ глупца
И циническій вызовъ нахала.
Вопль ея ни на мигъ не смутитъ
Филантроповъ недвижныя лица,
И одинъ приговоръ прозвучитъ:
«Нѣтъ тебѣ покаянья, блудница»!

О, какъ въ гнѣвѣ своемъ хороши
Вы, каратели язвы публичной,
Убѣжденій своихъ торгаши
Подъ румянами маски двуличной!
Приговоръ вашъ: слова и слова...
Въ громкихъ фразахъ — вамъ милы обновы,
И вчерашнихъ боговъ вы готовы
Завтра всѣхъ истребить на дрова.
Безпощадны вы такъ для чего же?..
Нѣтъ, постойте, вѣдь эта жена,
Что толпѣ продаетъ свое ложе,
Васъ достойна: и вы, какъ она,
Честь на карту поставите тоже;
Какъ она, вы, порою, не прочь
Низко пасть, обезчестить собрата,
Воспитаньемъ растлить свою дочь,
И толкнуть на дорогу разврата.
Не спѣшите-жъ!.. Васъ кара найдетъ
Межъ людей-ли, въ своемъ кабинетѣ-ль,
И такихъ же блудницъ въ васъ побьетъ,
Подвязную сорвавъ добродѣтель.

Гномъ.

Артистъ! Не слушай молодежь.
Совѣтъ я дать хочу:
Когда хулителей найдешь,
Цѣни ихъ мнѣнья въ мѣдный грошъ,
Себя сомнѣньемъ не тревожь, —
Ты потому для всѣхъ хорошъ
Что всѣмъ ты по плечу.

*
* *

Тебя пойметъ бульварный сбродъ;
Тебѣ швырнутъ вѣнокъ:
И театральный идіотъ
И нашъ дешовый патріотъ
И раззоренья ждущій мотъ...
Срывай же лавры безъ хлопотъ
На долгій, долгій срокъ.

*
* *

Пусть ты коротокъ и кургузъ,
Но въ этомъ-то весь шикъ...
Умѣй смѣшно надѣть картузъ,
Изобразить какъ труситъ трусъ,
Какъ пьянъ иной великоруссъ —
И будешь ты тогда, клянусь —
Комиченъ и великъ.

*
* *

Берись за все... Различья нѣтъ —
«Макбетъ»-ли, «Вицъ-мундиръ»...
И, если по сердцу «Гамлетъ»,
Напяль гамлетовскій беретъ,
И восторгай столичный свѣтъ...
Тебя-ль смутитъ, артистовъ цвѣтъ,
Какой нибудь Шекспиръ?

*
* *

Гордится имъ надменный Бритъ,
Но ты въ одинъ пріемъ,
Шекспиру давъ славянскій видъ,
Намъ подорвешь его кредитъ,
Покажешь какъ онъ не развитъ,
И мнѣнья гражданъ невскихъ плитъ
Перевернешь вверхъ дномъ.

*
* *

Будь смѣлъ, — а прочее все вздоръ.
Нѣтъ въ мірѣ трудныхъ темъ:
Не знаешь роль — спасетъ суфлеръ,
За твой сценическій задоръ,
Раекъ дастъ славный приговоръ...
Ужъ тѣмъ великій ты актеръ,
Что по плечу ты всѣмъ.

*
* *

Раекъ у насъ — изъ разныхъ сферъ,
Въ райкѣ вся мощь пока,
Раекъ — и ложи и партеръ,
Раекъ изъ франтовъ и мегеръ,
Изъ паразитовъ и гетэръ,
И всѣ расхвалятъ не въ примѣръ
Тебя, артистъ райка.

*
* *

Для новыхъ истинъ, новыхъ словъ
(Для насъ въ нихъ смертный грѣхъ)
Еще до нынѣ не готовъ
Міръ — лазаретъ больныхъ головъ,
И подъ копытами ословъ
Погибнетъ тотъ, кто былъ бы новъ,
Кто былъ бы выше всѣхъ.

*
* *

Такъ торжествуй же, лилипутъ!
Твой праздникъ на дворѣ.
Тебя въ райкѣ превознесутъ,
И въ бенефисъ твой поднесутъ
Тебѣ серебряный сосудъ,
Признавъ и смыслъ и долгій трудъ
Въ плохой твоей игрѣ.

Письмо Татьяны у Пушкина, почти тоже

Послѣднее письмо.

They tell me't is decided; you depart;
'T is wise—'t is well, but not the less a pain...
Byron.

Вы ѣдете... Теперь все рѣшено.
Пусть будетъ такъ, хотя бы я страдала...
Мнѣ правъ надъ сердцемъ вашимъ не дано,
Я счастья впереди не ожидала.
Любить, любить — вотъ все, что я желала,
Вотъ все, что мнѣ забыть не суждено...
Вы ждете слезъ въ письмѣ моемъ — не такъ-ли?
Не ждите ихъ — онѣ давно изсякли.

*
* *

«Я васъ люблю, люблю до этихъ поръ,
Снося гоненье свѣта и презрѣнье,
И не тяжелъ мнѣ собственный позоръ:
Прошедшему я шлю благословенье;
И за него ни на одно мгновенье
Я ни предъ кѣмъ не опущу свой взоръ.
А къ вамъ пишу невольно эти строки, —
Не нужны мнѣ ни ласки, ни упреки.

*
* *

«Любовь мущины — краткій эпизодъ,
А женщина вся отдается страсти.
Васъ въ будущемъ нерѣдко слава ждетъ,
Блескъ, почести иль упоенье власти...
Чело свое вы лаврами украсьте,
Работайте, боритесь за народъ,
Когда онъ на борьбу васъ призываетъ,
А женщина лишь любитъ и страдаетъ.

* *
*

«Да, впереди васъ ждетъ широкій путь
И новая любовь и наслажденья...
А я — увы! — сживусь я какъ нибудь
Съ своей тоской, не зная утѣшенья,
Не думая опять на васъ взглянуть.
Я — женщина. Намъ не дано забвенье,
Насъ милый образъ всюду сторожитъ...
Прощайте же!.. Рука моя дрожитъ...

* * *

«Я кончила. Прощайте... Отчего же
Не тороплюсь я складывать письма?..
Не я ль въ слезахъ тебя просила, Боже,
Чтобъ предо мной явилась смерть сама,
Но смерть не шла, хоть мнѣ была дороже
Чѣмъ этотъ міръ, тоска его и тьма,
И мнѣ осталось съ жизнью помириться,
Чтобъ васъ любить и чтобъ за васъ молиться».

Сатиры Ювенала.

I.

ДРЕВНІЙ РИМЪ.

«Quando artidus, inpuit, honestis
Nullus in Urbe locus, nulla emolumenta laborum,
Res hodie minor est, heri quam fuit, atque eadem cras
Deteret axiguis aliquid: proponimus illuc
Ire, fatigatas ubi Daedalus exuit alas».

D. Iun. Juvenalis satira III.

Когда среди холмовъ разслабленнаго Рима
Одинъ слѣпой развратъ все давитъ несдержимо,

Когда опоры нѣтъ для честнаго труда,
И такъ податлива на подкупы нужда, —

Уйдемъ мы въ тѣ мѣста, гдѣ биться перестало
Крыло разбитое изгнанника Дедала *).

Пока я бодръ еще подъ серебромъ сѣдинъ,
Пока я безъ клюки брести могу одинъ,

---

*) *Дедалъ* — миѳологическій герой, изобрѣтатель топора и другихъ орудій, строитель Лабиринта на островѣ Критѣ, куда, за убійство, онъ былъ посаженъ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Икаромъ. Желая освободиться, Дедалъ сдѣлалъ себѣ и сыну крылья, но Икаръ подлетѣлъ слишкомъ близко въ солнцу, воскъ растаялъ, и онъ утонулъ. Дедалъ спасся на островъ Сицилію. О Сициліи и говоритъ теперь Ювеналъ.

И у Лахезы *) есть еще остатокъ пряжи —
Бѣгу изъ города корысти и продажи.

Пусть остаются здѣсь Арторій и Катуллъ **),
И гордый, вѣчный Римъ пусть слышитъ только гулъ

Однихъ откупщиковъ, на откупъ взявшихъ храмы,
Канавы грязныя, гноящіяся ямы,

И трупы горожанъ, и темные гроба,
И торгъ свободою забитаго раба,

Сносившаго отъ нихъ съ терпѣніемъ удары;
Пусть наводняютъ Римъ канатные фигляры,

Флейтисты, плясуны народныхъ площадей,
Толпа воровъ, убійцъ, наемщиковъ-судей,

Которые купить мѣста свои успѣли,
Хотя вчера еще ходили въ черномъ тѣлѣ...

Что-жъ дѣлать въ Римѣ мнѣ? Ко лжи я не привыкъ,
Бездарнаго пѣвца не хвалитъ мой языкъ,

Не въ силахъ я кадить богатому болвану,
Я сыну богача предсказывать не стану,

Какъ магъ всезнающій, какъ наглый звѣздочетъ,
Когда отецъ его отъ дряхлости умретъ;

Какъ гнусный клеветникъ, не буду я изъ мести
Чернить любовника довѣрчивой невѣстѣ.

---

*) *Лахеза* — одна изъ Паркъ, и именно та, которая прядетъ нить жизни.

**) Арторій и Катуллъ, вѣроятно, личности, пользовавшіяся не совсѣмъ хорошей репутаціей въ Римѣ.

Бросаю съ ужасомъ проклятыя мѣста,
Гдѣ правду давитъ ложь, гдѣ честность — сирота,

Гдѣ сна покойнаго, правъ голоса лишенный,
Сталъ безполезенъ я, какъ нищій прокаженный...

Въ толпѣ предателей римлянинъ здѣсь привыкъ,
Знать много страшныхъ тайнъ—и подавлять свой крикъ,

Привыкъ ихъ хоронить, какъ кладъ хоронитъ скряга,
Но всѣ сокровища, добытыя изъ Таго,

Все золото земли, спася отъ нищеты,
Здѣсь не спасутъ тебя отъ черной клеветы,

Отъ злой безсонницы, отъ вѣчнаго испуга,
Отъ зависти враговъ и отъ доносовъ друга.

Квириты *), Римъ ли здѣсь, иль Греція сама?
Да и одна ль она, ахейская чума,

Явилась тучею роднаго горизонта?
— Изъ дальней Сиріи, отъ береговъ Оронта

Намъ завѣщалъ изнѣженный востокъ
И нравы, и языкъ, и самый свой порокъ,

Въ лицѣ блудницъ своихъ, на женщинъ не похожихъ,
У цирка, въ воротахъ, хватающихъ прохожихъ.

Бѣгите жъ обнимать прелестницъ выписныхъ
Въ ихъ размалеванныхъ уборахъ головныхъ **),

---

*) Квириты — почетное названіе римлянъ.

**) Эти, такъ называемыя, «жертвы общественнаго темперамента» привозились въ Римъ съ востока и преимущественно изъ Сиріи, съ береговъ Оронта. Ихъ отличительною принадлежностью была особенной формы шапка, называемая *митрою*. Ювеналъ говоритъ: «Ite, quibus grata est picta lupa barbara mitra!» то есть: ступайте любоваться разрисованными митрами на ихъ головахъ.

Чтобъ, похоти порывъ на ложѣ ихъ утратя,
Могли измучиться вы въ собственномъ развратѣ!...

О, Ромулъ! Ты своихъ потомковъ оцѣни:
Какъ гладіаторы раскрашены они,

И куклы цезарскихъ капризовъ и забавы,
Всѣ носятъ на себѣ значки минутной славы. *)

Кому жъ, кому теперь пріютомъ Римъ нашъ сталъ?
Со всѣхъ концовъ земли, отъ Самоса, изъ Траллъ,

Изъ Алабандъ **) сюда ворвались, словно рѣки,
Для козней и интригъ пронырливые греки.

Забудемъ ли мы ихъ? Они къ намъ занесли
Таланты всѣхъ людей, пороки всей земли.

Грекъ — это все: онъ риторъ, врачъ-обманщикъ,
Ученый и авгуръ, фигляръ, поэтъ и баньщикъ.

За деньги онъ готовъ идти на чудеса,
Скажите: «полѣзай сейчасъ на небеса!»

Голодный, жадный грекъ, лишь изъ-за корки хлѣба,
Не долго думая, полѣзетъ и на небо ***)...

О мнѣ-ль сносить, какъ пришлецовъ здѣсь чтутъ,
Какъ на пирахъ римлянъ сидитъ афинскій шутъ,

Потворствуя страстямъ и льстя неутомимо
Передъ нетрезвыми развратниками Рима?

---

*) Побѣдители на играхъ пользовались въ то время *спортулою* (пайкомъ) отъ двора цезарей и носили на шеѣ особенные значки за свои побѣды въ циркѣ; объ этихъ-то значкахъ и упоминается въ сатирѣ.

**) Траллы и Алабанды — города въ Kapiи, въ Малой Азіи.

***) Намекъ не на Дедала, но на одного грека, временъ Нерона, который пробовалъ летать въ Римѣ.

Прислушайтесь къ словамъ аѳинскаго льстеца:
Онъ превозноситъ умъ ничтожнаго глупца,

Клянется въ красотѣ богатаго урода,
И чахлымъ старикамъ, у гробоваго входа,

Влачащимъ жизнь свою усталую едва,
Съ обидной наглостью бросаетъ онъ слова:

«О, вы сильны еще, въ васъ вижу силы тѣ я;
Сильны, какъ Геркулесъ, стерешій въ прахъ Антея» *)

Смотрите, наконецъ, какъ грекъ мѣняетъ видъ:
Онъ собственный свой полъ, природу исказитъ,

И станетъ предъ толпой — то греческой Ѳаидой **).
То обнаженною красавицей Доридой ***),

И грудью выпуклой, открытой на показъ,
И тѣломъ женщины обманетъ каждый глазъ.

Но не Стратоклъ ****) одинъ владѣетъ тѣмъ талантомъ:
Послѣднiй самый грекъ рожденъ комедiантомъ.

---

*) Антей — миѳологическiй гигантъ, сынъ Нептуна и Земли. Геркулесъ три раза побѣждалъ его, но мать Антея всегда возвращала сыну прежнiя силы. Наконецъ Геркулесъ задушилъ его въ своихъ объятiяхъ.

**) Ѳаида — аѳинская гетэра, которою одно время увлекался Александръ великiй.

***) Дорида — мать Нереидъ, морскихъ Нимфъ и жена Нептуна.

****) Nec tantum Antiochus, nec erit mirabilis illic,
Aut Stratocles, aut cum molli Demetrius Haemo;
Natio comoeda est.

(Эта удивительная способность не есть исключительная принадлежность какого нибудь Антiоха, Дмитрiя или Стратокла и похотливаго Гема: это способность цѣлой нацiи). Нужно думать, что, эти имена взяты произвольно, или же принадлежатъ римскимъ селадонамъ того времени.

Смѣяться началъ ты, — тѣмъ смѣхомъ зараженъ,
Схватившись за животъ, уже хохочетъ онъ;

Ты плачешь — плачетъ онъ и корчится отъ муки,
Ты подошелъ къ огню, отъ стужи грѣя руки —

Онъ, завернувшись въ плащъ, зубъ на зубъ не сведетъ;
Ты скажешь: «жарко мнѣ!» — грекъ обтираетъ потъ,

И рукоплещетъ онъ, сгибаясь отъ поклона,
При каждой мерзости надутаго патрона.

За то, когда, порой, проснется въ грекѣ страсть,
Онъ съ дикой жадностью, какъ звѣрь, спѣшитъ напасть

На честь любой семьи — раба или вельможи,
Готовый осквернить супружеское ложе.

Отъ грека не спасешь — отбрось надежду прочь —
Ни мать свою тогда, ни дѣвственницу дочь,

И даже бабушку беззубую собрата
Онъ жертвой изберетъ для гнуснаго разврата.

II.

Quod porrò officium, ne nobis blandiar, aut quod
Pauperis hic meritum, si curet nocte togatus
Currere, quum praetor lictorem impellat et ire
Preacipitem iubeat, dudum vigilantibus orbis,
Nè prior Albinam et Modiam collega salutet?

Juvenalis satira III.

Бѣднякъ! подъ ветхою, изорванной одеждой
Ты не дразни себя обманчивой надеждой,

Чтобъ участью твоей могъ тронуться богачъ!
Смотри: проснулся Римъ! Повсюду мчится въ скачь

Толпа бездѣльниковъ, съ улыбкою нахальной
Встрѣчающихъ твой взоръ, усталый и печальный.

Самъ преторъ, услыхавъ, что для него готовъ
Открытый входъ въ дома отъ сна возставшихъ вдовъ,

Торопитъ ликторовъ, — а по какой причинѣ? —
Чтобъ прежде всѣхъ поспѣть къ прелестницѣ Альбинѣ.

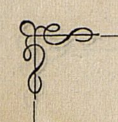
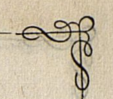
Смотри: вотъ молодыхъ патриціевъ гурьба
Идетъ въ сообществѣ богатаго раба,

За мотовство свое попавшаго въ вельможи:
Что жъ тутъ позорнаго для римской молодежи,

Когда тотъ самый рабъ — за часъ, за мигъ одинъ,
Прожитый на груди какихъ нибудь Кальвинъ,

Бросаетъ съ дерзостью, какъ щедрая фортуна,
Все содержаніе военнаго трибуна.

Но ежели тебя, великихъ предковъ внукъ,
Порою соблазнитъ лобзаній тайный звукъ,

И ты, припавъ лицомъ пылающимъ къ подушкѣ,
Захочешь хилыхъ ласкъ послѣдней потаскушки,

То, скованъ робостью, запавшей прямо въ грудь,
Ты не осмѣлишься руки ей протянуть,

И, тайнаго стыда въ себѣ не уничтожа
Не скажешь ей въ глаза: — «веди меня на ложе»!. .

О, кто-бы ни былъ ты—самъ Нума, самъ Марцеллъ *),
Вездѣ бы за тобой вопросъ одинъ летѣлъ:

—«Что онъ, богатъ иль нѣтъ? Гдѣ домъ его? Гдѣ земли?
Пиры въ его дому теперь открыты всѣмъ-ли»?

Объ этомъ съ жадностью толкуютъ, но за то
О честности твоей не справится никто.

Есть золотой мѣшокъ — онъ путь тебѣ проложитъ;
Ты нищъ — и надъ тобой ругаться всякій можетъ,

Увѣренный вполнѣ, что боги съ облаковъ
Не слушаютъ молитвъ и плача бѣдняковъ,

И такъ ихъ нищенство и горе презираютъ,
Что даже громъ небесъ на нихъ не посылаютъ...

Когда твой старый плащъ заплатками покрытъ,
Когда гнилой башмакъ изношенъ и разбитъ,

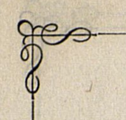
И нищенство глядитъ сквозь каждую прорѣху —
Ты подвергаешься озлобленному смѣху,

Готовы мы тебя хоть грязью закидать;
Мы бѣдняка кругомъ привыкли презирать,

---

*) Люцій Марцеллъ вынесъ, во время пожара, изъ храма Весты статую Минервы и при этомъ лишился зрѣнія.

Какъ безполезный хламъ, какъ битую посуду....
О, бѣдность! Ты людей запугиваешь всюду,

И въ ихъ измученныхъ страданіемъ чертахъ
Всегда читается безсмѣнный этотъ страхъ....

Едва на зрѣлище народныхъ игръ заглянетъ
Бѣднякъ отверженный, какъ грозный голосъ грянетъ:

— «Прочь со скамьи, долой! Изъ цирка тотчасъ вонъ!
Однимъ богатымъ здѣсь даетъ мѣста законъ!» *)

И онъ бѣжитъ съ стыдомъ, а на скамьяхъ остались
Потомки гаеровъ, которые кривлялись

Въ толпѣ на площадяхъ, да всадникъ временщикъ,
Внукъ гладіатора, нетрезвый свой языкъ

Едва ворочая, хрипитъ и бьетъ въ ладони....
Вотъ звѣзды первыя на римскомъ небосклонѣ!...

О, кто укажетъ мнѣ хоть на одну семью,
На одного отца, который дочь свою

За чувство къ бѣдняку не упрекнулъ въ развратѣ,
И сердце честное нашелъ-бы въ бѣдномъ зятѣ?...

Гдѣ, укажите мнѣ, встрѣчаютъ бѣдняка
Безъ слова наглаго, безъ дерзкаго пинка?

Кто въ немъ оцѣнитъ умъ, способности и силы?
Допустятъ-ли его на свой совѣтъ эдилы?... **)

Быть можетъ, скажутъ мнѣ: бѣднякъ вездѣ гонимъ!...
Да, это такъ, вездѣ... Но ты, великій Римъ,

---

*) Законъ этотъ былъ изданъ въ Римѣ въ 685 г. народнымъ трибуномъ Оттономъ. По этому закону на первыхъ 14 скамьяхъ театра могли сидѣть только одни богатые всадники.

**) Эдилы — чиновники, завѣдывавшіе общественными зданіями.

Лишь ты одинъ владѣешь страшнымъ даромъ —
Всегда грозить ему позоромъ иль ударомъ...

Вѣкъ пошлой роскоши! Что-жъ ты придумать могъ?
Покрои модные великолѣпныхъ тогъ *),

Ненужный, внѣшній блескъ, скрывавшій безъ различья
Ничтожество и грязь мишурнаго величья...

Пусть темнымъ призракомъ грозитъ намъ нищета,
Лохмотья бѣдности, — у насъ одна мечта:

Купить, хотя-бъ цѣной покражи иль обмана,
Права на мотовство бездоннаго кармана,

Чтобъ роскошью своихъ нарядовъ и одеждъ
Дивитъ толпу зѣвакъ и уличныхъ невѣждъ.

У насъ одинъ порокъ — хоть вылѣзай изъ кожи,
Хоть ближняго зарѣжь — но попади въ вельможи,

И запишись въ число надутыхъ спѣсью лицъ....
За то и Римъ теперь — продажнѣе блудницъ,

И всѣмъ торгуетъ онъ: свободою плебейской,
Невинностью дѣтей и совѣстью судейской,

Почетной должностью, приманкой теплыхъ мѣстъ
И прелестями женъ, наложницъ и невѣстъ.

Всѣмъ нужно золото, — и податью тяжелой
Обремененъ кліентъ оборванный и голый!

---

*) Въ Римѣ для каждаго возраста были придуманы особеннаго покроя тоги.

Старая сказка.

ПРЕЛЮДІЯ

I.

„Не плачь же, глупая, не плачь!
Поди, порадуемся вмѣстѣ,
Вѣдь я не извергъ, не палачь,
Чтобъ стала дочери-невѣстѣ
Желать и бѣдъ и неудачь...
О женихѣ дурныя вѣсти
Тебя смущаютъ и крушатъ:
Не вѣрь всему, что говорятъ.

II.

«Люби его! Не будь упряма»!
Такъ мать упрашивала дочь.
—«Но онъ вѣдь старъ... Мнѣ страшно, мама!
За что меня ты гонишь прочь?
Мнѣ за него — что въ воду прямо»...
И, силясь ужасъ превозмочь,
Она дрожитъ, но у старухи
Глаза безжизненныя сухи.

III.

Прильнувъ къ подушкѣ, до утра
Ребенокъ плачетъ, стонетъ глухо,
А часъ невѣстина смотра
Все ближе, ближе... Эхъ, старуха!
Не очень, вижу, ты хитра...
Чтобъ къ пауку попалась муха,
Шепни лишь мнѣ — я услужу —
Я только сказку разскажу.

IV.

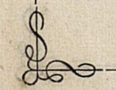
И усмирится сказкой этой
Твое капризное дитя,
Простится съ юностью отпѣтой,
Не разцвѣтая, отцвѣтя;
И завтра-жъ куклой разодѣтой
На сговоръ явится, шутя.
А тамъ... какое дѣло намъ ужъ —
Лишь поскорѣе вышла бъ замужъ.

V.

Вамъ, барышни, на этотъ разъ,
Вамъ, барышни, мои землячки,
Не расточая лишнихъ фразъ,
Всѣмъ вмѣстѣ и поодиначкѣ
Я посвящаю свой разсказъ,
За тѣмъ, чтобъ общей вашей спячкѣ
Хоть на минуту помѣшать,
А послѣ... спите вновь опять.

VI.

Пишу на старую я тему.
Къ чему же мнѣ стѣсняться тѣмъ?
Я опираюсь на проблему,

Что въ мірѣ мало новыхъ темъ,
И, бросивъ въ сторону систему
Хитро задуманныхъ поэмъ,
Готовъ, пожалуй, хоть съ развязки
Начать вступленье этой сказки.

VII.

Пѣвцы у насъ ханжатъ слегка, —
Тутъ исключенья очень рѣдки —
Они всегда издалека
Начнутъ разсказъ свой, какъ кокетки,
А кончатъ тѣмъ, что Лиза К.,
Ихъ героиня, напослѣдки
Средой задавлена была,
И въ злой чахоткѣ умерла.

VIII.

Но знайте, барышни, рутинѣ
Я покориться здѣсь не могъ,
И жизни новой героини
Не изломалъ — избави Богъ!
Она живетъ еще понынѣ,
Родитъ дѣтей въ условный срокъ,
Покойно спитъ, скучаетъ мало,
Но... лучше я начну съ начала.

СТАРАЯ СКАЗКА.

Можетъ быть, поэты правы,
Что отъ нихъ всѣ наши дѣвы
Привыкали съ дѣтства слышать
Только сладкіе напѣвы.

Можетъ быть, поэты правы,
(Вѣдь у нихъ вкусъ очень тонокъ!)
Что они ихъ называютъ:
— Мой малютка! Мой ребенокъ!

И въ ихъ пѣсняхъ благовонныхъ
Ничего нѣтъ кромѣ рѣчи:
Какъ прекрасны ваши глазки,
Какъ прекрасны ваши плечи!

«Ахъ, дитя! къ тебѣ привязанъ
Я любовью безвозмездной!...»
Такъ поэту снилась дѣва
И притомъ — «въ коронѣ звѣздной».

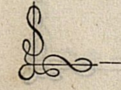
«Ахъ, дитя! къ тебѣ привязанъ
Я любовью безвозмездной!...»
Такъ твердитъ вслѣдъ за поэтомъ
Франтъ предъ барышней уѣздной!

Всѣхъ плѣняетъ образъ дѣвы
Фантастическаго ранга,
Съ ней летятъ они подъ пальму
На тѣнистый берегъ Ганга,

Чтобъ, подъ этой пальмой сидя,
Вѣкъ молчать, блаженства ради,
И лобзать волосъ роскошныхъ
Непомаженныя пряди.

Всѣхъ поэтовъ дразнитъ образъ
Безтѣлеснаго созданья,
Состоящаго изъ блеска
И изъ луннаго сіянья.

Можетъ быть, такія дѣвы
Существуютъ въ этомъ свѣтѣ,
Можетъ быть, въ коронѣ звѣздной
И гуляютъ по планетѣ;

Но не зналъ я дѣвъ подобныхъ
И на нихъ — изъ звѣздъ короны,
Хоть — признаться — мнѣ встрѣчались
Удивительныя жены.

Я и въ снахъ такихъ не видѣлъ
Замѣчательныхъ уборовъ,
Соблазнительныхъ для пѣсенъ
И убійственныхъ для взоровъ.

И въ мечтахъ моихъ (я то же
Занимаюсь этимъ вздоромъ)
Не встрѣчались мною дѣвы
Подъ звѣздистымъ ихъ уборомъ;

Не влекли съ собою къ Гангу
Подъ навѣсъ священной рощи,
Но въ моихъ мечтаньяхъ скромныхъ
Мнѣ онѣ являлись проще:

Мнѣ онѣ являлись въ грезахъ,
Къ сожалѣнью, прозаично,
И моя природа очень
Отъ поэтовъ тѣмъ отлична.

Мнѣ онѣ являлись въ грезахъ,
Но въ волшебномъ ореолѣ;
Не въ житейской обстановкѣ,
Но въ житейской, скромной долѣ.

Но, — я долженъ здѣсь замѣтить, —
Какъ мои ни скромны грезы,
Но, увѣрю васъ, скорѣе
Въ этомъ мірѣ общей прозы,

Въ нашихъ залахъ и гостиныхъ
Въ свѣтскихъ избранныхъ салонахъ
Можно встрѣтить дѣвъ волшебныхъ
Въ звѣздныхъ, искристыхъ коронахъ,

Чѣмъ, хоть разъ, столкнуться въ мірѣ,
И пройти безмолвно мимо
Скромной женщины, что мною
Только въ призракѣ любима.

Мнѣ въ мечтахъ являлась дѣва ..
(Безобразное сравненье!)
У которой вмѣсто сердца
Есть миндальное печенье.

Мнѣ въ мечтахъ она являлась...
Но зачѣмъ теперь я буду
Шевелить воспоминаньемъ
Сердца старую причуду.

Въ этотъ прежній, милый призракъ
Потерялъ я нынче вѣру;
И теперь, mesdames, повѣрьте,
Буду счастливъ я не въ мѣру,

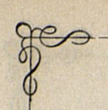
Если встрѣчу дѣву, даму
Или взрослаго ребенка —
Тамъ, гдѣ нужно горько плакать,
Не смѣющуюся звонко.

Я доволенъ, если дѣва
Угощаетъ сладкимъ чаемъ,
И когда я очень занятъ —
Пошлой фразой не смущаемъ.

Я доволенъ, если рѣдко
Говоритъ она о страсти. .
Лучше сплетни о знакомыхъ,
Чѣмъ подобныя напасти!...

Я доволенъ, если дѣва
Любитъ мало, — Богъ ужь съ нею! —
А когда совсѣмъ не любитъ —
Я предъ ней благоговѣю.

Пресмѣшную помню сцену,
Образецъ славянской драмы,
Гдѣ явился въ полномъ блескѣ
Типъ холодной нашей дамы.

Я любилъ ее, какъ любятъ
Въ двадцать лѣтъ съ кипучей кровью,
Я люблю ее донынѣ
Только злобною любовью.

Я люблю тотъ лобъ высокій,
Гордый лобъ (у дамы русской
Постоянно мы встрѣчаемъ
Лобъ и маленькій и узкій);

Я люблю тотъ взоръ спокойный:
Столько масла въ немъ и... лѣни!...
Ахъ, предъ нимъ я не лѣнился
Опускаться на колѣни...

Помню вечеръ... Вечеръ этотъ
Сберегла ли память дамы? —
У окошка мы сидѣли
И сквозь стекла зимней рамы,

Мы слѣдили, какъ мелькали,
Снѣжнымъ инеемъ одѣты,
Пѣшеходы, экипажи,
Омнибусы и кареты.

Какъ теперь я вижу даму
Въ черномъ платьѣ, въ черной сѣткѣ;
На меня смотрѣли ровно
Взоры ясные брюнетки;

Такъ смотрѣли, что невольно
Пробирался въ душу холодъ,
Но тогда я самъ, къ несчастью,
Былъ еще ужасно молодъ.

Эта маска ледяная
И покой невозмутимый
Привлекали тайной чарой
Сердце къ женщинѣ любимой.

Голова моя горѣла,
Кровь ключемъ кипѣла въ жилахъ,
И приливъ рѣчей безумныхъ
Удержать я былъ не въ силахъ.

Вообще признанья глупы, —
Я такого нынче мнѣнья, —
Но тогда въ моемъ признаньѣ
Было много вдохновенья;

Было то, что зажигаетъ
Страсть въ другомъ хоть не надолго,
Заглушая на минуту
Голосъ разума и долга.

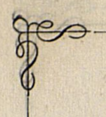
И моимъ безумнымъ пыломъ,
Мнѣ казалось, разогрѣты,
Улыбались въ темныхъ рамкахъ
Акварельные портреты.

Я рванулся къ милой дамѣ
(Признаюсь: движенья грубы)
И, обвивъ ее руками,
Цѣловалъ то въ лобъ, то въ губы;

Жегъ ее своимъ дыханьемъ,
Поцалуями, слезами,
А она... Она смотрѣла
Тѣми-жъ ясными глазами.

То лицо съ холоднымъ блескомъ
Предъ собою созерцая,
Мнѣ казалось въ ту минуту,
Что цалую мертвеца я.

Я желалъ, чтобъ лучше съ гнѣвомъ
Отъ себя она толкнула,
Съ чувствомъ ужаса, съ презреньемъ
На безумнаго взглянула,

Чѣмъ съ холодностью скелета,
Неподвижно и лѣниво,
Выносить огонь и ласки
Непритворнаго порыва.

Пресмѣшная, право, сцена,
Хоть была она обидна,
И о ней воспоминанье
Мнѣ и весело и стыдно.

Горькимъ опытомъ наученъ,
Я теперь — поймите сами —
Ужъ не брошусь съ поцалуемъ,
Какъ ребенокъ, къ каждой дамѣ,

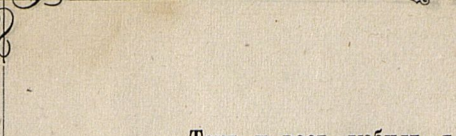
Хоть бы лобъ ея высокій
Мнѣ напомнилъ лобъ Шекспира...
Нѣтъ, изъ женщины подобной
Я не сдѣлаю кумира.

Пролетаютъ предо мною
Чаще образы иные:
Нашихъ барышень славянскихъ
Наши образы земные.

Я влюбленъ во всѣхъ ихъ разомъ
Или въ каждую особо,
И къ любви моей нисколько
Не примѣшивалась злоба.

Такъ порой люблю я фрески,
Нимфъ воздушныхъ на картинѣ,
Иль изящныя виньетки—
Ну, хоть въ «Модномъ Магазинѣ».

Такъ и васъ любилъ я, Мери.
И пишу о томъ сказанье,
Чтобъ о васъ покрайней мѣрѣ
Сохранилося преданье.

Мнѣ являлись вы три раза,
Какъ звѣзда на небѣ хмуромъ,
То женою, то невѣстой,
То ребенкомъ бѣлокурымъ.

Мнѣ являлись вы три раза
Въ три различныя годины,
И теперь встаютъ невольно
Предо мною три картины.

I.

Подъ семейнымъ вашимъ кровомъ,
Въ душной, сонной атмосферѣ,
Гдѣ завяло ваше дѣтство,
Какъ теперь васъ вижу, Мери.

Въ благороднѣйшемъ семействѣ
Ваше дѣтство пролетало:
Вашъ папа́ — былъ вѣчно занятъ,
А мамаша — все хворала.

У maman болѣли зубы,
Постоянно ныли, ныли;
У папа́, напротивъ, зубы,
Точно тумбы, крѣпки были.

Препочтенная семейка!
Не встрѣчалъ семьи я краше:
Превосходнѣйшій родитель,
Превосходная мамаша!

Очень важенъ былъ родитель,
(И по чину былъ высокъ онъ)
А maman всегда слѣдила,
Чтобы пыль сметали съ оконъ.

У папаши въ кабинетѣ —
Дѣловыхъ людей фигуры,
У maman въ ея *угольной* —
Сигнатурки и микстуры.

У папаши въ кабинетѣ —
Старичковъ чиновныхъ мины,
У мамаши въ будуарѣ —
Корифеи медицины.

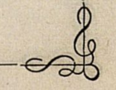
У папаши въ кабинетѣ —
Резолюціи, отмѣтки,
Въ будуарѣ у мамаши —
Попугай въ изящной клѣткѣ.

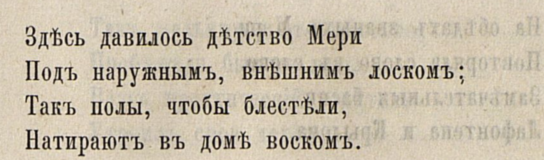
Рядъ огромныхъ, длинныхъ комнатъ; —
Ихъ зовутъ у насъ *покои*.
Въ нихъ, дѣйствительно, мы вспомнимъ
О классическомъ покоѣ,

Гдѣ все дремлетъ въ сладкой лѣни
Буржуазнаго довольства,
Очень маленькаго счастья
И большого хлѣбосольства,

Гдѣ всѣ вещи — отъ дивана
До массивной лампы въ залѣ —
Лица мертвыя хозяевъ
Всѣмъ собой напоминали.

Изъ покоевъ этихъ мрачныхъ
Въ жизнь закрыты были двери;
А межъ тѣмъ въ нихъ жилъ ребенокъ,
И ребенокъ этотъ — Мери.

Здѣсь давилось дѣтство Мери
Подъ наружнымъ, внѣшнимъ лоскомъ;
Такъ полы, чтобы блестѣли,
Натираютъ въ домѣ воскомъ.

Неприлично, неприлично!
Роковое слово это
Въ ней сжимало всѣ движенья,
Какъ пружинами корсета.

Неподсказанныя чувства
Съ свѣтлой радостью, съ кручиной,
Затирались по-немногу
Одуряющей рутиной.

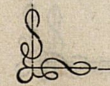
Безъ боренья, шагъ за шагомъ,
Въ сердцѣ юность увядала
Въ школѣ пошлаго присмотра,
Безъ любви, безъ идеала.

Дочь съ отцомъ встрѣчалась рѣдко,
Цѣловала ручки мамы.
По утрамъ съ старухой нѣмкой
Разбирать садилась гаммы.

За успѣхи въ этихъ гаммахъ
Нѣмка старая въ награду
Вмѣстѣ съ дѣвочкой ходила
По Таврическому саду;

Но при этомъ очень строго
Ученицѣ наказала,
Чтобъ, съ дѣтьми чужими встрѣтясь,
Съ ними вовсе не играла.

Съ педагогомъ изъ Марселя
Мери (въ томъ была вся сила)
О неправильныхъ глаголахъ
Очень правильно судила.

На обѣдахъ званыхъ Мери
Повторяла слово въ слово
Замѣчательныя басни
Лафонтена и Крылова.

На обѣдахъ званыхъ Мери,
Сидя съ тощей нѣмкой рядомъ,
Дѣтскій возрастъ не посмѣла
Обличить единымъ взглядомъ;

Хоть, порой, вопросовъ много
Шевелилось въ груди дѣтской,
Но она не прерывала
Разговоръ пустой и свѣтскій.

И молчала постоянно,
Въ позѣ скромной и приличной,
Понемногу принимая
Образъ барышни столичной

Въ этой сонной атмосферѣ,
Въ этой вѣчной дрессировкѣ,
Привыкаетъ умъ къ діетѣ,
Сердце къ стянутой шнуровкѣ.

Мери кротко выносила
Иго нравственаго штиля,
И читала Робинзона
Или томъ Дюмонъ-Дюрвиля

О какихъ-то дикихъ людяхъ;
Но она не догадалась,
Что въ своемъ семействѣ часто
Съ дикимъ обществомъ встрѣчалась.

Всѣ они на столько — жъ дики,
(Мери! это-ль утаите?)
Какъ служители Бохвани
Иль дикарки Отаити.

Такъ мелькнуло это дѣтство,
Пробѣжали быстро годы...
Вашъ практическій родитель
Утроилъ свои доходы.

Наполнялись часто полки
Несгараемаго шкапа,
А maman лѣчилась также
Подъ охраной эскулапа,

И, ворча, — права болѣзни —
За порядкомъ наблюдала,
И четыре раза въ сутки
Мери къ ручкѣ допускала.

II.

Тотъ же домъ, покои тѣ же...
Также, маменьку пугая,
Раздается въ пышной клѣткѣ
Дикій хохотъ попугая.

Онъ кричитъ теперь, какъ прежде:
«Попку въ оперу вези ты!»
Тѣ же званые обѣды,
Тѣ-же доктора визиты.

Но могу-ль узнать васъ, Мери?
Прежней дѣвочки нѣтъ въ «классной»;
Не узнаю я ребенка
Въ этой барышнѣ прекрасной.

Дивный бюстъ, а плечи, плечи...
Геніально платье сшито!
Нѣтъ души въ васъ, но въ модисткѣ
Сколько, Господи, души-то!...

Я влюбленъ въ модистку вашу.
Гдѣ же адресъ той модистки?
Слышу — шепчутъ ваши губки:
Какъ его желанья низки!...

И невольно я теряюсь
Отъ презрительнаго жеста,
Жеста грознаго, съ которымъ
Отвѣчала мнѣ невѣста.

Да, невѣста! Васъ я встрѣтилъ
Въ эти дни на *первомъ* балѣ,
Гдѣ, явившись въ полномъ блескѣ,
По паркету вы летали.

Первый балъ и первый выѣздъ
Есть событье для дѣвицы:
Онъ ей грезится въ мечтаньяхъ
Чѣмъ-то въ родѣ небылицы.

Первый балъ — есть та же школа,
Гдѣ всѣ учатся отлично
Послѣ лжи подъ отчимъ кровомъ
Лгать съ достоинствомъ публично, —

Лгать улыбками, нарядомъ,
Фразой мертвой, ледяною,
Накладными волосами
И любовью накладною.

Въ этой лжи есть упоенье
И высокое искусство:
Нарумяненныя щеки,
Нарумяненныя чувства.

Сѣти хитраго обмана
И заботы о карьерѣ...
Въ этомъ мірѣ безъ соперницъ
Вы царили долго, Мери.

Драгоцѣнные каменья,
Видъ повсюду неизмѣнный,
И въ груди — не сердце — камень,
То же камень драгоцѣнный.

Ваша ловкая модистка,
Одѣвая васъ предъ баломъ,
(Я опять о ней припомнилъ,
Хоть рискую быть нахаломъ)

Замѣчала, чуть не съ плачемъ,
Какъ бѣдно она одѣта
Возлѣ васъ, въ роскошномъ платьѣ,
Возлѣ бальнаго букета.

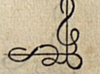
Но минута — и веселье
Вновь являлось въ свѣтломъ взглядѣ.
Шепчетъ дѣвушка: «*ему* я
Вѣдь мила въ своемъ нарядѣ!»

И торопится бѣдняжка,
Быстро двигаются руки,
Ей мерещится ужъ вечеръ,
Поцалуевъ робкихъ звуки

И минутное свиданье
У сосѣда, возлѣ двери...
Ахъ, такихъ волненій въ жизни
Не испытывать вамъ, Мери.

Вы ни въ чемъ — и слава Богу —
Не похожи на модистку,
И покажете мамашѣ
Вы любовную записку.

Появляясь равнодушно
На парадномъ пышномъ балѣ,
Вы межъ фраковъ и мундировъ
Никого не отличали,

Не испытывали въ жизни
Трепетъ страсти, трепетъ сладкій,
И живѣй вашъ пульсъ не бился
Подъ французскою перчаткой.

Вы задумались однажды,
Сидя дома у камина,
Удивляясь откровенно:
«Какъ могла бѣжать кузина

Тамъ, съ какимъ-то музыкантомъ?
Какъ понять движенье это?»
И на тотъ вопросъ пустѣйшій
Не могли вы дать отвѣта,

Лишь холодное презрѣнье
Промелькнуло въ вашемъ взорѣ,
И вы думать перестали
О подобномъ мелкомъ вздорѣ.

А межъ тѣмъ всѣхъ поражали
Ваши глазки, плечи ваши
И орловскаго завода
Кони вашего папаши;

А межъ тѣмъ всѣ сознавали
Съ тайной завистью, съ тоскою,
Что получатъ рысаковъ тѣхъ
Только съ вашею рукою.

И не разъ вы многимъ снились,
Какъ прекрасная приманка
Къ капиталу и къ процентамъ
Государственнаго банка, —

Къ капиталу, что положенъ
Тамъ давно на имя ваше, —
И во снѣ инымъ казались
Вы еще милѣй и краше.

Въ ложу оперы являясь,
Знали вы, что тамъ — въ партерѣ
Всѣ бинокли обращались,
Всѣ глаза стремились къ Мери.

Вы довольны ихъ вниманьемъ,
Холодны и непреклонны,
И разсѣянно слѣдите
За руладой примадонны.

III.

Надъ столицей зимній вечеръ,
Вечеръ темный и туманный,
Надъ столицей гулъ несется,
Гулъ таинственный и странный.

О, когда-бъ я былъ поэтомъ
Эстетической эпохи,
То сказалъ бы: въ этомъ гулѣ
Было все: — людскіе вздохи,

Слезы, пѣсни вакханалій,
Свѣтскій лепетъ львицы модной,
Дикій смѣхъ, зубовный скрежетъ,
Стоны бѣдности голодной...

Въ годы юности далекой
(А тогда поэты всѣ мы)
Этотъ гулъ давалъ для пѣсенъ
Мнѣ лирическія темы.

Мнѣ тогда подъ каждой кровлей
Въ часъ, какъ дремлетъ горо̀дъ спящій,
Представлялся блѣдный образъ
Образъ женщины скорбящей:

И, при встрѣчѣ, часто глядя
На бездушное созданье,
Я въ лицѣ кокетки нервной
Находить умѣлъ страданье...

Надъ столицей зимній вечеръ
Гонитъ день съ небесъ упрямо.
Рядъ каретъ стоитъ недвижно
Передъ папертью у храма.

Тамъ свѣтло, тамъ блещутъ свѣчи.
Я тогда былъ въ храмѣ этомъ,
Хоть туда гостей на свадьбу
Допускали по билетамъ.

Я стоялъ въ огромномъ храмѣ,
У колонны выбравъ мѣсто.
«Се женихъ грядетъ...» Явилась,
Наконецъ, сама невѣста.

Грянулъ хоръ... Вѣнцы надѣты...
Поздравленій звукъ обычный...
О, вашъ бракъ, повѣрьте Мери,
Названъ «*партіей отличной*».

«Оба молоды, богаты!
Вотъ такъ пара!» шепчутъ гости,
Но никто изъ нихъ не понялъ,
Сколько въ драмѣ этой злости.

Даже въ сердцѣ вашемъ, Мери,
Ничего не шевельнулось,
И красивому супругу
Ручка смѣло протянулась.

Васъ въ супругѣ не смутили —
Это ваша-ли забота? —
Лоскъ безсмысленнаго фата,
Граціозность идіота.

Не смутило васъ, что рокомъ
Грудь безчувственная эта
Создана лишь для одышки
И для бальнаго жилета.

Все равно! Достигли цѣли
Вы безъ всякаго испуга:
Вы богаты, вы свободны,
Вы законная супруга!...

Не однѣ вы такъ спѣшите
Къ соблазнительной карьерѣ...
И теперь въ гостиной вашей
Я люблю являться, Мери,

Не затѣмъ, чтобы предъ вами
Быть вторымъ Пигмаліономъ,
Но за тѣмъ, чтобъ любоваться
Вашимъ новымъ селадономъ;

Чтобъ слѣдить, съ какимъ искусствомъ,
Чувствъ любви не обнаружа,
Вы ласкаете мальчишекъ
Прямо подъ носомъ у мужа;

Чтобъ, садясь за сытный ужинъ,
Послѣ сплетенъ у камина,
Ѣсть отличнѣйшія блюда,
Пить отличнѣйшія вина.

Братья.

(Поэма изъ итальянской жизни).

I.

Говорятъ, поэтъ Полонскій
Написалъ поэму «Братья»;
Но такую-жъ точно тему,
Какъ и онъ, могу избрать я.

Всѣ поэты въ этомъ вольны,
Имъ дана такая рента,
А при томъ перенесусь я
Иль въ Неаполь, иль въ Сорренто,

И подъ небомъ благодатнымъ,
На развалинахъ Помпеи,
Не сойдусь съ пѣвцомъ «Разлада»
Въ складѣ новой эпопеи.

Онъ, какъ лирикъ чисто русскій
И при томъ «тенденціозный»,
Дастъ навѣрно намъ поэму
На мотивъ весьма серьезный,

На мотивъ изъ русской жизни,
Гдѣ кишатъ кругомъ вопросы,
Какъ въ полдневный жаръ Іюля
Неотвязчивыя осы.

Я же... склоненъ къ «causerie» я,
И желалъ-бы, чтобъ читали
Всѣ отдѣлъ подъ тѣмъ названьемъ
Въ мессарошевскомъ журналѣ.

Я хотѣлъ назвать поэму
Итальянскимъ даже словомъ
Въ родѣ: «Una Sciochezza» *),
Чтобъ названьемъ этимъ новымъ

Соблазнился «Женскій Вѣстникъ»;
Но, боясь реформъ повсюду, —
Даже въ книжныхъ заголовкахъ —
Я смирилъ свою причуду.

II.

Былъ давно воспѣтъ Неаполь —
Въ гидахъ, въ жгучихъ пѣсняхъ «къ Ларѣ»:
Капри, Искія, Везувій,
Дивный путь въ Кастелламаре,

Померанцевыя рощи,
Фрески древнія въ жилищахъ,
Небо, залитое свѣтомъ,
И толпы голодныхъ нищихъ,

Боги, статуи Помпеи,
И, поймавшій васъ въ вагонѣ:
«Qualche cosa, eccelenza!»
Восклицавшій лаццарони.

Поговорку Итальянцевъ
Слышалъ каждый, безъ сомнѣнья:
«Если видѣлъ ты Неаполь —
Умирай безъ сожалѣнья.» **)

*) Вздоръ, пустяки.
**) Vedi Napoli e poi mori.

Но всѣ очерки и гиды,
Даже книга Милюкова,
О Неаполѣ не могутъ
Дать понятья никакого.

Ихъ статьи есть — Кампо-Санто *),
Гдѣ, какъ трупы, дремлютъ факты,
И всю мощь могучей жизни
Не уловишь въ нихъ никакъ ты...

И всѣ очерки и гиды
Намъ ни гдѣ не заявили —
О Графинѣ Сербеллони,
Объ ея приморской виллѣ.

А межъ тѣмъ, лишь прошлымъ лѣтомъ
Разныхъ націй форестьеры —
Англичане, галлы, нѣмцы,
Лорды, денди высшей сферы —

Забывали для графини—
Это небо въ вѣчномъ блескѣ,
Сонъ, политику, Всзувій,
Папу римскаго и фрески.

Передъ ней нѣмѣетъ лира,
Мизантропъ предъ ней растаетъ,
И художникъ нашъ Беллоли
Карандашъ свой изломаетъ.

Голосъ — звуки мандалины;
Станъ — Кановы изваянье...
Чтобъ не впасть въ карикатуру,
Я избѣгну описанья,

*) Кладбище въ Неаполѣ.

Потому что за собою
Примѣчалъ я слабость эту:
Похвалу окончить грубо,
Какъ не слѣдуетъ поэту.

Принимала всѣхъ открыто
Аделина Сербеллони.
О супругѣ слухъ различенъ:
Говорятъ онъ былъ въ загонѣ,

И, гостей жены не зная,
Преданъ былъ особымъ цѣлямъ:
Напивался пьянъ мертвецки
Ежедневно съ метръ-д'отелемъ.

При хорошенькой супругѣ
Пить безславно, con amore,
Пить подъ небомъ итальянскимъ,
Гдѣ въ виду такое море,

Гдѣ, какъ сахаръ, воздухъ таетъ!...
Извергъ!... Въ пышное палаццо
Аделины Сербеллони
Часто ѣздили два братца

Русскихъ: Петръ и Левъ Граченко.
Петръ — художникъ, написавшій
Двухъ вакханокъ и собачку,
И въ Италіи искавшій

Благороднаго сюжета
Для громаднѣйшей картины
Въ десять сажень шириною,
И въ гостиной Аделины

Толковавшій объ искусствѣ,
Съ кѣмъ попало, очень смѣло,
Увѣряя, что Флавицкій
Выше, чѣмъ Микель-Анжело.

Братъ его «корреспондентомъ»
Былъ одной газеты Невской:
Гонораръ ему въ Неаполь
Высылалъ Андрей Краевскій.

Левъ, какъ чистый литераторъ,
Не любилъ болтать открыто,
Лишь въ разгарѣ шумныхъ споровъ
Улыбался ядовито;

Не кричалъ, какъ братъ, въ тавернахъ;
Врагъ въ занятьяхъ проволочекъ,
Всюду мучился желаньемъ
Написать побольше строчекъ

Для своихъ корреспонденцій.
Каждый день бывалъ въ театрѣ,
И искалъ пріѣзжихъ русскихъ,
Чтобъ занять «дня на два-на-три»...

Къ Аделинѣ очень часто
Въ виллу ѣздили два брата.
Петръ — писалъ портретъ графини,
Левъ — читалъ ей вслухъ Торквато.

Оба брата умъ теряли
Отъ графини Сербеллони,
Но, — поймите сердце женщинъ! —
Хоть во всемъ ея салонѣ

Не встрѣчалъ никто красавца
Краше русскаго артиста,
И не сравнивалъ съ нимъ брата,
(Тотъ похожъ былъ на аиста:

Длинный, тонкій, сухопарый),
Но графиня Антиною
Предпочла «корреспондента»
Съ вѣчно согнутой спиною.

Не мечталъ писатель невскій
О подобномъ счастьѣ даже,
А графиня, въ нетерпѣньи,
Лишь шептала: «Ахъ, когда-же

Онъ признается въ любви мнѣ?..
Ждать, все ждать... Тоска какая»...

III.

Передъ нами, разомъ вмѣстѣ,
Кабинетъ и мастерская

Русскихъ братьевъ на чужбинѣ:
Книги, масляныя краски,
«Голосъ», папки и манкены,
Перья, гипсовыя маски,

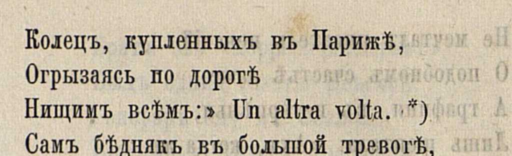
Пѣсни Джусти и альбомы,
Двѣ рапиры на каминѣ,
И въ углу, на новой рамкѣ,
Поясной портретъ графини.

Въ небѣ — розовое утро.
Вставивъ рамку на треножникъ,
Съ нетерпѣньемъ ждетъ сеанса
Въ часъ назначенный художникъ.

А творецъ статей журнальныхъ,
Закуривъ свою сигару,
Путь направилъ въ Monte-Pio — *)
Заложить часы и пару

---

*) Ломбардтъ.

Колецъ, купленныхъ въ Парижѣ,
Огрызаясь по дорогѣ
Нищимъ всѣмъ:» Un altra volta. *)
Самъ бѣднякъ въ большой тревогѣ,

И бранитъ родную прессу:
Будь на вѣки проклята ты:
Равно за семь тысячь строчекъ
Изъ Россіи нѣтъ уплаты!..

А, межъ тѣмъ, свѣжа какъ утро,
(Впасть въ восторгъ и я рискую)
Молодая итальянка
Посѣтила мастерскую.

Какъ карбункулъ блещутъ взгляды,
Плечи смуглыя открыты,
И античною косою
Кудры шелковыя свиты.

Кисть дрожитъ въ рукѣ артиста —
Не всегда артисты бойки —
(Былъ къ тому-жъ онъ на канунѣ
На пріятельской попойкѣ).

Оба — нѣмы. Наклонилась
Аделина у пюпитра,
И — художникомъ забыты
Кисть и краски и палитра.

Опрокинувши на платье
Аделинѣ съ масломъ банку,
На колѣни палъ художникъ,
Удививши итальянку.

---

*) «Въ другой разъ». Обыкнов. итальянская фраза, въ родѣ нашей «Богъ подастъ.»

«Я люблю васъ, Аделина!...
Я молчалъ, страдалъ такъ много...»
Но порывъ рѣчей безумныхъ
Прервала графиня строго:

— «Встаньте! вамъ за откровенность
Отплачу я правдой тоже.
Вы мнѣ милы: вамъ подобныхъ
Нѣтъ средь нашей молодежи,

Но — въ другаго влюблена я...
Сердцемъ мы владѣть не въ силѣ...
До свиданья... А портретъ мой
Приходите кончить въ виллѣ.»

И — ушла. Склонясь, художникъ
Такъ и замеръ, какъ отъ грома,
Въ родѣ той наклонной башни,
Что на *piazza del duomo*

Всѣмъ показываютъ въ Пизѣ...
Оскорбленный такъ жестоко
Онъ схватился за револьверъ,
Но любовнаго сирокко

Часъ прошелъ. Самоубійства
Тайный умыселъ онъ бросилъ,
И всю ночь портвейнъ дешевый
Пилъ въ гостинницѣ «Двухъ-веселъ.»

IV.

Межъ утесовъ, рощъ лимонныхъ,
Въ яркой зелени, какъ лента,
Вьется чудная дорога
Изъ Неаполя въ Сорренто,

А внизу синѣютъ волны,
Подъ лучами солнца блещутъ,
И оливковыя листья
Въ синевѣ небесъ трепещутъ.

Вонъ калабрскія лошадки...
Чу! запѣлъ бубенчикъ звонко...
По дорогѣ Соррентинской
Мчится быстро амазонка.

Увидавши амазонку,
Снялъ-бы шляпу лаццарони,
И сказалъ вамъ: «Эччеленца!
Вотъ графиня Сербеллони.»

Но съ графинею нѣтъ свиты,
Даже, — случай этотъ страненъ, —
Какъ всегда, за ней не скачетъ
Рыжекудрый англичанинъ.

Этотъ случай чрезвычайный
Объяснить мы можемъ проще:
Подъ оградою въ Сорренто
Апелсинная есть роща,

Гдѣ въ тотъ вечеръ Аделина
(Что ей гости, что ей вилла!...)
Литератора-туриста
На прогулку пригласила.

Губки розовыя сохнутъ....
— День окончится-ль удачей? —
И впервые хлыстъ позорный
Испыталъ скакунъ горячій,

И помчалъ ее, какъ вихорь...
А межъ тѣмъ въ саду Сорренто
Лился потъ обильный градомъ
По лицу «корреспондента».

Онъ — печальное событье! —
На прогулку съ дамой знатной
Долженъ былъ пѣшкомъ явиться
По причинѣ той понятной,

Что въ изорванномъ карманѣ
Не имѣлъ пяти паоло,
Чтобъ явиться на свиданье
Хоть въ наемномъ *карриколо*. *)

Усмирить желая жажду,
Сталъ сосать онъ сокъ лимонный,
И за дѣломъ этимъ пойманъ
Былъ графинею влюбленной.

Оба разомъ растерялись....
А кругомъ благоуханья
Льютъ жасминъ, шафранъ и розы...
Пять минутъ, какъ изваянье,

Простояла итальянка
Въ этой чащѣ ароматной
Съ мѣдно-красными плодами...
Мигъ ужасный и пріятный...

— «Вы со мной искали встрѣчи,»
Прошептала Аделина,
И взглянула — такъ взглянула,
Что тогда у славянина

Появился вновь даръ слова:
«О, графиня! Откровенно
Говорить я съ вами буду:
Для меня была безцѣнна

---

*) Простая двухколесная таратайка.

Ваша ласка... («Наконецъ-то!»
Пробѣжала мысль въ графинѣ)
Я въ Неаполѣ — недавно,
Всѣмъ чужой здѣсь, какъ въ пустынѣ.

Вы однѣ меня пригрѣли...
Сердце доброе въ васъ чуя,
Я прошу *въ займы сто франковъ.* —
Ихъ вамъ въ маѣ возвращу я.»

Если-бъ вспыхнувшій Везувій
Обдалъ лавой раскаленной
Молодую итальянку,
Если-бъ груди обнаженной

Гадъ коснулся ядовитый,
И раскрылъ надъ нею жало —
Аделину Сербеллони
Это меньше-бъ испугало,

Чѣмъ подобное признанье...
На него она взглянула,
Точно раненая львица, —
И презрительно швырнула

Кошелекъ на дернъ душистый,
Не сказавъ ему ни слова....
Въ тотъ же часъ скакунъ горячій
Мчалъ ее въ Неаполь снова.

Германія.

Изъ «Зимней сказки» Гейне.

I.

Становились печальнѣй ноябрскіе дни,
Дулъ порывистый вѣтеръ сурово,
И съ деревьевъ увядшіе листья срывалъ —
Я вернулся въ Германію снова.

И когда на границѣ германской я сталъ —
Сердце какъ то тревожно забилось,
А въ глазахъ почему-то сверкнула слеза,
И съ рѣсницы украдкой скатилась...

И едва я услышалъ нѣмецкій языкъ —
Сердце сладкую боль испытало;
Мнѣ казалось тогда, что горячимъ ключемъ
Изъ него моя кровь выбѣгала.

Вотъ малютка — арфистка запѣла не въ тонъ,
И не справится съ голосомъ дѣтскимъ,
Но чувствительно такъ заливалась, что я
Былъ растроганъ напѣвомъ нѣмецкимъ.

Распѣвала она ѳбъ обѣтахъ любви,
О свиданіи послѣ разлуки
Въ томъ невѣдомомъ мірѣ далекихъ небесъ,
Гдѣ стихаютъ всѣ скорби и муки;

Распѣвала о горькихъ страданьяхъ земли,
Гдѣ такъ часто насъ счастье обманетъ,
И о жизни загробной, гдѣ наша душа
Безконечно блаженствовать станетъ.

Та старинная пѣсня на небо звала,
Съ отреченьемъ отъ жизни печальной:
Этимъ гимномъ вездѣ усыпляютъ народъ
Нашъ народъ — истуканъ колоссальный.

Мнѣ знакомъ древнихъ пѣсенъ старинный напѣвъ,
Знаю тѣхъ, кто сложилъ ихъ народу:
Въ тихомолку они распивали вино,
А всѣмъ намъ завѣщали пить воду.

Пѣсню новую, лучшую, стану я пѣть,
Позабывши старинныя темы.
Нѣтъ, блаженство и полное счастье себѣ
Приготовимъ пока на землѣ мы.

Будемъ счастливы всѣ — и пусть голода стонъ
Не коснется до нашего слуха;
Пусть, что добыто силою рукъ трудовыхъ,
Не проглотитъ лѣнивое брюхо.

На землѣ вѣдь съ избыткомъ для всѣхъ насъ растутъ
Хлѣбъ и розы, цвѣты по дорожкамъ;
Можно всѣмъ подѣлиться: умомъ, красотой,
Или даже хоть.... сладкимъ горошкомъ.

Да, горошку навѣрно достанетъ на всѣхъ —
Только лопнутъ стручки въ огородѣ....
Предоставимъ же небо однимъ воробьямъ,
Рѣзвымъ сильфамъ.... и всѣмъ въ этомъ родѣ.

Если выростутъ крылья по смерти у насъ,
Въ новый край мы, пожалуй, слетаемъ,
И спасительнымъ тортомъ, пирожнымъ себя
Преисправно тогда напитаемъ.

Пѣсня новая лучше, свѣжѣе звучитъ —
Флейты, скрипки слышны въ новой сферѣ;
Похоронные звуки умолкли вдали,
Замираетъ напѣвъ Miserere.

Обручился съ Европою юный теперь,
Чистый генiй свободы прекрасной,
И въ объятьяхъ другъ друга счастливцы лежатъ,
И слились въ поцалуй сладострастный.

Хоть ксензы этотъ бракъ не совсѣмъ признаютъ,
Но прочнѣе его нѣтъ на свѣтѣ....
Такъ, да здравствуетъ вмѣстѣ съ невѣстой женихъ,
А въ грядущемъ ихъ славныя дѣти!

Эта новая, лучшая пѣсня моя
Будетъ пусть славословiемъ брачнымъ.
Зажигаются яркiя звѣзды во мнѣ,
Въ ихъ сiянiи чудно-прозрачномъ...

Вдохновенiя звѣзды пылаютъ во мнѣ,
И бѣгутъ, разливаясь огнями...
Такъ силенъ я теперь, что казалось бы могъ
Рвать дубы вѣковые съ корнями.

Я едва на нѣмецкую землю вступилъ,
Въ грудь волшебные соки вливались;
Вновь коснулся до матери сынъ—исполинъ,
Силы свѣжiя въ немъ просыпались.

II.

Между тѣмъ какъ арфистка о жизни въ раю
Предо мной выводила рулады,
На границѣ таможенной мой чемоданъ
Прусаки осмотрѣть были рады.

Перерыли, обнюхали все въ немъ: платки,
Панталоны, рубашки и шали;
Добирались они до запретныхъ вещей,
Да запретныхъ книжонокъ искали.

Въ чемоданѣ моемъ ничего не найдутъ...
Я смотрю на нихъ: вотъ дураки-то!
Правда, я контробанду съ собою везу,
Но она въ головѣ моей скрыта.

У меня кружева — лучше брюссельскихъ всѣхъ,
Не видали подобныхъ вы кружевъ,
Покажу ихъ — и станете всѣ вы въ тупикъ,
Гнѣвъ и ужасъ одинъ обнаруживъ.

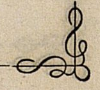
Въ головѣ у меня драгоцѣнностей — тьма,
То алмазы грядущей свободы,
То завѣты великихъ и новыхъ началъ,
Обновленнаго міра клейноды.

Много книгъ я ношу у себя въ головѣ,
Сотни книгъ любопытныхъ названій...
О, узнайте: моя голова есть гнѣздо
Всевозможныхъ запретныхъ изданій.

Въ библіотекѣ чорта коллекція книгъ,
Вѣроятно, не столько богата;
Эти книги вреднѣй даже тѣхъ, что писалъ
Гофманъ фонъ-Фаллерслебенъ когда-то.

«Посмотрите кругомъ, здѣсь — внималъ между тѣмъ
Я рѣчамъ одного пассажира —
Передъ нами таможни великая цѣпь:
Въ ней спасенье германскаго міра.

«О повѣрьте: таможенный этотъ союзъ,
Основаньемъ народности ляжетъ,
И при томъ изъ разбросанныхъ всюду частей,
Нѣчто стройное, цѣлое свяжетъ.

«Онъ о внѣшнемъ единствѣ напомнитъ странѣ,
Дастъ порядокъ и строгость контура,
А единство духовное ей сообщитъ,
Какъ и слѣдуетъ, — наша цензура.

«Въ насъ цензура излишнее чувство смиритъ,
И отъ мысли отниметъ безчинство...
Да, Германіи нужно единство внутри,
Какъ и внѣшнее нужно единство».

III.

Въ древнемъ Ахенѣ въ старой гробницѣ лежитъ
Карлъ Великій... Я вѣренъ надеждѣ,
Что съ нимъ Мейера Карла не будутъ мѣшать:
Этотъ карликъ жилъ въ Швабіи прежде.

Въ императорскомъ гробѣ во храмѣ лежать
Не желалъ бы я трупомъ отпѣтымъ,
Въ этомъ случаѣ лучше бы я предпочелъ
Жить въ Штутгартѣ безвѣстнымъ поэтомъ.

Даже псы въ древнемъ Ахенѣ выли съ тоски
И просили такого привѣта:
Чужестранецъ! Пожалуйста, дай намъ пинка,
Можетъ быть развлечетъ насъ хоть это.

Цѣлый часъ я бродилъ въ этомъ скучномъ гнѣздѣ,
Съ прусскимъ воинствомъ встрѣтился снова,
И, его наблюдая, я въ немъ не нашелъ
Измѣненья почти никакого.

На шинеляхъ все тотъ же пришитъ воротникъ,
Съ ярко-краснымъ, воинственнымъ цвѣтомъ:
Красный цвѣтъ знаменуетъ французскую кровь —
Кёрнеръ намъ сообщилъ подъ секретомъ.

А народъ все такой-же солдатъ и педантъ,
Въ каждомъ жестѣ — угловъ переломы;
Заморожено чванствомъ холоднымъ лицо,
Деревянные тѣ-же пріемы.

Эти бревна въ мундирахъ съ ходулей глядятъ,
Словно всѣ они вдругъ проглотили
Тѣ же самыя палки, которыми ихъ
Такъ недавно еще колотили.

Да! Для нихъ фухтеля не исчезли вполнѣ...
Но внутри себя ихъ сберегая,
Знаютъ вѣрно они, что безъ тѣхъ фухтелей
Жить не можетъ страна дорогая.

Нынче носятъ, положимъ, большіе усы,
Но что-жъ новаго въ томъ въ самомъ дѣлѣ?
Въ старину прежде сзади носили косу,
Нынче — подъ носомъ косы надѣли.

Вотъ мнѣ новая форма пришлась по душѣ —
Стòятъ, право, похвальной огласки
Шишаки съ ихъ булатнымъ, большимъ остріемъ,
На подобіе рыцарской каски.

Старину съ романтизмомъ напомнитъ опять
Этотъ шлемъ, заостренный какъ пика,
Онъ напомнитъ баронскіе замки, пиры,
И Фуке, и Уланда, и Тика;

Онъ напомнитъ разсказы изъ среднихъ вѣковъ,
Знаменосцевъ въ ихъ пышномъ нарядѣ,
Какъ они свою вѣрность носили въ груди,
А гербы золоченые — сзади.

Онъ напомнитъ крестовыхъ походовъ года,
Меченосцевъ, турниры, обѣты,
Дни, когда ядовитый, печатный станокъ
Не печаталъ для міра газеты.

Да, на каску я, право, съ восторгомъ глядѣлъ,
Вѣдь, ей Богу, придумано мило:
Королевская выдумка эта для всѣхъ
Остроумье его заявила.

Я боюсь одного: если вспыхнетъ гроза,
И метать свои молніи станетъ,
То, пожалуй, вашъ острый, булатный шишакъ
На себя громъ народа притянетъ.

Каской новой и легкой на случай войны
Вамъ придется тогда запасаться:
Вѣдь подъ тяжкими шлемами среднихъ вѣковъ,
Мудрено будетъ бѣгствомъ спасаться.

На почтамтской стѣнѣ я увидѣлъ опять
Ненавистная птица сидѣла,
И своими глазами она на меня
Ядовито и злобно смотрѣла.

О! проклятая птица! Когда я тебя
Наконецъ въ свои руки поймаю —
Я изъ крыльевъ всѣ перья твои ощиплю,
И всѣ когти твои обломаю.

На высокомъ шестѣ я тебя посажу,
И, чтобъ разомъ покончить съ тобою,
Созову непремѣнно я рейнскихъ стрѣлковъ
Развлекаться веселой стрѣльбою.

И чья пуля зловѣщую птицу собьетъ,
Я невольный восторгъ обнаружу,
И корону и скиптръ королевскій вручу
Я тому благородному мужу.

IV.

Очень поздно ужъ вечеромъ прибылъ я въ Кельнъ,
Рейнъ на встрѣчу ворчалъ мнѣ сердито.
Охватилъ меня воздухъ нѣмецкой земли
Такъ, что скрыть я не могъ аппетита.

Съ ветчиною яичницу подали мнѣ,
Но такъ много подбавили соли,
Что прозрачнымъ ренвейномъ я былъ принужденъ
Ветчину запивать по неволѣ.

Какъ и прежде, рейнвейнъ золотистый блеститъ,
И въ хрустальныхъ стаканахъ играетъ,
Онъ отъ лишней бутылки бросается въ носъ,
И въ носу щекотать начинаетъ.

Щекотаніе это испытывалъ я,
Чувство сладкое мной овладѣло,
И на шумныя улицы выгнало вонъ,
Гдѣ ужъ темная ночь тяготѣла.

Тамъ глядѣли упорно кругомъ на меня
Кельна древняго мрачныя зданья,
Словно мнѣ собирались они разсказать
Старины отдаленной преданья.

Здѣсь въ обителяхъ прежде спасался монахъ,
Въ платье темное строго закутанъ,
«Мужи мрака» здѣсь жили когда-то, и ихъ
Намъ описывалъ Ульрихъ фонъ-Гуттенъ.

Здѣсь средь оргій плясали тогда чернецы,
И канканъ танцовали черницы.
Кельнскій Менцель-Гохстратенъ здѣсь прежде писалъ
Ядовитыхъ доносовъ страницы.

Здѣсь въ дыму и огнѣ разведенныхъ костровъ,
Люди съ книгами вмѣстѣ горѣли,
А кругомъ раздавался церковный трезвонъ,
Аллилуйя! торжественно пѣли.

Здѣсь и глупость и злость, какъ по улицѣ псы,
Постоянно шли объ руку, рядомъ,
Ихъ отродье до нынѣ насъ можетъ дивить
Нетерпимостью къ чуждымъ обрядамъ.

Но, смотрите! Вонъ тамъ передъ нами вдали,
Колоссальнымъ, не конченнымъ зданьемъ
Возвышается въ сумракѣ Кельнскій соборъ,
Ярко залитый луннымъ сіяньемъ.

Онъ готовился быть неприступной тюрьмой,
Гдѣ бы сталъ умъ людей хорониться....
Въ этой грозной темницѣ — мечтали тогда —
Мысль нѣмецкая будетъ томиться.

Но является Лютеръ. Великое «Стой!»
Раздается, и, съ дня приговора,
Съ этой самой поры до позднѣйшихъ временъ,
Прекратилась постройка собора...

Онъ не конченъ, — прекрасно! Пусть этотъ соборъ
Будетъ памятникъ силы гигантской!
Торжество протестантства доказано имъ
И могущество мысли германской.

Такъ о чемъ же хлопочетъ соборный совѣтъ?
О, подумайте вы, въ самомъ дѣлѣ:
Нѣтъ, не кончите вы этотъ прерванный трудъ,
Не воздвигнете той цитадели.

Пусть для денежныхъ взносовъ въ пустой кошелекъ,
Приглашаются даже евреи,
Но не будетъ успѣшенъ тотъ нищенскій сборъ,
Безполезны всѣ эти затѣи!...

И напрасно играетъ великій Францъ Листъ
Въ пользу этой постройки несчастной,
И напрасно ораторствомъ тѣшить себя
Нашъ король — декламаторъ прекрасный —

Нѣтъ, не будетъ достроенъ ихъ Кельнскій соборъ,
Ихъ соборъ не увидится нами,
Хоть и выслало сонмище швабскихъ шутовъ
Въ Кельнъ корабль, нагруженный камнями.

Онъ не будетъ достроенъ, хотя бы на зло
Всѣмъ кричащимъ воронамъ и совамъ,
На большихъ колокольняхъ, любя старину,
Такъ охотно гнѣздиться готовымъ.

Даже близко то самое время, когда
Позабывъ о постройкѣ собора,
Подъ его неоконченымъ сводомъ внутри
Рядъ конюшенъ устроится скоро.

«Если точно конюшни тамъ будутъ стоять,
То куда трехъ волхвовъ мы положимъ?
Трехъ волхвовъ, что въ соборной гробницѣ лежатъ,
Какъ въ ковчегѣ мы ихъ потревожимъ?»

Я впередъ ужъ предвижу подобный вопросъ,
Но зачѣмъ же мы будемъ стѣсняться?
Три восточныхъ волхва — нѣтъ сомнѣнія въ томъ —
Могутъ въ мѣсто другое убраться.

Колокольня есть въ Мюнстерѣ — Санктъ-Ламберти,
И висятъ въ ней три ящичка. Что же?
Я совѣтую вамъ въ нихъ волхвовъ положить:
Тамъ для нихъ превосходное ложе.

Если жъ вдругъ не дочтетесь изъ нихъ одного,
Можно сдѣлать тотчасъ же замѣну,
И какой нибудь западный волхвъ и мудрецъ,
За восточнаго ляжетъ на смѣну.

V.

Я стоялъ свѣтлой ночью на рейнскомъ мосту,
И съ него въ этотъ часъ предо мною
Открывался старинный пріятель мой Рейнъ,
Озаренный полночной луною.

Здравствуй батюшка Рейнъ! Какъ живешь ты теперь?
Я давно ужъ съ тобой не видался,
И не разъ въ одинокой, душевной тоскѣ
Къ берегамъ я твоимъ порывался.

Говорилъ я — и слышу: въ рѣчной глубинѣ,
Посреди водянаго журчанья,
Раздается то старческій кашель, то гулъ,
То не сдержанный вздохъ, то ворчанье:

— «А! Здорово мой милый! Спасибо, что ты
Не забылъ мои синія воды;
Лѣтъ тринадцать прошло, какъ не видѣлись мы;
Я прескверно провелъ эти годы.

Въ Биберихѣ я много камней проглотилъ,
И хоть вкусъ отвратительный въ камнѣ,
Но стихами тяжелыми Беккеръ Никлассъ
Еще больше надѣлалъ вреда мнѣ.

Онъ меня воспѣваетъ, какъ будто бы я
Цѣломудріемъ дѣвы плѣняю,
И свою непорочность съ румянцемъ стыда
И до нынѣ еще сохраняю.

Эту пошлую пѣсню услышу едва,
И готовъ свою бороду рвать я;
Самъ въ себѣ я готовъ утопиться тогда,
Утопиться съ словами проклятья.

На невинную дѣву я мало похожъ,
Всѣ французы давно это знали:
Не они-ли когда-то въ былые года
Эти воды не разъ оскверняли?

Пѣсню пошлую выдумалъ этотъ пошлякъ!
Эта пѣсня мой слухъ оскорбила,
И притомъ въ политическомъ мірѣ она
Недостойно меня очернила.

Потому, если снова французы придутъ,
Мнѣ краснѣть передъ ними придется,
Мнѣ, который, давно ужъ, съ слезами въ глазахъ,
Возвращенья ихъ ждетъ — недождется.

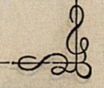
Мнѣ французики были всегда по душѣ.
Какъ живутъ теперь эти малютки?
Также-ль прыгаютъ въ бѣлыхъ штанишкахъ своихъ?
Тѣже-ль пѣсни, забавы и шутки?

Я теперь бы съ охотой ихъ всѣхъ повидалъ,
Не могу лишь подумать безъ злости, —
Что, по милости пѣсни проклятой, меня
Могутъ на смѣхъ поднять эти гости.

А Альфредъ де Мюссе—онъ сорви-голова
И лихой барабанщикъ ихъ роты —
День и ночь барабанить начнетъ предо мной
Ядовитыя, злыя остроты.»

Такъ въ ту ночь предо мной, упрекая судьбу,
Въ горькихъ жалобахъ Рейнъ изливался,
Но его успокоить я тотчасъ спѣшилъ,
И утѣшить бѣднягу старался.

«О, не бойся французовъ ты, батюшка Рейнъ,
Шутки ихъ мы давно позабыли;
Нѣтъ, они ужъ не тѣ, какъ въ минувшіе дни,
Ихъ въ другія штаны нарядили.

И не бѣлыя — красныя носятъ штаны,
Даже пуговки прежнія сняли.
Шумныхъ танцевъ и пѣсенъ кругомъ не слыхать, —
Только головы никнутъ съ печали.

Лишь о Кантѣ, о Гегелѣ спорятъ они,
И глядятъ въ мудрецы записные.
Также курятъ табакъ, пиво кружками пьютъ,
Даже въ кегли играютъ иные.

Какъ и мы — филистерами стали они,
Да, пожалуй, и насъ перегнали.
Ихъ скорѣе теперь увлечетъ Генгстенбергъ,
А Вольтера какъ будто не знали.

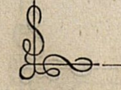
А Альфредъ де Мюссе — хоть сорви-голова,
И острякъ очень ловкій, положимъ,
Но не бойся напрасно: его язычекъ
Удержать мы на привязи можемъ.

Если-жъ онъ барабанить начнетъ остроты,
Мы въ долгу оставаться не будемъ:
О его приключеньяхъ любовныхъ тогда
Просвистимъ свою пѣсенку людямъ.

Не тужи и забудь же ты, батюшка Рейнъ,
Пошлой пѣсни безсильное слово:
Скоро лучшую пѣсню услышишь, старикъ —
Такъ прощай же: увидимся снова

VI.

Паганини всегда провожалъ добрый духъ,
И слѣдилъ неотступно во мракѣ —
Принимая — то Георга Гарриса видъ,
То фигуру и образъ собаки.

Бонапарте предъ каждою битвой встрѣчалъ
Страшный призракъ кроваваго цвѣта.
У Сократа былъ тоже свой демонъ. Теперь
Отрицать мы рѣшимся-ли это?

Даже мнѣ по ночамъ, лишь возьму я перо,
Гость таинственный часто являлся,
И въ ночной тишинѣ за моею спиной
Молчаливый пришлецъ помѣщался.

Что-то пряталъ мой гость у себя подъ плащемъ,
Но я видѣлъ сверканіе стали:
Роковую сѣкиру — символъ палачей —
Подъ плащемъ его руки держали.

Онъ былъ плотно сложенъ и сверкали глаза,
Словно звѣзды изъ тучи свинцовой.
Не тревожа меня, онъ стоялъ въ далекѣ,
Неподвижный, безмолвный, суровый.

Много лѣтъ странный странникъ ко мнѣ не сходилъ,
Но лишь только я въ Кельнъ возвратился,
Въ эту самую тихую, лунную ночь —
Снова призракъ безмолвный явился.

Я задумчиво, молча, вдоль улицъ бродилъ,
Вдругъ смотрю: это онъ, безъ сомнѣнья,
Тѣнью слѣдуетъ сзади. На мѣстѣ я сталъ —
И мой призракъ стоитъ безъ движенья.

Онъ стоитъ — и какъ будто чего-то все ждетъ,
Я иду — и шагаетъ онъ скоро;
Такъ мы оба дошли съ нимъ до площади той,
Гдѣ стоитъ мрачный остовъ собора.

Изъ терпѣнья я вышелъ — и прямо къ нему
Обратился: скажи, Бога ради,
Для чего этой ночью за мной ты слѣдишь —
И идешь неотвязчиво сзади?

Только въ тѣ лишь минуты встрѣчаюсь съ тобой —
Какъ въ груди моей мысль возникаетъ,
И когда вдохновенная дума въ мозгу,
Словно молнія въ небѣ, сверкаетъ.

На меня ты упорно и строго глядишь.
О, пожалуйста, дай мнѣ отвѣты?
Что, порою, блеститъ у тебя подъ плащемъ?
И зачѣмъ же подходишь ко мнѣ ты?

И мой спутникъ угрюмо на то возразилъ,
Флегматически даже немного:
— «Не старайся меня заклинать, какъ духовъ,
Не люблю я высокаго слога.

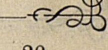
Я вѣдь, право, не призракъ минувшихъ временъ,
Я не тѣнь изъ могильнаго склепа,
Я реторики вашей терпѣть не могу,
Философія ваша нелѣпа.

По природѣ своей я стремился всегда
Къ достиженью практической цѣли.
Помни: все, что создастъ твоя смѣлая мысль —
Выполняю я тотчасъ на дѣлѣ.

Много лѣтъ пролетѣло въ упорной борьбѣ,
Но впередъ подвигаюсь я смѣло,
И мечтанья твои прямо въ жизнь провожу:
Мыслишь — ты, я же дѣлаю дѣло.

Ты — судья, а палачь исполнительный — я.
Я, какъ рабъ, и покорно и скоро,
Привожу въ исполненіе твой приговоръ,
Хоть бы самъ не желалъ приговора.

Передъ консуломъ ликторъ топоръ проносилъ
По закону, по римскому міру, —
У тебя есть свой ликторъ, но онъ назади
За тобою проноситъ сѣкиру.

Я твой ликторъ теперь, и во слѣдъ за тобой
Съ топоромъ этимъ странствовать буду.
Въ дѣло я обращу мысль любую твою,
И найду съ ней работу повсюду».

VII.

Возвратившись домой, я такъ сладко заснулъ,
Точно сильфы меня закачали....
Хорошо на постели нѣмецкой лежать,
Если только перину послали!

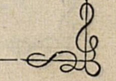
О, какъ часто я славилъ родной пуховикъ —
Предпріимчивыхъ нѣмцовъ созданье —
И лежалъ, проклиная свой жесткій тюфякъ,
Въ безконечныя ночи изгнанья.

Славно спится среди сладострастныхъ перинъ....
Грезы тихи и сладки и новы....
Утопая въ перинѣ, всѣхъ нѣмцевъ душа
Забываетъ земные оковы —

И, свободная, рвется она къ небесамъ,
Изчезаетъ и тонетъ въ эѳирѣ....
Милыхъ нѣмцевъ душа! О, какъ гордъ твой полетъ
Въ царствѣ сновъ, въ фантастическомъ мірѣ...

Приближаешься ты — и блѣднѣетъ Олимпъ,
Ты несешся и плаваешь въ тучахъ...
Много звѣздъ изчезало въ выси голубой
Подъ ударами крыльевъ могучихъ.

Пусть Россія и Франція правятъ землей,
На моряхъ — англичане велики,
Но въ обители грезъ, въ царствѣ сновъ золотыхъ,
Мы безспорно остались владыки.

Гегемоніи нашей здѣсь полный просторъ,
Здѣсь мы сильны и полны свободы,
И нѣтъ зависти въ нѣмцахъ, что тамъ на землѣ
Утвердились другіе народы...

И когда я уснулъ, мнѣ приснилися вновь
Тѣ же улицы древняго Кельна,
Освѣщенныя ясно полночной луной,
И по нимъ я гуляю безцѣльно.

Я иду, — а за мною идетъ назади
Призракъ той же таинственной тѣни,
И шагаемъ мы вмѣстѣ... Я былъ утомленъ,
И безъ силъ подгибались колѣни.

Мы идемъ. Разсѣченное сердце въ груди
У меня на двѣ части раскрылось,
И изъ раны кровавой, глубокой моей
Кровь по каплѣ за каплей сочилась.

И нерѣдко свой палецъ совсѣмъ погружалъ
Я въ открытую рану; во мракѣ
На дверяхъ многихъ зданій и разныхъ домовъ
Разставлялъ я кровавые знаки.

И всегда, каждый разъ, лишь касался къ дверямъ
Я своею кровавой рукою,
Похоронные звуки дрожали вдали,
И пугали могильной тоскою.

А полуночный мѣсяцъ тускнѣлъ и тускнѣлъ,
И глядѣлъ все мрачнѣй въ небосклонѣ;
Набѣгали кругомъ на него облака
Словно грозные, черные кони.

Мрачный призракъ, какъ прежде, идетъ назади
Съ топоромъ изъ убійственной стали.
Такъ по улицамъ города въ странную ночь
Мы все шли, мы бродить не устали...

Мы все шли съ нимъ — и вдругъ очутились опять
На площадкѣ предъ Кельнскимъ соборомъ.
Двери отперты въ храмѣ; вхожу я — за мной
Мой товарищъ шагаетъ дозоромъ.

Гробовое молчаніе въ храмѣ царитъ,
Кое-гдѣ лишь лампады свѣтились.
Но отъ нихъ тѣни мрака и сумракъ ночной
Еще гуще кругомъ становились.

И я долго блуждалъ межъ высокихъ колоннъ,
И подъ сводами мрачнаго храма
Звонкій шагъ раздавался въ нѣмой тишинѣ:
Шелъ за мною мой спутникъ упрямо.

Наконецъ вотъ капелла трехъ мудрыхъ волхвовъ,
Яркимъ пламенемъ свѣчи пылали,
Золотыя пилястры блестѣли огнемъ,
Драгоцѣнные камни сверкали.

И, о чудо! До нынѣ нѣмые волхвы
Въ гробу повернуться не смѣли,
А теперь на своихъ саркофагахъ они
Передъ нами такъ чинно сидѣли.

Три скелета наряжены странно: вѣнцы
На костлявый ихъ черепъ надѣты,
И недвижными пальцами рукъ костяныхъ
Держатъ скипетръ тяжелый скелеты.

Арлекины гробовъ шевелиться хотятъ,
Но ужъ жизни нѣтъ въ мертвыхъ ихъ лапахъ;
И пропитанъ ихъ собственной гнилью кругомъ
Благовоннаго ладана запахъ.

Вотъ одинъ изъ волхвовъ даже ртомъ шевелитъ,
И предлинную рѣчь начинаетъ,
Гдѣ о томъ, какъ я долженъ его уважать
Обстоятельно мнѣ излагаетъ.

Потому что — во первыхъ — онъ сталъ мертвецомъ,
Во вторыхъ — въ немъ есть мудрости сила,
Наконецъ, потому, что теперь онъ святой,
Но все это меня не смутило.

«Безполезно объ этомъ тебѣ хлопотать! —
Отвѣчалъ я ему съ состраданьемъ —
Ты теперь отошелъ — вижу я по всему —
Къ старинѣ и къ стариннымъ преданьямъ.

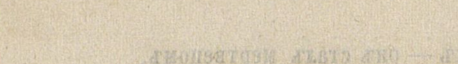
Прочь отсюда! Въ могилу, въ могилу скорѣй;
Мы давнымъ ужъ давно васъ отпѣли!
Жизнь наложитъ свободную руку свою
На сокровища въ этой капеллѣ.

Здѣсь веселая конница стойла найдетъ....
Ваши просьбы безумныя жалки....
Убирайтесь же вонъ добровольно — не то
Обратимся мы къ помощи палки.»

Такъ я имъ говорилъ, и, взглянувши назадъ,
Я увидѣлъ топоръ на готовѣ.
И мой путникъ движенье мое разгадалъ,
И нахмурились темныя брови.

Онъ подходитъ съ оружіемъ страшнымъ въ рукѣ;
Вотъ сверкнула надъ ними сѣкира,
И вокругъ разметалъ онъ скелеты волхвовъ —
Жалкій слѣдъ суевѣрнаго міра.

И подъ сводами храма отгрянулъ ударъ,
Чуткимъ эхомъ кругомъ повторился.
Изъ груди моей хлынули крови ручьи....
Я внезапно отъ сна пробудился....

VIII.

Путь отъ Кельна до Гагена стоилъ бы мнѣ
Лишь пять таллеровъ съ чѣмъ-то... Къ досадѣ,
Лишнихъ мѣстъ не нашелъ я: мнѣ ѣхать пришлось
На открытой повозочкѣ сзади.

Было сѣрое, мрачное утро. Въ грязи
Экипажъ мой по кочкамъ тащился,
Но мерзѣйшей дорогой я не былъ смущенъ,
И добрѣй, не шутя, становился.

Воздухъ родины вѣялъ мнѣ прямо въ лицо,
Раскраснѣлось оно подъ морозомъ.
Ахъ, помилуйте: эта дорожная грязь
Вѣдь пропахла родимымъ навозомъ.

Кони весело, дружно махали хвостомъ,
Даже самый навозъ тѣхъ лошадокъ
Мнѣ казался вкуснѣй аталантскихъ плодовъ:
Также былъ онъ пріятенъ и сладокъ.

Чрезъ Мюльгеймъ мы проѣхали. Милъ городокъ,
А народъ тамъ — смиренъ чрезвычайно,
Въ тридцать первомъ году, въ маѣ мѣсяцѣ, я
Посѣтилъ этотъ городъ случайно.

Все въ природѣ тогда разцвѣтало весной,
Звонко птицы кругомъ щебетали,
И весеннее солнце сверкало и жгло,
А въ народѣ съ надеждой мечтали:

«Скоро рыцарство тощее выгонятъ вонъ;
Чтобы помнили нашу сторонку,
Имъ послѣдній, прощальный напитокъ пошлемъ
Изъ желѣзныхъ бутылокъ въ догонку.

Распустивши трехцвѣтное знамя, сюда
Съ пляской, съ музыкой вступитъ свобода,
Можетъ быть Бонапарте съ собой приведетъ
Для спасенія славы народа».

Но, увы! все по старому въ этихъ мѣстахъ;
Тоже рыцарство.... Пусто и глухо...
Эти выходцы, тонкіе прежде какъ шестъ,
Отростили огромное брюхо.

Плуты блѣдные съ постнымъ, безкровнымъ лицомъ
И съ смиреньемъ отца — капуцина
Разукрасили краской пунцовой носы,
Полюбивъ наши красныя вина.

Ногу вывихнувъ, съ мѣста свобода нейдетъ,
Духъ свободы, безсиленъ и боленъ,
А трехцвѣтное знамя въ Парижѣ виситъ,
И уныло глядитъ съ колоколенъ.

Императоръ изъ гроба попробовалъ встать,
Но британскіе черви въ могилѣ
Усмирили его — и въ могилу опять
Императорскій трупъ положили.

Очевидцемъ я былъ торжества похоронъ,
Предо мною везли колесницу,
Золотые богини побѣды въ рукахъ
Золотую держали гробницу.

Тріумфальную арку минуя, прошелъ,
Провожая тотъ гробъ знаменитый,
Пышный поѣздъ, вблизи Елисейскихъ полей,
И туманомъ и снѣгомъ покрытый.

Звуки музыки въ воздухѣ глухо неслись,
Музыканты дрожа цѣпенѣли,
И съ побѣдныхъ знаменъ золотые орлы
На меня очень грустно глядѣли.

Люди мрачные шли; словно то мертвецы,
Погруженные въ грезы былаго...
Императорской славы волшебные сны
Въ каждой памяти ожили снова.

Въ этотъ памятный день я не плакать не могъ,
Лишь въ народной толпѣ прокричали
Тѣ слова позабытыя: Vive l'Empereur! —
И рѣсницы отъ слезъ задрожали.

IX.

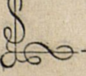
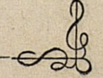
Мы изъ Кельна отправились въ восемь часовъ,
Вмѣстѣ съ экстренной почтой, и — были
Въ самомъ городѣ Гагенѣ въ третьемъ часу,
Гдѣ мнѣ тотчасъ обѣдъ предложили.

Нашу старо-германскую кухню нашелъ
На столѣ я, къ обѣду накрытомъ;
Запахъ кислой капусты, капусты родной,
Я привѣтствовалъ тамъ съ аппетитомъ.

О, каштаны съ зеленой капустою! Къ вамъ
Я останусь всегда благодарнымъ.
О, родная треска! Я любуюсь тобой,
Какъ ты плаваешь въ маслѣ янтарномъ.

Край родимый былъ дорогъ всегда для людей,
Чьи сердца впечатлительны, кротки, —
И притомъ, признаюсь, я ужасно люблю....
Подъ хорошей приправой селедки.

Какъ подъ брызгами жира сосиски пищатъ!
О какъ жалокъ, печаленъ и скроменъ
Видъ дроздовъ, заключенныхъ въ горячій кисель,
И дрозды мнѣ щебечутъ: Willkommen!

Мнѣ щебечутъ они: А! здорово землякъ!
Наконецъ-то домой воротился,
Съ иноземными птицами въ чуждомъ краю
Черезъ-чуръ ужъ ты долго возился.

Вотъ и гусь—добродушный и кроткій субъектъ...
Можетъ быть мы другъ друга любили
Въ тѣ давно промелькнувшіе годы, когда
Оба свѣжи и молоды были.

Такъ уныло, тепло онъ, смотрѣлъ на меня,
Какъ въ предчувствіи смертнаго часа....
Можетъ быть обладалъ онъ премягкой душой,
Но имѣлъ очень жесткое мясо.

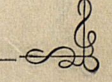
Вотъ мнѣ подали блюдо съ свиной головой....
Мы свиней издавна уважаемъ,
И лавровыми листьями рыло свиней,
Постоянно всегда украшаемъ.

X.

Я изъ Гагена выѣхалъ въ темную ночь,
И отъ стужи дрожалъ всю дорогу,
Только въ Уннѣ, зайдя въ очень скромный трактиръ,
Согрѣваться я сталъ понемногу.

Миловидная дѣвочка тамъ принесла
Кружку пунша, и мнѣ улыбалась;
Кудри мягки, какъ шелкъ, и сіянье луны
Въ нѣжныхъ глазкахъ ея отражалось.

Я тебя, шепелявый вестфальскій акцентъ,
Съ удовольствіемъ слушаю снова:
Дни студенчества въ памяти ожили вновь,
Подъ вліяніемъ пунша хмѣльнаго.

О, вестфальцы, вестфальцы! Припомнилось мнѣ,
Какъ мы пьяны порой напивались,
И, растрогавъ другъ друга до искреннихъ слезъ,
Очень дружно подъ столъ опускались.

Этихъ добрыхъ вестфальцевъ я сильно любилъ.
Очень честные, вѣрные люди!...
Лицемѣрства, хвастливости нѣтъ и слѣда
Въ ихъ нѣмецкой, безхитростной груди.

Любовался я храбростью львиныхъ сердецъ,
Любовался, смотря на дуэли,
Гдѣ такъ ловко они выпадали всегда,
И парировать честно умѣли.

Фектованья наука вполнѣ имъ далась.
Пьютъ отлично; когда жъ они пьяны,
Сколько слезъ проливаютъ, скрѣпивъ брудершафтъ!
Преслезливые были чурбаны...

Да хранитъ тебя небо, достойный народъ,
И пусть будутъ тебѣ не знакомы,
Ни герои, ни слава съ побѣднымъ вѣнкомъ,
Ни войны роковые погромы.

Пусть сынамъ твоимъ небо даруетъ успѣхъ,
Незатѣйливый, легкій экзаменъ,
А твоимъ дочерямъ добродушныхъ мужей,
Миръ законнаго брака и — amen.

XI.

Предо мной Тевтобургскій таинственный лѣсъ.
Мы о немъ у Тацита читали.
Вотъ они, тѣ болота, гдѣ Варъ утонулъ,
И толпы его гибель встрѣчали.

Здѣсь разбилъ его Германъ — Херусковъ герой.
Ты, нѣмецкой народности сила,
Попирая ногами весь этотъ навозъ,
Здѣсь съ врагами сошлась и — сломила.

Еслибъ Германъ съ своей бѣлокурой ордой,
Отступилъ безъ побѣды — не знали
Мы тогда бы свободы нѣмецкой земли,
И подъ римское иго попали;

И латинскій языкъ и привычки римлянъ
Населили селенія нѣмцевъ; тогда бы
Даже въ Мюнхенѣ нашемъ весталки нашлись,
И квиритами были бы Швабы.

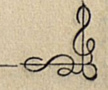
Генгстенбергъ, обратясь въ Гаруспера — сидѣлъ
Надъ распластаннымъ вепремъ, иль туромъ,
А Неандеръ слѣдилъ за полетомъ скворцовъ,
Или былъ бы суровымъ авгуромъ.

А Бирхъ-Пфейферъ тянулъ-бы тогда терпентинъ.
Дамы римскія имъ упивались,
Отчего, говорятъ, слюнки римскихъ матронъ
Ароматомъ всегда отзывались.

Не нѣмецкой бы швалью былъ Раумеръ нашъ,
Ставши римскою швалью однако.
И безъ риѳмъ Фрейлигратъ сочинялъ бы стихи
По примѣру Горація Флакка.

Этотъ нищій, суровый, нашъ батюшка Янъ
Назывался-бъ тогда грубіянусъ,
Me hercule! нашъ Масманъ, латынь изучивъ,
Сталъ бы зваться Маркъ-Туллій Масманусъ.

Журналисты по циркамъ вступали бы въ бой
Противъ львовъ и гіеннъ и шакаловъ,
Не кусая ужъ больше сварливыхъ собакъ —
Незначительныхъ мелкихъ журналовъ.

Вмѣсто всѣхъ «ландесфатеровъ» въ эти года
Одного бы Нерона имѣли,
И на зло всѣмъ рабамъ и доносамъ рабовъ
Мы вскрывать себѣ жилы умѣли.

Мудрый Шеллингъ Сенекою былъ бы вполнѣ,
И истекъ, какъ Сенека, онъ кровью.
А Корнеліусъ нашъ!... Мы твердили-бъ ему:
«Cocatüm non est pectum» — съ любовью.

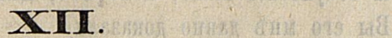
Но, — восхвалимъ Творца! — Германъ нашъ побѣдилъ.
Всѣ римляне съ позоромъ изгнались,
Варъ безславно погибъ вмѣстѣ съ войскомъ своимъ,
И германцами нѣмцы остались.

Мы остались германцами въ нашей землѣ.
Вкругъ нѣмецкій языкъ раздается:
И не asinus — esel — нѣмецкій оселъ,
Швабъ по прежнему швабомъ зовется.

Тотъ же Раумеръ — та же нѣмецкая дрянь —
Даже крестъ получилъ за юродство.
Вздоръ риѳмованный пишетъ о насъ Фрейлигратъ,
Не имѣя съ Гораціемъ сходства.

Слава Богу! Нашъ Масманъ латинцемъ не сталъ,
А Бирхъ-Пфейферъ строчитъ только драмы.
Терпентина сквернѣйшаго нѣмки не пьютъ,
Какъ шикозныя, римскія дамы.

Мы обязаны этимъ, о Германъ, тебѣ,
Предъ тобою герои всѣ низки.
Мы поставимъ въ Детмольдѣ тебѣ монументъ,
Монументъ по всеобщей подпискѣ.

XII.

Темной ночью тащился по лѣсу рыдванъ,
Вдругъ повозка, треща, закачалась:
Колесо соскочило. Мы стали. Бѣда
Мнѣ забавной совсѣмъ не казалась.

Почтальонъ убѣжалъ деревеньку искать,
И одинъ я въ лѣсу оставался, —
Отовсюду кругомъ въ эту самую ночь,
Несмолкаемый вой раздавался.

Изморенные голодомъ, пасти раскрывъ,
Это волки въ лѣсу завывали.
И во мракѣ ночномъ ихъ глаза, какъ огни,
Межъ деревьевъ, порою, сверкали.

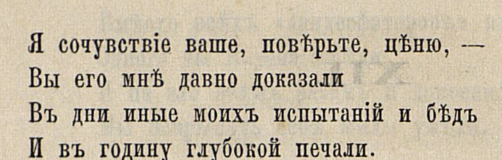
Вѣроятно, они, о прибытьи моемъ
Услыхавъ, поднимаютъ тревогу,
Заливаются хоромъ, и сотнями глазъ
Освѣщаютъ пришельцу дорогу.

Серенаду такую я понялъ: они
Торжество мнѣ устроить желали.
Я въ позицію сталъ и привѣтствовалъ ихъ,
И слова мои чувствомъ дрожали:

«Сотоварищи волки! Я счастливъ — межъ васъ,
Гдѣ встрѣчаю радушія знаки,
Гдѣ такъ много прямыхъ, благородныхъ сердецъ,
Мнѣ сочувственно воютъ во мракѣ.

Словъ незнаю, чтобъ выразить чувства мои,
Благодарность моя безконечна.
Для меня, о друзья, эта дивная ночь
Незабвенной останется вѣчно.

Я сочувствіе ваше, повѣрьте, цѣню, —
Вы его мнѣ давно доказали
Въ дни иные моихъ испытаній и бѣдъ
И въ годину глубокой печали.

Сотоварищи волки! Во мнѣ никогда
Не могли еще вы сомнѣваться,
И словамъ негодяевъ не вѣрили вы —
Будто я сталъ съ собаками знаться,

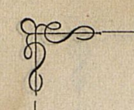
Будто я измѣнилъ, и въ овчарню войду
Я надворнымъ совѣтникомъ скоро....
Отвѣчать на подобную, гнусную ложь
Я считалъ всегда верхомъ позора.

Прикрывался порою я шкурой овцы
Лишь затѣмъ, что она согрѣвала,
Но о счастьи овечьемъ мечтать я не могъ:
Это счастье меня не плѣняло.

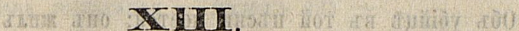
Я не песъ, не надворный совѣтникъ пока,
И овцой никому не казался.
Это сердце и зубы — закала волковъ —
Я былъ волкомъ, и волкомъ остался.

Я былъ волкомъ, — и имъ остаюсь на всегда,
Буду выть я по волчьи съ волками.
Да, намъ небо поможетъ! Лишь вѣрьте въ меня,
Да себя защищайте клыками.»

Такъ экспромтомъ съ волками витійствовалъ я.
Эту рѣчь, выраженія эти
Озадаченнный Кольбъ поспѣшилъ, не спросясь,
Напечатать въ нѣмецкой газетѣ.

XIII.

Солнце, близъ Падерборна, на западъ спѣша,
Недовольную мину имѣло.
Въ самомъ дѣлѣ—свѣтить нашей глупой землѣ
Безполезное, скучное дѣло.

Лишь одной сторонѣ начинаетъ свѣтить —
И къ другой ужъ свой бѣгъ направляетъ,
А на первой опять поселяется мракъ,
И торжественный день замѣняетъ.

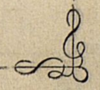
Какъ у Сизифа валится камень изъ рукъ,
Какъ наполнить ни кто не съумѣетъ
Данаидову бочку, — такъ солнечный лучь
Безполезно намъ свѣтитъ и грѣетъ.

Лишь развѣялся ранняго утра туманъ,
Видѣлъ я надъ дорогой, высоко,
Поднимался распятья священнаго крестъ,
А на немъ чудный образъ пророка.
. . . .
. . . .

XIV.

Рѣзкій вѣтеръ. Повозка плетется въ грязи.
Мѣстность скучная, видъ монотонный.
Но я веселъ. Во мнѣ все поетъ и звучитъ:
«Солнце! ты обличитель безсонный».

Этотъ самый припѣвъ старой пѣсни давно
Надо мной моя няня пѣвала —
«Солнце, ты обличитель безсонный», какъ рогъ
На охотѣ, та пѣсня звучала.

Объ убійцѣ въ той пѣсни поется; онъ жилъ,
На веселыхъ пирахъ наслаждаясь.
Наконецъ его трупъ отыскали въ лѣсу,
Гдѣ висѣлъ онъ, на ивѣ качаясь.

Роковой приговоръ надъ убійцей висѣлъ,
Неизвѣстной рукой пригвожденный —
Тайный мститель на ивѣ повѣсилъ его.
«Солнце, — ты обличитель безсонный!»

Тотъ убійца былъ солнцемъ однимъ обличенъ,
И погибъ, имъ на смерть осужденный....
Умирая, Оттилія пѣла слова:
«Солнце, ты обличитель безсонный».

И едва эта пѣсня придетъ мнѣ на умъ —
Няню милую вспомню тогда я;
Предо мною стоитъ съ пожелтѣвшимъ лицемъ,
Вся въ морщинахъ, старушка сѣдая.

Близко Мюнстера гдѣ-то она родилась,
Много повѣстей, старая, знала,
Много сказокъ волшебныхъ могла разсказать,
И народныя пѣсни пѣвала.

Сильно билося дѣтское сердце въ груди,
Лишь старуха разсказъ начинала,
Какъ сидѣла въ степи королевская дочь,
Золотистыя кудри чесала;

И пасла она въ полѣ день цѣлый гусей,
А подъ вечеръ домой возвращалась,
И войдя въ ворота, королевская дочь
Постоянно печалью смущалась.

Голова лошадиная — видитъ она —
Подъ гвоздемъ на воротахъ торчала.
Вѣдь на этой несчастной лошадкѣ сюда
На чужбину, бѣдняжка, попала.

И со стономъ твердитъ королевская дочь:
Кто повѣсилъ тебя здѣсь, Фавада?
Голова лошадиная ей говоритъ:
«Ты-ль пасешь здѣсь гусиное стадо?»

И со стономъ твердитъ королевская дочь:
О, когда-бъ это матушка знала!
Голова лошадиная ей говоритъ:
«Это сердце-бъ ее разорвало.»

Задыхаясь, я слушалъ старуху мою.
Словно голосъ свой няня мѣняла,
Лишь о славномъ царѣ Барбароссѣ она
Свой чудесный разсказъ начинала.

Говорила мнѣ няня, что онъ еще живъ,
Хоть по книгамъ его схоронили,
Что скрывается онъ подъ одною горой,
Что друзья его тамъ окружили.

И гора та зовется Кифгайзеръ, а въ ней
Есть пещера съ подземнымъ проходомъ.
Тамъ лампады горятъ, и таинственный свѣтъ
Проливается въ залахъ по сводамъ.

Первый залъ занимаетъ конюшня царя,
Гдѣ подъ свѣтлою сбруей, въ попонѣ,
Въ многихъ тысячахъ стойлахъ у яселъ стоятъ
Императора гордые кони.

Кони взнузданы всѣ и накрыты сѣдломъ,
Но не слышно ни стука, ни ржанья,
Эта конница въ залѣ недвижно стоитъ,
Точно мѣдныхъ фигуръ изваянье.

Вотъ и зала другая, и въ ней на полу,
На соломѣ лежали солдаты
Много тысячъ солдатъ; лица грозныя ихъ
Загорѣли въ бояхъ, бородаты.

Есть оружье на нихъ съ головы и до ногъ,
Но недвижно за воиномъ воинъ
Спитъ въ своемъ роковомъ, заколдованномъ снѣ:
Войска сонъ непробудно спокоенъ.

По стѣнамъ третьей залы оружье виситъ,
Битвъ и подвиговъ славныхъ эмблемы:
Копья, бердыши, древнія ружья, мечи,
Латы старыя, мѣдные шлемы.

Мало пушекъ, но все же трофеи войны
Возвышались въ величьи безстрастномъ,
И трехцвѣтное знамя надъ ними виситъ:
Черный цвѣтъ вмѣстѣ съ желтымъ и краснымъ.

Вотъ четвертая зала. Ужъ много вѣковъ,
Какъ на каменномъ креслѣ въ той залѣ,
Императоръ сидитъ за столомъ, и чело
Опустилъ онъ на руки въ печали.

Разрослась до земли у него борода,
И алѣетъ, какъ будто отъ крови.
Императоръ, порой, то глазами сверкнетъ,
То задумчиво сдвинетъ онъ брови.

Спитъ-ли онъ или думаетъ думу о чемъ?
Разрѣшить это трудно. Настанетъ
Часъ призывный, тогда, неподвижность забывъ,
Императоръ навѣрно воспрянетъ.

Схватитъ славное знамя, и крикнетъ войскамъ:
На коней! На коней! И проснутся
Эти сонные всадники, вскочатъ съ земли,
И на царственный кликъ отзовутся.

На коней всѣ прыгнутъ; кони ржутъ и храпятъ,
Въ нетерпѣньи бьютъ въ землю копытомъ,
И при звукахъ трубы мчатся всадники въ свѣтъ,
Съ браннымъ крикомъ, еще не забытымъ.

Бьются храбро и смѣло войска на поляхъ,
Послѣ долгаго сна по пещерамъ,
Императоръ творитъ справедливый свой судъ,
И готовитъ онъ казнь изуверамъ,

Умертвившимъ Германію въ прошлые дни,
Умертвившимъ, въ враждѣ затаенной,
Эту чудную дѣву въ кудряхъ золотыхъ...
«Солнце — ты обличитель безсонной.»

И тогда эта грозная кара найдетъ
Всѣхъ, кто думалъ укрыться отъ кары.
Ихъ настигнетъ вездѣ Барбароссы рука
И заслуженной казни удары...

О, какъ весело слушать мнѣ няню мою
И слова этой сказки мудреной,
И мое суевѣрное сердце поетъ:
«Солнце, ты обличитель безсонной».

XV.

Какъ иголками, дождикъ лицо мнѣ кололъ,
Вѣтеръ рветъ, надрывается въ плачѣ,
И, по грязи, уныло махая хвостомъ
Шли почтовыя, чахлыя клячи...

Въ рогъ дорожный усердно трубитъ почтальонъ —
Пѣсню старую слышу по звуку:
«Вотъ три рыцаря ѣдутъ шашкомъ изъ воротъ»...
Я испытывалъ страшную скуку.

Клонитъ голову сонъ, — я лежу и дремлю,
И таинственный сонъ мнѣ приснился,
Будто я нахожусь на волшебной горѣ,
Будто я къ Барбароссѣ явился.

Онъ на каменномъ креслѣ уже не сидѣлъ,
Какъ статуя, всегда неизмѣнный,
Даже видъ его самый не такъ былъ суровъ,
Не пугалъ онъ фигурой надмѣнной.

Онъ по заламъ со мною ходилъ и болталъ
Съ очень дружескимъ, нѣжнымъ привѣтомъ,
Много рѣдкихъ вещей и диковинокъ мнѣ
Онъ показывалъ даже при этомъ.

Въ оружейную залу вошли мы; меня
Тамъ училъ онъ владѣть булавою,
Пятна ржавчины съ многихъ тяжелыхъ мечей
Оттиралъ драгоцѣнной полою,

И метелкой изъ перьевъ павлиныхъ смѣталъ
Пыль, насѣвшую густо на латахъ,
На желѣзныхъ шеломахъ, стальныхъ шишакахъ
И на броняхъ старинныхъ, богатыхъ...

Также съ стараго знамени пыль отряхнулъ,
И сказалъ: «я горжуся тѣмъ очень,
Что до знамени моль не коснулась еще,
Что червями мой стягъ не источенъ».

Въ залъ вошли мы, гдѣ, скованы сномъ на землѣ,
Сотни воиновъ тихо лежали,
Но готовыя къ бою, и молвилъ старикъ,
И слова его счастьемъ дышали:

— «Здѣсь должны мы потише ходить, а нето
Всѣхъ солдатъ мы уснувшихъ разбудимъ.
Снова вѣкъ промелькнулъ, и за службу бойцамъ
Раздавать нынче деньги мы будемъ.

И затѣмъ Императоръ бойцевъ обходилъ,
И, надъ каждымъ склоняясь по залѣ,
Золотыя монеты въ карманъ опускалъ,
И со звономъ червонцы блистали...

И, когда на него я взглянулъ, удивясь,
Отвѣчалъ онъ въ торжественномъ тонѣ:
«По исходѣ столѣтья имъ жалую я
По червонцу за службу коронѣ».

Въ залѣ той, гдѣ предъ взоромъ, въ тиши гробовой,
Рядъ недвижныхъ коней представлялся,
Потиралъ себѣ руки взволнованный царь,
Чрезвычайно довольнымъ казался.

Онъ считалъ торопливо коня за конемъ,
И по шеѣ ихъ гладилъ рукою;
Онъ считалъ ихъ, считалъ, только губы его
Шевелились съ нескрытой тоскою.

«Уменя въ лошадяхъ все еще не дочетъ —
Наконецъ онъ сказалъ — и вздыхаетъ:
Здѣсь оружія много и много солдатъ
Только вотъ лошадей не хватаетъ:

Ремонтеровъ по цѣлому свѣту я слалъ,
Чтобъ они мнѣ коней покупали,
И теперь для конюшни моей лошадей
Ремонтеры ужъ много прислали.

И когда я наполню совсѣмъ ихъ число,
Рать могучая эта проснется,
И пойду я спасать мой нѣмецкій народъ —
Мой народъ меня ждетъ — не дождется».

Такъ онъ мнѣ говорилъ — и ему я въ отвѣтъ:
«Въ бой иди ты съ военною силой,
А когда въ лошадяхъ недостатокъ найдешь,
Замѣни ихъ ослами, мой милый.

Императоръ на это съ насмѣшкой сказалъ:
«Съ разу дѣлъ вѣдь никто не рѣшаетъ?
Въ день одинъ не могли же построить весь Римъ,
Торопливость лишь дѣлу мѣшаетъ.

Не сегодня, такъ завтра до цѣли дойдемъ.
Дубъ ростетъ по тихоньку въ полянѣ
Также: chi va piano va sano, давно
Поговорку сложили римляне.»

XVI.

Я проснулся въ повозкѣ отъ сильныхъ толчковъ,
Но подъ грезою снова склонился,
По немногу слипались глаза, — и тогда
Бэрбаросса опять мнѣ приснился.

Вновь по заламъ пустыннымъ мы стали блуждать,
Толковали о разномъ мы вздорѣ;
Онъ о многомъ распрашивать началъ меня,
И внимателенъ былъ въ разговорѣ.

Много, много ужь лѣтъ миновало сътѣхъ поръ,
Съ семилѣтней войны начиная,
Какъ о нашей землѣ онъ двухъ словъ не слыхалъ,
О событьяхъ послѣднихъ не зная.

Узнавалъ онъ какъ жилъ Моисей Мендельсонъ,
Онъ спросилъ и о старой Каршинѣ
И о той Дюбарри, фавориткѣ двора,
О прелестной французской графинѣ...

— Императоръ! вскричалъ я, ты очень отсталъ,
Не видать ужь теперь ни когда намъ
Моисея: онъ умеръ съ Ревеккой женой
Вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Авраамомъ.

А отъ Ліи, жены Авраама на свѣтъ
Появился мальчишка прелестный:
Онъ далеко пошелъ, христіаниномъ сталъ —
И теперь капельмейстеръ извѣстный.

А Каршинъ, говорятъ, ужь давно умерла,
Вскорѣ дочь ея тоже скончалась,
Только внучка Эльмина Хези на землѣ,
Сколько помню, живою осталась.

Жилъ Людовикъ пятнадцатый... — Въ блескѣ двора
Дюбарри, безъ заботъ, наслаждалась,
Ужь подъ старость она къ гильотинѣ пошла,
И съ счастливою жизнью расталась,

Преспокойно Людовикъ пятнадцатый могъ
Умереть на постели, въ перинѣ,
Но Людовикъ шестнадцатый вмѣстѣ съ женой
Жизнь покончили на гильотинѣ,

Королева съ присутствіемъ духа большимъ
Дожидалась рѣшенія казни,
Лишь одна Дюбарри утопала въ слезахъ,
И кричала отъ сильной боязни.

Императоръ, услыша такіе слова,
Тутъ спросилъ съ удивленною миной:
Гильотину, пожалуйста, мнѣ объясни —
Не знакомъ я совсѣмъ съ гильотиной.

— Гильотина — я началъ ему объяснять, —
Новый способъ престранныхъ условій:
Этимъ способомъ можно отправить къ отцамъ
Всѣхъ особъ изъ различныхъ сословій.

Этотъ способъ новѣйшій повсюду въ ходу,
Гильотинъ изобрѣлъ ту машину,
Потому то тѣмъ именемъ нынче зовутъ
Эту страшную всѣмъ гильотину.

Человѣка подвяжутъ къ доскѣ, — и она
Опускается быстро и скоро,
Осужденныхъ толкаютъ межъ двухъ косяковъ,
А вверху ждетъ топоръ приговора.

И, едва за веревку потянетъ палачь,
Треугольный топоръ засверкаетъ,
И, при этомъ движеньи, твоя голова
Непремѣнно въ мѣшокъ упадаетъ.

Императоръ во гнѣвѣ меня перервалъ:
«Мнѣ до этой машины нѣтъ дѣла!
Я хочу, чтобъ въ моемъ государствѣ она
Ни кого бы и тронуть не смѣла.

Какъ? Король съ королевой привязанъ къ доскѣ?
Но, послушай, возможно-ли это?
Гдѣ же послѣ того уваженье къ властямъ
И къ законамъ святымъ этикета?

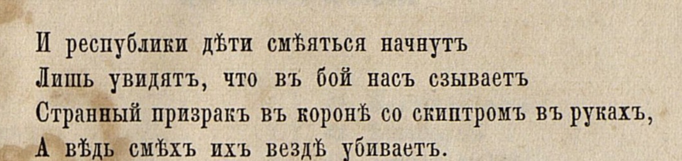
А ты самъ, кто ты самъ, что осмѣлился мнѣ
Слово *ты* говорить откровенно?
Подожди же мальчишка!, я крылья твои
Обрублю, обрублю непремѣнно.

Желчь бушуетъ во мнѣ лишь услышу, какъ ты,
Говорить начинаешь тѣмъ тономъ...
Знай же дерзкій: дыханье твое уже есть
Преступленье, измѣна предъ трономъ.»

Но когда раздраженный старикъ закричалъ,
Позабывъ о приличіяхъ свѣта,
Въ ту минуту досада проснулась во мнѣ:
Я немогъ не отвѣтить на это.

Господинъ Барбаросса — я крикнулъ ему —
Ты по сказкамъ извѣстенъ народу,
Такъ поди-ка прилягъ и покойно усни:
Безъ тебя мы отыщемъ свободу.

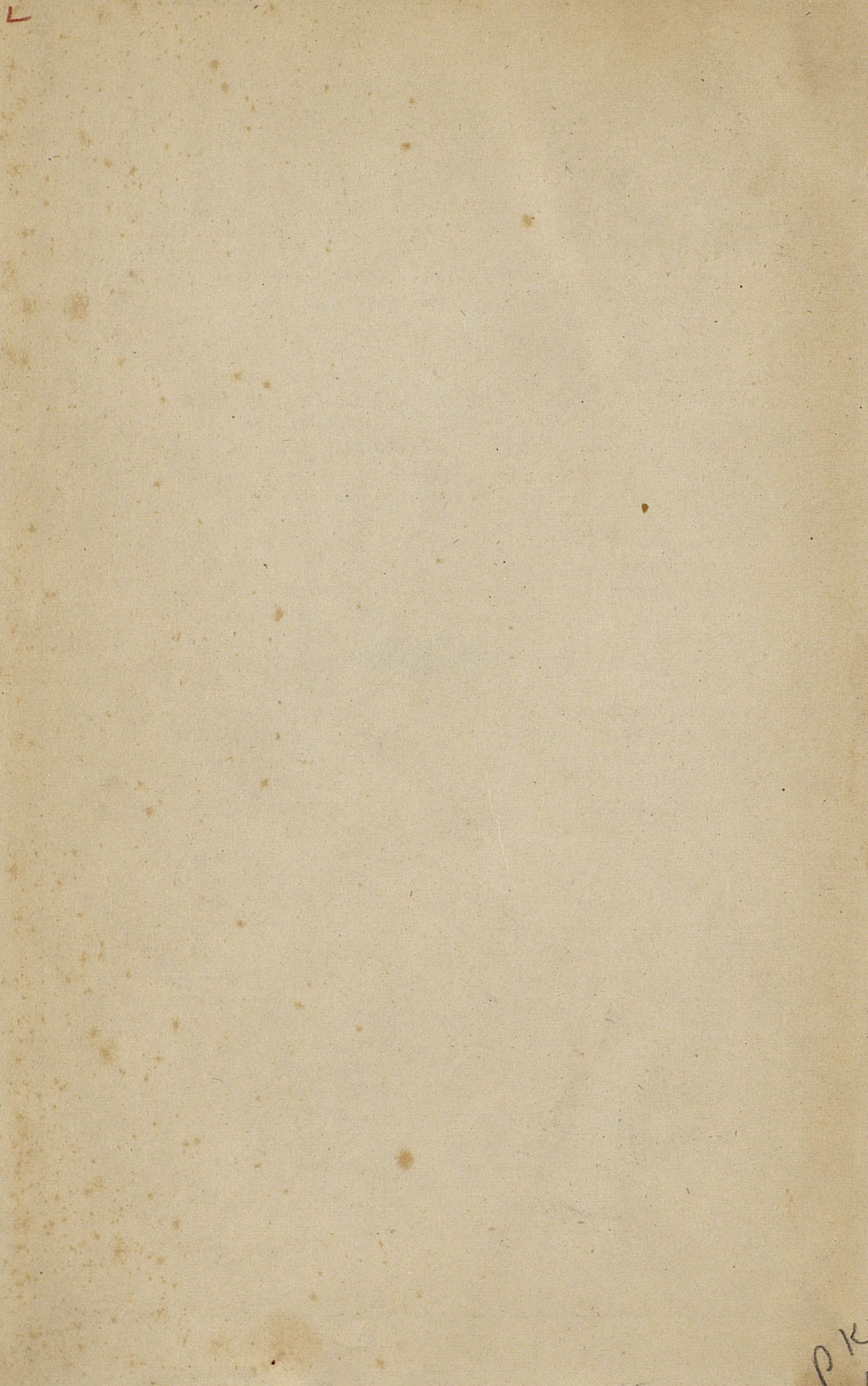

И республики дѣти смѣяться начнутъ
Лишь увидятъ, что въ бой насъ сзываетъ
Странный призракъ въ коронѣ со скиптромъ въ рукахъ,
А вѣдь смѣхъ ихъ вездѣ убиваетъ.

И на знамя твое уже съ давнихъ временъ
Я смотрю не съ большою охотой,
Съ дней студенческихъ я потерялъ ту любовь
Къ черно-краснымъ цвѣтамъ съ позолотой

Оставайся же въ старомъ Кифгайзерѣ ты,
И, лишь я пораздумаю только,
Мы въ тебѣ и въ подобныхъ тебѣ господахъ
Не нуждаемся нынче нисколько.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

2007054861